

Д Ъ Т И
А Б Б А Т С Т В А ,

А Г Л И Н С К О Й Р О М А Н Ъ .

Переведено съ Французскаго
М. Я.

Ч А С Т Ъ П Я Т А Я .

М О С К В А , 1 8 0 3 .

Въ Университетской Типографіи,
у Любія, Гаріа и Полова.

*Съ дозволенія Московской
Цензуры.*

Д Ъ Т И

А Б Б А Т С Т В А .

Г Л А В А I .

Такъ прошелъ первый день въ новомъ пребываніи Аминшы; и цѣлая недѣля прошекла такимъ же образомъ, выключая Воскресенья, въ которое школа не опворялась, и Аминша съ Мисприссою Макферзонъ ходила въ церковь. Мисприссъ Макферзонъ не позволяла ей выходитьъ, говоря, что сіи бѣганья ни на что не нужны. Въ концѣ недѣли, она нашла себя столько упомленную безпокойствомъ и неподвижною жизнію, кошорую она принуждена была веспи, что рѣ-

шилаь обьяснить ей, что она ее оставивъ, естли не дастся ей свобода всякой вечеръ дѣлать движеніе, нужное для здоровья ея. Мистриссъ Макферзонъ не много спусила и поворчала; но какъ Аминша говорила ей твердымъ голосомъ, шо, испугавшись угрозъ ея, сказала ей напоследокъ, что послѣ обѣда могла она сполько имѣть движенія, сколько ей угодно было.

Аминша воспользовалась симъ позволеніемъ: посѣщала она всѣ окружныя жилища; но чаще пробѣгала дорожки, ведущія къ морю. Любила она прогуливаться вдоль по берегу; а когда уставала, шо отдыхать на камениспомъ пригоркѣ, и разсмапривать прошиволежащій берегъ. Тщешно старалась она узрѣть знакомые ей предметы: не возможно было замѣшить Карбери - Каспль; но она знала положеніе онаго, и нахо-

дила нѣкоторое удовольствіе обращать взоры свои въ ту сторону.

Въ уединенныхъ сихъ прогулкахъ свободно могла она проливать слезы, и уснаряя глаза свои на портретъ Лорда Моршимера, не страшилась она быть примѣчена. Каменистыя горы соснавли, такъ сказать, валъ вокругъ ея; и въ пущи, сопровождающемъ къ морю, рѣдко встрѣчала она существо человеческое.

Прошло такъ двѣ недѣли, и она начала крайне удивляться и беспокоиться, не имѣвъ отъ Мистриссы Дориметъ никакого извѣстія. Рѣшилась она писать къ ней, не возмогши болѣе сносить мученія, причиняемаго ей неизвѣстностію, въ которой она была о дѣйствіи, какое могъ произвести побѣгъ ея надъ Лордомъ Моршимеромъ. По утру того дня, всегда рѣшилась она писать, ви-

дитѣ мапраса подходящаго къ дому, и воображала, что онѣ принесѣ ей письмо; забыла она всякую предосторожность, и съ поспѣшностію вышла изъ комнаты. Она остановила мапраса въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, и признавъ его принадлежащимъ судну, привозившему ее, я надѣюсь, сказала она, что у васъ есть ли ко мнѣ письмо? Человѣкъ потѣсдѣлалъ ей знакъ, что есть, и вытащилъ большой пакетъ, которою Аминта съ живоснію схватила; и зная, что дома не могла она его ни чѣмъ поподчивать, дала ему нѣсколько денегъ, на которыя бы онѣ выпилъ гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Тогда возвратилась она въ пріемную и спѣшила удалиться въ свою комнату, какъ вдругъ Мисприссъ Макферзонъ остановила ее: что такое? спросила она; что все сіе движеніе значитъ? Можно бы по-

думать , что вы любовное получили письмо ; такъ вы спѣшите читать оное.

Однако же , сказала ей Аминша , могу увѣрить васъ , что сіе ни мало на то не похоже.

А отъ кого же оно ?

Аминша рассуждала : ежели бы сказать ей , что письмо было отъ Миссриссы Дориметъ , то она бы замучила ее дерзкими вопросами ; отвѣчала , что оное было отъ искренней ея пріятельницы.

Отъ искренней пріятельницы ! повторила Миссриссъ Макферзонъ ; полагаю , что отъ онаго ни чья жизнь или смерть не зависитъ , и такъ очень возможно вамъ погудитъ читать его , чтобъ послѣ обѣда то исполнишь , а теперь задавать дѣтямъ уроки. Весьма досадная была сія минута для Аминшы. Нѣсколько времени колебалась она , повинуваться ли ей ;

но потомъ разсудивъ, что непремѣнно бы прервали ее, естли бы и начала читать, рѣшилась оплохить до того времени, какъ опобѣдающъ. Налослѣдокъ пришелъ часъ сна. Мишриссы Макферзонъ, и Аминша спѣшила идти въ обыкновенныя свои между каменистыхъ горъ убѣжища. Сѣла и разломила печать; обвершка заключала два письма: первое, на кошорое она бросила глаза, было опъ Лорда Шербюри, и содержаніе онаго было слѣдующее:

Миссъ Фитзаланъ.

„Напрасно вы, моя любезная и многопочтенная, оппрекаетесь принять опъ меня какую либо денежную помощь. Не съ вашей спороны будетъ обязанность, но я долженъ вамъ останусь вѣчною признательностію, естли вы склонитесь на мои убѣди-

желныя о томъ прозбы. Я только что прїѣхалъ, и приказалъ моему письмоводителю составить контрактъ на имя ваше, платишь по пристра фунтовъ шерлинговъ въ годъ, и теперь же съ симъ письмомъ доставлю бумагу сію къ Настоятельница. Я очень увѣренъ, что никогда не возмогу заплашить вамъ за сдѣланное вами мнѣ великодушное пожертвованіе, возбуждающее во мнѣ чувство, котораго я не смѣю принясья объяснять, для того что оно выше всякаго выраженія; но вы сами можете дознаться, какимъ окомъ долженъ я взирать на существо, спасшее меня отъ безчестія и гибели. Увѣдомился я, что Лордъ Моршимеръ оставилъ Ирландію, и со дня на день ожидаю его сюда. Теперь имѣю я надежду, что онъ согласится съ желаніями моими. Вообра-

жаешься мнѣ, что и сами вы довольны будете, узнавъ, что не щепина учиненная вами жертва, но что доставила она благопріятныя ожидаемыя мною опѣ оной послѣдствія. Тогда только возмогу я вкушать нѣкоторое благополучіе, когда увѣренъ буду, что вы счастливы. Да и кто же болѣе на то имѣетъ права, какъ не вы, которой добродѣтель столь чиста, душа столь благородна, великодушіе столь героическое, и которая столь много превышаетъ всѣхъ женщинъ, каковыхъ мнѣ когда либо знашь случалось?

„Да преслѣдуетъ васъ въ семѣ и въ будущемъ вѣкѣ воздаііе ваше! сіе - то есть, государыня моя, горячее и искреннее желаніе того, который имѣетъ честь называться вашимъ признательнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою,

Шербюри.,,

Нечувствительный человек! вскричала Аминша; как мало входитъ сердце его во все то, что онъ ко мнѣ пишетъ! сколько мало знаетъ онъ цѣну сдѣланной мною ему жертвы! съ какимъ безчеловѣчьемъ представляетъ онъ мнѣ событіе надеждъ его чрезъ разрушеніе всѣхъ льстившихъ мнѣ! Нѣтъ, лучше пойду опѣю однихъ воровъ къ другимъ, и спану просить милосыни, нежели соглашуся быть чемъ ии-будь обязана его надменной признательности, тогда, какъ мерзкая снрасть его разрушила благополучіе мое... Свернула она письмо, положила въ карманъ, и взяла другое, котораго надпись была руки Мисприссы Дориметъ:

Миссъ Дональдъ.

„Ахъ, любезное дитя мое! на что вы вырвали изъ меня общаніе писать въ вамъ подробно

все происходившее по отвѣдѣ
вашемъ ! Я не могу, конечно, оп-
казаться исполнить обязатель-
ство, споль поржественно мною
данное ; но съ чрезмѣрною пруд-
ностію приступаю къ тому,
бывъ увѣрена, что все то, что
имѣю сказать вамъ, умножитъ
только скорби ваши. Кажется мнѣ
однако же, что внимаю васъ говоря-
щую мнѣ : безъ сомнѣнія, любез-
ная моя Мисприссъ Дориметъ,
довольно вы меня знаете, чтобъ
быть увѣренной о принятіи мною
всего сказаннаго вами съ бодро-
стію и покорностію. И такъ,
моя любезная, употребляйте и
то и другое ; а я начну, не при-
угошворяя васъ болѣе :

„Вы можете припомнить, что
оставили вы меня около трехъ
часовъ утра. Я легла въ по-
стелю, но не могла въ оной най-
ти успокоенія, и вспала споль-
ко же ушомленною, какъ и ложи-

лась ; пришла въ пріемную , гдѣ всегдашнимъ усерднымъ попеченіемъ сестры Маріи все было приготоовлено къ завтраку вашему съ Лордомъ Морпимеромъ . Я велѣла сказать сестрамъ , чѣмъ не приходили , пока ихъ не позовутъ . Скоро пришелъ Лордъ Морпимеръ , веселъ , на лицѣ пріятная улыбка , и въ глазахъ ошмѣнная живость ; я никогда не видывала благополучія столь явственно на лицѣ изображающимся . Онъ имѣлъ видъ любви , получающей возмездіе за поспѣшество свое ; спрашивалъ меня , видѣла ли я васъ ? я сказала , что нѣтъ . Онъ потчасъ извѣвилъ свою неперпблнвость ; называлъ васъ неповоротливою , и оказывалъ свое опасеніе , что вы не будете добрая путешественница . Позвонилъ , и просилъ дѣвку идти сказать вамъ , что онъ васъ дожидается . О ! любезное дитя мое !

какъ въ сію минушу спрадало сердце мое! я отвратила лице въ сторону, и смотрѣла въ садъ, дабы скрыть смущеніе свое. Скоро потомъ возвратилась дѣвка и рассказываетъ, что васъ въ верху нѣтъ. Конечно она, сказалъ Лордъ Моршимеръ, въ какой нибудь другой комнатѣ; пожалуйста поищите ее и попросите сюда сойти. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ сего, входитъ сестра Марія, блѣдная, изумленная и едва дышущая, и бросившись въ комнату вскричала: о Небо! Миссы Физзаланъ не нашли! но вотъ два письма, копорыя я на столѣ увидѣла: одно къ вамъ, сударыня, а другое къ Лорду Моршимеру. Не знаю я, какое впечатлѣніе означилось тогда на лицѣ Лорда Моршимера; ибо совѣсть моя опняла у меня всю бодрость поднять глаза на него; въ молчаніи взяла я пись-

мо, развернула его, но не имѣла силы прочесть оное. Сестра Марія спояла подлѣ меня, плакала и ломала руки. Что такое? что она къ вамъ пишеть? Не могла я отвѣчать ей, ниже сдѣлать какоенибудь движеніе, какъ вдругъ глубокой вздохъ, или, лучше сказать, плачевное спенаніе Лорда Морпимера извлекло меня изъ сего состоянія. Я вспала и увидѣла его блѣднымъ и неподвижнымъ, держащимъ въ рукахъ письмо, на которое усмотрены были глаза его. Отворила я дверь въ садъ, дабы достигалъ его воздухъ: не много пришелъ онъ въ себя. Успокойтесь, Милордъ, сказала я ему. Онъ печально покачалъ головою, и сдѣлавъ мнѣ рукою знакъ, не говоря ему и не слѣдовавъ за нимъ, пошелъ въ садъ. Боже мой! сказала мнѣ сестра Марія, что же она къ вамъ пишеть?

Въ отвѣтъ ей подала я ваше письмо, и просила ее прочесть оное въ слухъ; ибо проливаемые мною слезы, при видѣ мучительнаго положенія Лорда Мортимера, совсѣмъ помрачили зрѣніе мое. Скоро ужасъ въ разсужденіи васъ сдѣлался всеобщимъ: всѣ монахини прибѣжали; на лицѣ каждой изображалась горечь и изумленіе. По прошествіи около получаса, увидѣла я Лорда Мортимера возвратившагося въ пріемную, и я отослала сестръ. Всѣ силы употреблялъ онъ, дабы успокоиться, но не могъ успѣть въ томъ: онъ весь трепещалъ, былъ блѣденъ какъ мертвый, и прерывался голосъ его. Подалъ онъ мнѣ прочесть ваше письмо, а я вручила ему написанное ко мнѣ. И такъ, Милордъ, по прочтеніи сказала я ему, мы болѣе должны сожалѣть объ ней, нежели обвинять ее.

„Ахъ! сказалъ Милордъ, я оубъ всего моего сердца сожалѣю о ней! сожалѣю, что такое шворе-
ше, какъ Миссъ Фитзаланъ, сдѣ-
лалась рабой и добычею порока!
Но она прошивъ меня была без-
жалостлива; обманула меня, без-
человѣчнымъ образомъ обманула,
и навсегда разрушила благопо-
лучіе мое!

„Ахъ, Милордъ! сказала я
ему, хошя бы всѣ наружности
были прошивъ нее, но я никог-
да не сочшу ее виновною. Та, ко-
торая исполняла всѣ должности
дочери, шакъ какъ по дѣлала
Аминша; ша, копорую видѣла я
покоряющуюся бѣдой и шрудо-
любивой жизни, не можешъ быть
пабницей порока.

„Не говорите мнѣ болѣе о
ней, сказалъ онъ мнѣ; произно-
шеніе имени ея ешь жестокій
ударъ сердцу моему. Подозрѣнія,
кошорыя я нѣкогда имѣлъ, и по-

слѣ приходилъ въ отчаяніе, для чего допустилъ имъ возродиться, теперь подозрѣнія сіи подтверждаютъ. Возставали они, когда увидѣлъ я Бельграва, бродящаго здѣсь въ окрестностяхъ, и когда ее самую нашелъ въ развалинахъ при наступленіи ночи. О Небо! не взирая на смущеніе ея, съ какою легкостію сердце мое, предваренное въ пользу ея даже до ослѣпленія, спѣшило извинить ее! Несчастная дѣвица! судьба швоя дѣйствительно весьма плачевна и весьма достойна сожалѣнія! Можетъ быть скоропоспѣжное раскаяніе вырветъ ее изъ рукъ злодѣя, теперь надъ ея погибелію торжествующаго; но и тогда, разлучась такимъ образомъ, мы никакъ соединены быть не можемъ. Я сполько увѣренъ, прибавилъ онъ, что страсть ея къ Бельграву была виною сего побѣга, что не стану и шу-

дѣлась разыскавать, куда она дѣвалась. — Я хотѣла сказать что нибудь къ защищенію васъ, но онъ налагалъ на меня молчаніе. Убѣждала я его позавтракать, но онъ ни къ чему не могъ прикоснуться. Сказалъ мнѣ, что теперь онъ возвратится въ Карбери - Каспль, но что въ теченіи дня побываетъ опять, чтобъ увидѣться со мною. Я проводила его до воротъ. Запрепечалъ онъ при видѣ вашихъ чемодановъ, оставшихся въ сѣняхъ; онъ былъ жестоко пораженъ ими, какъ то случается при возрѣніи на предметъ, приводящій на память пошернаго друга. Скрывалъ онъ движеніе свое, поднесъ плапокъ къ лицу своему, и сѣлъ въ коляску, которая стояла у воротъ.

„Признаюсь вамъ, что въ продолженіи разговора я часто покушалась сказать ему все, что знала я объ васъ; но потчасъ

приходило мнѣ въ умѣ данное вамъ обѣщаніе, и я чувствовала, что не могла нарушить онаго. Однако же, любезное дитя мое, мучительно для меня слышать возстающія противъ васъ шаконскія обнесенія, не имѣвъ власти защитить васъ. Не можемъ мы, ни вы, ни я, прицать Лорда Моршимера за обидныя подозрѣнія, къ которымъ поступокъ вашъ столь естественнo подаеши поводъ. Конечно, дитя мое, хотя не возможно вамъ совершенно объяснить шайность, васъ съ нимъ разлучающую, но не лзя вамъ поперяишь право оправдать себя; это уже слишкомъ много, чтобъ вдругъ пожертвовать и честью и благополучіемъ вашимъ. Разочпите хорошенько все сказанное вамъ мною, и дайте мнѣ волю, еспли то возможно, сказать Лорду Моршимеру, что мнѣ извѣстно мѣсто пребыванія вашего; что

вы не искали ни любезнаго, ни даже друзей, но убожество и мрачность, увлекаемы будучи злощастною необходимостію, узы кошорой вы не можете обнаружить, и сіе есть мучительное обстоятельство положенія вашего. Онъ дастъ нѣкошорую вѣру словамъ моимъ, и будетъ, равно какъ и я, пронуть жалостію къ вамъ, вмѣсто того, чшобъ порицать васъ. Чемъ болѣе размышляю я о непонятномъ разлученіи вашемъ, шѣмъ болѣе заблуждаюсь въ догадкахъ своихъ, и шѣмъ болѣе такъ же утверждаюсь въ шѣбности щастія чело-вѣческаго, кошорое, блеснувъ на минушу, летитъ съ такою же поспѣшностію, какъ облако. Спустия около двухъ часовъ послѣ того, какъ Лордъ Моршимеръ оставилъ монастырь, пришли люди его опустить почшовую коляску и ямщиковъ. Я пошла поговорить съ

ними и поразспросить о ихъ Господинѣ. Онъ очень нездоровъ, сударыня, отъвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, и мы весьма скучное ушропрепроводили. Никогда, любезная моя Миссѣ Физзалавъ, я и всѣ сестры не имѣли мы столь мучительнаго дня. Около пяти часовъ, Лордъ Моршимеръ пришелъ опять; я была одна въ приѣмной. Онъ вошелъ съ видомъ глубокой печали; рука у него была перевязана: я ужаснулась, опасаясь, не подрался ли онъ съ Бельгравомъ. Онъ отгадалъ мысль мою, и сказалъ мнѣ, что по возвращеніи своемъ домой онъ почувствовалъ себѣ очень дурно, и велѣлъ пусшить себѣ кровь. Онъ спѣшилъ, говорилъ онъ мнѣ, уѣхать въ Дублинъ, о ш к у д а полагааъ отправиться въ Англію. Но, прибавилъ онъ, мнѣ не хотѣлось оставить васъ, любезная и добрая госпожа моя, не распро-

спившись съ вами, и не увѣривъ васъ, что всѣ общанія, несчастною дѣвицею вамъ именемъ моимъ учиненныя, пребудутъ для меня священны. Я очень поняла, что онъ говорилъ о пятидесяти фунтахъ стерлинговъ, которые онъ препоручилъ вамъ мнѣ отъ него назначить, и что обязывался ежегодно платить оныя нашему дому. Я говорила ему, что мы уже награждены были гораздо превыше попеченій, Миссъ Физаланъ нами оказанныхъ; но не могла я поколебать великодушнаго его на то рѣшенія. При семъ случаѣ должна я вамъ сказать, что количество суммы, безъ вѣдома моего вами намъ оставленной, съ лишкомъ велико, чтобъ могли мы оную удержать иначе, какъ заимообразно. Но возвратимся къ гораздо важнѣйшему содержанію разговора. Лордъ Морпимеръ казался слабъ и

упомленъ. Я ему предложила чай; онъ на то согласился. Вышла я на минушу, дабы нѣчто приказашь, и возвращаясь нахожу его у окна, которое въ садъ, споль погруженнымъ въ мысли свои, что онъ не примѣшилъ, какъ я вошла. Слышала, что говорилъ онъ: жестокая Аминша! шакъ - то плашишь ты за все для себя мною прешерпѣнсе! Я удалилась, опасаясь, чтобъ онъ не примѣшилъ того, что я могла его слышашь, и возвратилась съ дѣвкою, которая несла все принадлежащее къ чаю.

„Когда вспалъ онъ передъ отѣвѣдомъ своимъ, то казался онъ мнѣ споль смущенъ и нерѣшимъ, какъ будто бы намѣревался сказать что - то шакое, чего не имѣлъ бодрости выговорить. Наконецъ смутнымъ голосомъ, съ смерпельною блѣдносшю, мѣсто кошорой скоро за-

ступилъ живѣйшій румянецъ ,
сказалъ онъ мнѣ : я вамъ оста-
вилъ письмо Миссы Фитзаланъ.

„Ахъ , дитя мое ! никогда
мужчина не любилъ никакую
женщину такъ , какъ сей васъ
любилъ и еще лубитъ . Я выну-
ла письмо изъ моего кармана и
подала ему оное ; съ чрезмѣр-
нымъ движеніемъ онъ положилъ
его къ груди своей . Я полагаю
найди благопріятный случай
сказать ему нѣчто объ васъ ;
просила его обратить глаза на
прошедшую вашу жизнь , и посу-
дить чрезъ то , можете ли вы
быть виновны . Онъ потчасъ оспа-
новилъ меня , и просилъ оста-
вить надмѣру для него пягосп-
ное содержаніе сего разговора .
Если бы онъ меньше легковѣ-
ренъ былъ , прибавилъ онъ , по
болѣе бы щастливъ былъ ; и пог-
да , пожавъ руку мою , сказалъ
мнѣ *простите* такимъ тономъ

и съ такимъ видомъ, что слово сіе извлекло слезы изъ глазъ моихъ. Ахъ, моя любезная и почтенная! сказалъ мнѣ онъ: когда день сей начинался, могъ ли я предвидѣть, что объ такимъ образомъ оный окончился!

„Я проводила его до кареты; онъ принужденъ былъ облокотиться на руку слуги своего, чтобъ сѣсть въ оную, и оставилъ меня съ видомъ глубочайшаго прискорбія. Послѣ того много разъ посылала я въ Карбери - Каспль, чтобъ получить объ немъ какое нибудь извѣстіе; отвѣчали мнѣ, что не могли онаго имѣть иначе, какъ чрезъ повѣреннаго Лорда Шербюри, каторой не прежде, какъ чрезъ три мѣсяца пріѣдетъ.

„Провѣдала я, что онъ множество сдѣлалъ добра въ окружности; подлинно имѣетъ онъ благошворительную и доброхот-

ную душу! для сообщества нашего былъ онъ великодушный благодѣтель, и мы всякой день за него молимся. Между прочихъ добрыхъ его дѣйствій, узнали мы, что около трехъ мѣсяцовъ назадъ, заказалъ онъ сдѣлать въ Дублинѣ изъ мрамора монументъ въ память Капитана Фишзала-на, которой послѣ отбѣзда вашего былъ поставленъ въ приходской церквѣ, гдѣ онъ погребенъ. Я посылала сестру Марію съ другою сестрою посмотреть оный, и онѣ рассказывали мнѣ объ немъ, что изъ бѣлаго мрамора урна, украшенная лавровыми вѣтвями, и поставлена на пьедесталѣ изъ дикаго мрамора; на ономъ надписано имя покойнаго, надъ которымъ читали слѣдующія слова: „Томъ, коего память здѣсь хранится, исполнялъ должности Воина и Христіянина съ такою ревностію, ко-

„пораж удостовѣряетъ насъ, что
„онъ теперь вознагражденъ за
„оную. „

„Я думаю, что сей знакъ уваженія Моршимера къ памяти вашего родителя чувствительно пронетъ васъ; но я сочла за должность, не пропустишь доставить вамъ о томъ свѣденіе, для того что оное, жестоко васъ разстрогавъ, много и удовольствія принесетъ вамъ. Происходившее здѣсь повергло насъ въ великое уныніе. Сестра Марія болѣе нежели когда нибудь занята молитвами; напрасно говорю я ей, что она спановится только на одно сіе годною; она отвѣчаетъ мнѣ, что сей свѣтъ надмѣру зlobенъ, дабы не спарашься и не желать того, чтобъ какъ возможно меньше имѣть съ нимъ сношенія.

„Съ неперпѣливостію ожидаю опъ васъ извѣстія. Скажи-

ше мнѣ , какъ вы находите Ми-
сприссу Макферзонъ ? Я вида-
лась съ нею еще въ молодости
ея ; лѣта перемѣняютъ нравъ ,
равно какъ и лице . Настоящее
положеніе ваше съ лишкомъ мрач-
но и неблагопріятно , чшобъ мог-
ли вы пущъ на долго оспавать-
ся . Какъ скоро здоровье ваше
нѣсколько поправится , и душа
ваша хопя мало успокоится ,
мы поищемъ для васъ мѣста
получше . Я надѣюсь , что вы ча-
сто будете ко мнѣ писать ; но
что до меня касается , то пред-
упреждаю васъ , что я никакъ
не могу съ великою исправностію
опвѣчать вамъ , для того что
я уже пошвыкла писать , и
къ тому же зрѣніе мое весьма
ослабѣло : письмо сіе составило
мнѣ работу на нѣсколько дней ;
сверхъ того я не найду ничего
примѣчательнаго сообщить вамъ ;
а ежели бы чтонибудь такое

вспрѣшилось, по: не потеряла бы ни одной минутой васъ ошомъ увѣдомишь.

„Женщина, которую нанимали мы проводить васъ въ Англію, очень благодаритъ васъ за пять гвиней. Лордъ Мортимеръ прибавилъ къ нимъ еще пять, и такимъ образомъ она весьма щедро награждена за свой трудъ. Когда вамъ понадобится что нибудь изъ оставленныхъ вами вещей, вамъ только стоить одно слово написать мнѣ о томъ; вы знаете, что хозяинъ того судна всегда въ нашихъ повелѣніяхъ; онъ съ великимъ участіемъ говоритъ мнѣ объ васъ, и объясняетъ, что весьма жалко видѣть столь молодую и прекрасную особу, погруженную въ такое уныніе. Да благоволитъ Небо, ежели не угодно Ему совсѣмъ изгнать и спичникъ

онаго, по крайности хотя мало усладить его!

„Я бы очень желала также, чтобъ вы мнѣ позволили писать къ Лорду Моршимеру, дабы удалилъ онъ мысли его обидныя возстающія прошивъ васъ подозрѣнія. Я увѣрена, что онъ мнѣ въ томъ повѣритъ, и могу вывести его изъ заблужденія, не открывая вашего убѣжища. Прости, любезная дочь моя! препоручаю васъ покровительству Неба, и прошу васъ быть несомнѣнной въ томъ, что вы есиль и всегда будете любезна.

Елизаветъ Дорижеть.,,

Бѣдная Аминта: письмо сіе омочила своими слезами. Я разрушила благополучіе Лорда Моршимера! вскричала она, и онъ меня теперь ненавидитъ. О Лордъ Шербюри! сколь жестоко спрадаю я за твои пороки! Иногда пе-

мышляла она, что надмѣру великую и надмѣру героическую учинила она жертву добродѣтели, но мысль сія была скоропреходяща; при воспоминаніи расположеній, въ каковыхъ видѣла она Лорда Шербюри, твердо была она увѣрена, что разглашеніе тайны его необходимо бы понудило его дать себѣ смерть; и въ сію минуту какъ ни было велико ея несчастіе, но она почитала его легкимъ въ сравненіи того, чтобъ способствовать къ произведенію самоубійства. По истиннѣ испивала она до самаго дна чашу несчастія; но свидѣтельство, доставляемое собственною совѣстію, услаждало горесть онаго. Рѣшилась она запретить Миссриссѣ Дорименѣ дѣлать объ ней впредь какое либо увѣдомленіе Лорду Моршимеру; очень была она увѣрена, что онъ не далъ бы полнаго довѣрія ко всему тому,

что бы могла Настоятельница сказать въ защиту ей ; а хопя бы она и оправдалась въ глазахъ Моршимера , то къ чему бы сіе послужило ? Союзу ихъ предстояла непреоборимая преграда ; и еспьли бы узналъ онъ о убѣжищѣ ея , сіе было бы для нее новымъ источникомъ печали , а можетъ быть и какого нибудь ужаснаго произшествія . Мы въ семъ свѣшѣ разлучены навсегда ! вскричала она , сложивъ руки , и не можемъ иначе соединиться , какъ въ небѣ !

Погрузясь въ размышленія и горесть , причиненную ей симъ письмомъ , пребывала она неподвижна на томъ мѣстѣ , гдѣ сидѣла , до тѣхъ поръ , какъ маленькая служанка прибѣжала ей сказать , что Мистриссъ Макферзонъ сдѣлала чай , и удивлялась , что она не приходитъ .

Аминта вспала и возвратилась домой, гдѣ нашла добрую госпожу весьма разгнѣванную; много ворчала она о томъ, что Аминты такъ долго не было въ комнахъ, и замѣшивъ, что глаза ея были красны и опухли: я дѣйствительно думаю, сказала она, что я справедливо говорила о полученномъ вами письмѣ, что оно какое нибудь любовное. Аминта ничего не отвѣчала, и вечеръ прошелъ съ одной стороны въ досадѣ, а съ другой въ молчаніи.

Не находила уже болѣе Аминта обстоятельство, составлявшаго положеніе ея, нѣсколько сноснымъ; потому что Мисприссъ Дориметъ возвѣщала ей, что не можешь часто писать къ ней; и дѣйствительно теперь по отвѣздѣ Лорда Моршимера не будетъ имѣть ничего примѣчательнаго сообщить ей. Тотчасъ оставила бы она Мисприссу Макферзонъ;

но не знала, куда идти; и для того рѣшилась она, прежде наступленія зимы, просить Мисприссу Доримешъ приискать ей какое нибудь другое мѣсто; а такъ какъ Настоятельница имѣла знакомство въ Шотландіи, то и могла помѣстить ее въ Надзирабельницы, или въ руководѣльницы къ какой нибудь Лади, въ хорошій домъ.

На другой день вспала она гороздо ранѣе обыкновеннаго, и въ сихъ намѣреніяхъ писала къ Настоятельница, и послала письмо въ сосѣдній городъ на почту, съ однимъ бѣднымъ человѣкомъ шуда возвращающимся, которому она щедро за трудъ его заплащала.

Г Л А В А 2.

Между ученицами Мисприссы Макферзонъ были двѣ очень хорошенькія дѣвочки, къ которымъ Аминта охотно была привязана; онѣ носили проуръ по отцу, на морѣ погибшемъ; мать ихъ съ самаго сего злощаснаго приключенія спрала и была убиша горестію. Дѣши очень благодарны были Аминтѣ за кротость, съ каковою поступала она съ ними, и которую шѣмъ болѣе чувствовали онѣ, что она была весьма различна отъ суровости и жестокости Мисприссы Макферзонъ. Въ одно утро сказали онѣ на ухо Аминтѣ, что мать ихъ севодни придетъ увидѣть ихъ добрую Франциску Дональдъ.

Мать ихъ дѣйствительно пришла; она была женщина миловидная; печальное платье и уныніе ея доставляли ей еще болѣе

пріятности. Она сѣла подлѣ Аминшы, и воспользовалась тѣмъ временемъ, въ которое Мистриссъ Макферзонъ занялась другими дѣльми, чтобъ сказать Аминтѣ, что она весьма обязана ей за попеченіе и милость, оказываемыя ею къ двумъ ея дѣвочкамъ. Она сказывала ей, что она сама занималась обученіемъ ихъ до тѣхъ поръ, какъ разстройство здоровья ея и уныніе духа не оставили ей силы къ выполненію сей должности. Аминта увѣряла ее, что весьма пріятно было обучать дѣшей споль кропкихъ и споль прилѣжныхъ. Мистриссъ Дунканъ просила ее, такъ какъ и Мистриссу Макферзонъ, сего вечера придти къ ней пить чай. Съ радостію принято было предложеніе сіе отъ Мистриссы Макферзонъ, которая весьма любила сообщество, только не у себя, а у другихъ.

Домъ Мисприссы Дунканъ не далеко отстоялъ; оный былъ чистъ и порядоченъ. Позвала она старую сосѣдку, копорая бы могла занять Мисприссу Макферзонъ, и чтобъ ей между тѣмъ болѣе можно было имѣть свободы поговорить съ Аминтою. Замѣчая нѣжность сложения Аминты, говорила она ей, что не считала ее въ состояніи сносить тягости ремесла, предоставленнаго ей Мисприссою Макферзонъ. Признавалась, что она сама вела жизнь уединенную и довольно скучную; что рада бы была имѣть собесѣдницу, и оказывала живѣйшее удовольствіе, копорымъ бы она наслаждалась, почаще съ нею видаясь. Аминта сказала ей, что сіе весьма трудно, попому что чрезъ то досадила бы Мисприссѣ Макферзонъ, въ чемъ согласилась и Мисприссѣ Дунканъ. Спрашивала она по-

помѣ у Аминшы, прогуливалась ли она, и въ которой сторонѣ? Аминша сказала ей, что прогуливалась, и: это почти всегда ходила на морской берегѣ.

Мисприссѣ Дунканѣ вздохнула! глаза ея наполнились слезами, и она сказала: я также на морскіе берега хожу прогуливаться, и при семъ случаѣ рассказала ей исторію о своей потерѣ. Г. Дунканѣ, сказала она, былъ наилучшій и самый крошкѣй мужъ. Первые годы брака нашего состояніе наше было нѣсколько разстроено; но оно было уже гораздо лучшимъ, когда мужъ мой погибъ на морѣ, прогуливаясь по оному со многими друзьями своими. Тѣло его волною было выкинуто на берегѣ, и я имѣла печальную опраду отдатьъ ему послѣдній долгъ, и часпо прихожу на помѣсто, ко-

торое воспоминаешъ мнѣ потерю мою.

Взаимная склонность сердецъ соединяла между вдову и Аминшу, и онѣ почувствовали привязанность другъ къ другу. Съ сего времени почти всякой вечеръ доставляли онѣ себѣ на морскихъ берегахъ свиданіе, дабы поговорить и оплакать прошекшее блаженство ихъ, которое не могло уже возвратиться. Миссриссъ Дунканъ надмѣру была скромна, чшобъ захотѣть узнать отъ Аминши, какое было прежнее положеніе ея, но ясно видѣла она, что весьма различною надлежало ей быть отъ того, чемъ она теперь представлялась. Аминша сама сказала ей о себѣ то же, что объявила Миссриссъ Макферзонъ Миссриссъ Дунканъ соболъзновала о ея несчастіяхъ, и благословляла щастливый случай, ея къ ней приближившій и

которой доставилъ ей благополучіе познакомилъ съ нею.

Такимъ образомъ прошелъ мѣсяцъ, какъ въ одинъ день Мистриссъ Дунканъ сказала Аминшѣ, что она эту сторону оставляетъ. Аминша препенала и блѣднѣла при семъ печальномъ извѣстіи. На послѣднее свое письмо не получала она никакого отвѣта отъ Мистриссы Доримешъ, и спрашивалась бытъ принужденною въ семъ мѣстѣ препроводить зиму; что было бы ей совершенно несносно, потерявъ соинварищество Мистриссы Дунканъ.

Любезная моя! сказала ей Мистриссъ Дунканъ, по берегу съ нею прогуливаясь: меня приглашаетъ жить съ собою тетя моя, которая всегда была ко мнѣ благосклонна и много помогала мнѣ въ разстройкахъ моихъ. Она живетъ около десяти миль

опсюда, въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Аббатство Дунратъ, гдѣ препоручено ей управленіе всѣмъ помѣстьемъ. Слыжали ли вы когда нибудь о семъ мѣстѣ? — Весьма сильно было движеніе Аминны, когда услышала наименованіе дома, въ которомъ родилась несчастная мать ея! Она смущилась, измѣнилась въ лицѣ, опвѣчала сама не зная что говорила; на послѣдокъ пришла въ себя, и сказала, что дѣйствительно она слыжала объ ономъ.

И такъ, моя любезная, продолжала Мисприссъ Дунканъ: шепка моя, о которой я уже сказала вамъ, живеть тамъ въ великомъ изобиліи; она всѣмъ располагаетъ, ибо по смерти Графа Дунрата никто изъ семейства ихъ тамъ не живаль.

Тетка моя скучаетъ уединенною жизнію, какую она тамъ ведетъ, и предлагаетъ мнѣ въ

письмѣ своемѣ, кошорое я только получила, прѣхать жить съ нею, обѣщая, когда приму предложеніе ея, уступитъ мнѣ и дѣтямъ моимъ все, что она имѣетъ, и это не бездѣлица: ибо содержаніе ей идетъ весьма порядочное, и должно ей имѣть изрядные ошадпки. Награда сія довольно легка, и признаюсь вамъ, что при рѣшеніи на оное опасаюсь только того, что дѣти мои лишаются выгоды вѣдѣній обученія ихъ, какое онѣ здѣсь имѣть могутъ.

Она же? сказала: Аминта; онѣ легко могутъ и вездѣ вѣ другомъ мѣстѣ тому же обучаться, чему учила бы ихъ Миссрисъ Макферзонъ.

Я хочу сказать, прервала Миссрисъ Дунканъ, обѣ ихъ ученіи чрезъ годъ или два, для кошораго я располагаюсь перѣхать съ ними вѣ какой нибудь

сосѣдній городѣ; но мысль сію надлежишѣ мнѣ оставить, естѣли я приму предложеніе пешки моей; попому что я никогда не соглашусь опустити ихѣ въ Пансіонѣ, не имѣя силы снести сію разлуку. Чрезвычайно бы желала я найши такую особу, которая бы для меня была пріятною собесѣдницею, а для нихѣ исполняла бы должность хорошей надзирашельницы: чрезѣ сіе уединеніе Аббатства Дунраискаго не только бы не ужасало меня, но еще сдѣлалось бы мнѣ пріятнымѣ.

Говоря такимѣ образомъ, съ великимѣ вниманіемѣ устремила она взорѣ на Амингу; словомѣ, любезная моя, продолжала она, дабы откровенно объяснишься, вы естѣ та особа, которая теперь нужна мнѣ; бесѣда ваша усладишѣ мои горести, и вы доставите дѣшамѣ моимѣ

обученіе и дарованія, какія пожелать я въ нихъ желаю.

Аминша отвѣчала ей, что не только лестно, но еще и весьма пріятно было для нее выгодное мнѣніе, которое Мистриссъ Дунканъ имѣла о ней, и что она охотно соглашается жить съ нею.

Я безъ памяти рада, продолжала сія, что мы съ вами соглашаемся; но должна я вамъ сказать, что шетка моя всегда имѣла великое отвращеніе принимать въ Аббатство постороннихъ. Что касается до причины такого поступка, то иной не могу я придумать, какъ особенныя приказанія отъ хозяевъ дома; и въ письмѣ своемъ говоритъ она мнѣ, что ежели я приму ея предложеніе, то не должна я никому сказывать, куда ъду; безъ позволенія ея не смѣю я привезти васъ съ собою; но я щеп-

часъ опишу къ ней пребываніе онаго, и чрезъ два дни получу отвѣтъ; въ ожиданіи сего не говорите ни слова о намѣреніи нашемъ Мистриссѣ Макферзонъ, опасаясь, чтобъ не вспрѣшилось оному какое препятствіе. Аминта общала ей молчаніе, и онѣ разстались.

Возвращаясь домой, великое испытывала она движеніе, помышляя, что увидитъ домъ предковъ своихъ: надежда сія утѣшала ее, и спрашивалась она, чтобъ не обмануться въ оной. Новое сіе предлагаемое ей положеніе несравненно лучшее было для нее предъ всѣми, которыхъ чаяла она за минушу прежде. Чрезъ два дни послѣ разговора ихъ, когда пришла она на морской берегъ для обыкновенной своей прогулки, увидитъ Мистриссу Дунканъ, подходящую къ ней съ развернутымъ письмомъ въ рукахъ, и съ

удовольственной улыбкою на лицѣ. Она получила позволеніе привезти съ собою въ Аббатство Аминта, съ условіемъ, чтобъ она не объявляла никому мѣста, куда отправляется. Миссриссъ Дунканъ сказала ей, что передъ отъѣздомъ своимъ нужно ей распорядиться нѣкоторыя дѣла; сіе займетъ ее на нѣсколько дней, и тогда будетъ у нее коляска, которую тетя пришлетъ за нею; чтобъ Аминта увѣдомила Миссрису Макферзонъ о близкомъ отъѣздѣ своемъ, дабы жить съ Миссриссою Дунканъ, оставяющею сторону сію, и бытъ Надзирательницею дѣшей ея.

Миссриссъ Дунканъ говорила тогда Аминтѣ о денежномъ награжденіи, которое могла она ей сдѣлать. Аминта сказала ей, что не было для нее въ томъ никакой важности; но молодая вдова говорила ей, что и между

друзьями въ таковыхъ случаяхъ надлежитъ соблюдать порядокъ. Разсипались онѣ, когда все было между ими такимъ образомъ переговорено. На другой день, по окончаніи школы, Аминта сообщила Мисприссѣ Макферзонѣ о близкомъ отбѣздѣ своемъ. Старая госпожа симъ поражена была какъ громовымъ ударомъ; долго сидѣла она не говоря ни слова. На послѣдокъ возвратила употребленіе языка для того, чтобъ изъяснить свое негодованіе прошивъ Аминты, прошивъ Мисприссы Дунканъ, и прошивъ Наспояшельницы. Первая оставляла ее, вторая похищала у нее нужную помощь, а третья прислала ей особу, способную къ столь худому поступку. Когда же истощила она гнѣвъ свой, то Аминта предприняла оправдать всѣхъ обвиненныхъ: говорила, что сама она, прежде еще нежели Мисш-

риссѣ Дунканѣ сдѣлала ей какое либо предложеніе , твердо рѣшилась оставить ремесло , которое надмѣру для нее изнурительно было. Мистриссѣ Макферзонѣ не пошерпѣла бы никакого убытка отъ нея отбѣзда ; имѣла бы еще время приискать себѣ другую помощницу на ея мѣсто : но въ сильномъ жару гнѣва правда вылетѣла тогда изъ устъ Мистриссы Макферзонѣ ; ибо она сказала , что никогда бы не нашла такой , которая бы столь хорошо ей приличествовала , и начала дѣлать жестокія укоризны за то , что оставляла ее.

Аминта не оскорблялась тѣмъ ни мало ; и сохраняя хладнокровіе , старалась успокоить ее , и взяла на то самое надежное средство , объясняя ей , что она не требовала получить отъ нее никакой платы за то время , которое она провела съ нею , и что

ежели она ей позволишь, она пошчасъ опишетъ къ Мисприссѣ Дориметъ объ одной женщинѣ, которую она видѣла въ общепели святыя Екашерины, и которая казалась ей способною угождать Мисприссѣ Макферзонъ. Это была женщина, нанимаемая для провожанія ея въ Англию. На послѣдокъ Мисприссѣ Макферзонъ препоручила ей писать о семъ, и гнѣвъ ея по малу утихалъ, съ той минуты, какъ объяснила ей Аминта, что не желала никакой платы. Аминта дѣйствительно писала, и уведомила Наспоятельную о благопріятной переменѣ, случившейся въ ея положеніи; о негодованіи Мисприссы Макферзонъ, и о желаніи, которе имѣла она, чтобъ другая заступила ея мѣсто. Предлагала ей прислать ту женщину, о которой говорено; но требовала она, что ежели сія

женщина согласится прїѣхать, представитъ ее не прежде, какъ когда она оставитъ Мисприссу Макферзонъ, дабы мѣсто, въ которое она удаляется, пребыло навсегда неизвѣстно. Не помышляла она болѣе о скучныхъ дняхъ, оставшихся ей тутъ проводить. Поспѣшность, употребляемая Мисприссою Дунканъ къ прїуготовленіямъ, нужнымъ къ отъѣзду, заставляла ее скоро надѣяться прїятнѣйшей жизни. Немедленно получила она ожидаемый ею отвѣтъ изъ Ирландіи. Мисприссъ Дориметъ поздравляла ее, нашедъ столько добраго друга, какъ Мисприссъ Дунканъ. Женщина, которая должна была замѣнить Аминшу, соглашалась на предложеніе Мисприссы Макферзонъ, и такъ отправилась, чтобъ прїѣхать по отъѣздъ Аминшы. Настоятельница оканчивала письмо свое, говоря, что

она не имѣла никакого извѣстія о Лордѣ Моршимерѣ. Миссриссѣ Макферзонѣ очень была довольна, узнавъ, что мѣсто Аминшы будетъ опять занято. Спустя два дни по полученіи сего письма, Миссриссѣ Дунканѣ сказала Аминтѣ, что отпѣздѣ ихъ назначается въ слѣдующій день, и просила ее сего вечера придти къ ней ночевать. Аминша на то согласилась. Послѣ обѣда говорила она Миссриссѣ Макферзонѣ отпустишь ее, которая проворчала ей прощаніе, давая при томъ выразумѣть, что она очень можетъ раскаяваться оставя ее; ибо старая госпожа столько досадовала за скрытіе отъ нее имени мѣста, куда отпѣзжала Миссрисса Дунканѣ съ Аминшою, что весь гнѣвъ ея возвратился. Аминша оставляла сіе печальное жилище съ такимъ удовольствіемъ, которое

скрывать многого стоило ей труда; и сопровождаемая человекомъ, несущимъ ея чемоданъ, скоро пришла она къ Миссриссъ Дунканъ, гдѣ принята была съ величайшими объясненіями дружества и радости. Вечеръ провели пріятнѣйшимъ образомъ; вспали онѣ очень рано, и оканчивали завтракъ, когда пріѣхала повозка, присланная изъ Аббатства Дунрашъ. Это была старинная коляска, на дверцахъ которой, временемъ сокрушенныхъ, видны еще были ошпачки герба Дунрашовъ. Имущество Миссриссы Дунканъ съ вечера было отправлено, и такъ ничто ихъ не ошпанавливало.

Миссриссъ Дунканъ велѣла прежде себя садиться Аминшѣ и двумъ дочерямъ своимъ; удерживаема горестнымъ движеніемъ, на нѣсколько времени послѣ ихъ ошпановилась она на порогѣ две-

рей, не имѣя возможности безѣ пролипія горчайшихъ слезѣ, свидѣтельспвующихъ о глубокой печали ея сердца оставишь по мѣсто, гдѣ жила она столь щасливо съ любимымъ ею человекомъ. Сълишкомъ много извѣспны были Аминшѣ чувства шакого рода, дабы спарашь побѣдити ихъ; но дѣвочки, отъ неперпѣливости скорѣе пуспишься вѣ пущь, съ великимъ крикомъ призывали машь свою. Она уступила ихъ желаніямъ; и когда оказывали онѣ ей печаль свою, увидя щеки ея омоченныя слезами, она нѣжно обнимала ихъ, принуждала себя воспріять свою веселость, и скоро была вѣ состояніи разговаривашь съ Аминшою. Время было прекрасное; онѣ ѣхали тихо, для того что лошади были не молодья, и оставляли имъ довольно времени наслаждашь пріятнѣй-

шими и восхитительными сценами, по обѣ стороны пути ихъ представляющимися. Новость предметовъ; мысль, что удалялась она отъ пропитаннаго жилища, и о томъ мѣстѣ, къ которому подѣбжала, способствовала нѣсколько къ ободренію духа Аминшы. Она находилась гораздо покойнѣе, нежели какъ была съ самой разлуки съ Лордомъ Моршмеромъ.

Г Л А В А 3.

Любезная Фанни! сказала Мисприссъ Дунканъ, называя Аминшу принятымъ ею подложнымъ именемъ: ежели вы имѣете какую нибудь склонность къ суевѣрію, то я предувѣдомляю васъ, что вы преселяетесь въ мѣсто, весьма способное возбудишь

въ васѣ оное. Аббаписство Дунрапѣ есть готическое и мрачное зданіе, которое приводитъ на память всѣ испоріи, составленныя о домахъ, опустошенныхъ бродящими мершвецами и привидѣніями. Оставленіе, учиненное оному Господами его, способствовало разоренію временъ, котораго не исправляли, какъ только въ нѣкоторой части замка, служителями занимаемой. Однакожь сіе разрушеніе зданія ничто въ сравненіи возмущенія, случившагося въ участи этой, которая надѣялась быть нѣкогда Госпожею онаго. Старшая дочь отъ перваго брака Графа Дунрапа, такъ какъ я слышала, что рассказывали о томъ, весьма славилась красою своею, и была столько же добра, сколь и прекрасна: но злой нравъ ея мачихи сооружалъ противность благополучію ея, и

принудилъ ее искасть убѣжища въ покровительствѣ чело вѣка, снабженнаго всѣми качествами и всѣми дарами природы, выключая богатства, безъ котораго не могъ онъ понравиться Лорду Дунрату.

Нѣсколько лѣтъ претерпѣвая съ нимъ бѣдность, нашла она нѣкоторой доступъ къ сердцу отца своего; но злобная мачиха воспрепятствовала дѣйствию сего благоприятнаго оборота отеческихъ чувствъ. Однако же слухъ носился, что противъ послѣднихъ соизволеній Лорда Дунрата, и чрезъ гнусное коварство Лади Дунратъ, учинено то, что Мальвина и дѣти ея лишены были всего имѣнія, на которое рожденіе ихъ давало имъ право. Слухъ сей нечувствительно угасъ, такъ какъ и многіе другіе; можетъ быть онъ и не дошелъ до ушей Лади Мальвины и ея мужа, ко-

порымъ однимъ не оспори́мо слѣдовало дѣлать о томъ разыскиванія. Но есѣли по правда, что споль коварное соспавлено ухищреніе, горе тому, кпо учинился виновнымъ въ споль величайшемъ злодѣяніи! ибо богатство, коимъ завладѣлъ со вредомъ законному обладапелю онаго, не можетъ уполишь угрызения совѣсти его. Сто разъ охотнѣе согласилась бы я, прибавила она, положивъ руки на голову дочерей своихъ, чтобъ дѣти мои онѣ однихъ воропѣ къ другимъ ходили просить милоспѣни, дабы имѣшь кусокъ хлѣба, нежели увидѣшь ихъ въ изобилии онѣ наслѣдства, которое бы правомъ рожденія улверждалось сиротѣ.

Есѣли по правда, что Лади Дунрашь учинила злодѣяніе, коимъ ее обвиняютъ, по весьма была она за то наказана. По смерти Графа, оказывала она

великую привязанность къ чело-
вѣку, гораздо низшаго прошивъ
ея соспоянїя и ничего неимѣю-
щему; говоряшъ, что привязан-
ность сія началась еще при жизни
ея мужа. Она бы вышла за него
за м у ж ъ, естльибъ Маркиза
Рослинъ, дочь ея, не воспрепят-
ствовала сему браку жестокими
и необычайными средствами.
Преисполненная гордостію, пше-
славїемъ и жадностію, вспомоще-
ствуема Маркизомъ, коего спра-
спи и намѣренїя согласовались
съ ея собственными, учинились
они повелителями особы нещас-
ной мащери, опправили ее во
Францію и заключили въ мона-
шпырь. Не знаю я, жива ли она
еще; да думаю, что и никто
шого не знаетъ, или и не забо-
нянїя провѣдывать о семъ, для
того что она всѣми была нена-
видима за дерзкую надменность
свою. И когда я дѣлала моей

пешкѣ въ разсужденіи сего вопроса, никакѣ не хотѣла она удовольствоваться моего любопытства; она была воспитана въ семействѣ Дунраповѣ, и считала себя, обязанною хранить тайну ихъ.

Живетъ она въ Аббатствѣ въ довольствѣ и изобиліи, и совершенною Госпожею дома и малаго числа служителей, шумѣ находящихся. Но я предупреждаю васъ быть осторожнѣе прошивъ сихъ людей, которые, если вы ихъ будете слушать, наполнятъ голову вашу ужасными исторіями, и которыхъ рассказы, во зло здраваго разсудка, способны сдѣлать впечатлѣнія въ умахъ, расположенныхъ къ суевѣрнымъ страхамъ: они утверждаютъ, что первая жена Графа Дунрапа посѣщаетъ Аббатство, испускающая ужасныя стenanія, которыя относятся они къ гореспи

ся о плачевной участи дочери ея и дѣшей оной, лишенныхъ наслѣдства своего несправедливою мачихою ихъ.

Признаюсь в а м ъ однако же опкровенно, что будучи в ъ Аббатствѣ нѣсколько лѣтъ пому назадъ, тогда еще, какъ продолжалось распроенное положеніе дѣлѣ мужа моего, в ъ одинѣ вечерѣ при наступленіи ночи, прохаживаясь по галлереѣ, слышала я весьма странные звуки. Я сказала о томъ теткѣ моей, которая чрезвычайно осердилась за оказанный мною невольный ужасъ, увѣряющій меня, что слышанное мною не былъ звукъ вѣтра, разносящій по коридору голоса, вблизи онаго произносимые. Но, моя любезная Фанни, сказала она, продолжая говорить на ухо Аминтѣ, по причинѣ находящихся тутъ дѣшей ея, чтобъ все это между нами

осталось; пошому что шепка моя никогда бы не проспала мнѣ того, что говорила я какому нибудь одушевленному существу о ужасахъ моихъ, и о тѣхъ, которые служили имѣють.

Аминта въ молчаніи внимала словамъ Мисприссы Дунканъ, опасаясь, чтобъ заговоривъ не измѣнилъ движенію своему.

Напослѣдокъ выѣхали онѣ на хребетъ горъ, между которыми расположено Аббатство. Видъ его былъ важный и печальный; окружность онаго закрыта со всѣхъ сторонъ, выключая одного отверстія между двухъ горъ, которое позволяетъ видѣть море. Нѣкоторыя изъ сихъ горъ были пусты и шароховаты, другія препоясаны грядою деревьевъ, украшены прелесною зеленью, и увѣнчаны распускающимися бѣлыми и желтыми цвѣтами; нѣкоторыя изъ нихъ по-

крышы лѣсами, оставляющими только маленькія прогалины; другія наконецъ усыпаны дикими цвѣтами. Множество ручьевъ, изъ горы текущихъ: иные серебристою долиною доставляли свѣжесть и жизнь землѣ ими орошаемой; иные каскадами съ прыпнымъ шумомъ отъ одной горы ударялись о другую, дабы въ концѣ долины сославились пространный прудъ, обняемый деревьями, столь же старинными, какъ и зданіе.

При подошвѣ горъ слыхъ познають остатки обширныхъ садовъ, которые казались быль и огородами, изобилующими всѣми произрастеніями, каковыя употреблялись въ Аббатствѣ; но строенія, не обихаемыя попечителями объ оныхъ, были въ упадкѣ, и земля, опредѣленная для нихъ, отъ небреженія настоя-

щихъ обладателей, была покрыта кустами и терніемъ.

Самое Аббашство было одно изъ почтеннѣйшихъ по древности своей зданій, каковыя Аминта когда либо видала, но кошорое не представляло болѣе, какъ печальные ошпашки прошедшей огромности; времечя славы его уже не существовали. Груды, по большой части разоренныя, возвѣщали близкое паденіе ошпашковъ; и дабы употребить прекрасное изреченіе Учинзона: „гордость его была попорана; великолѣпіе его погребено въ прахъ; опустошеніе заспуило мѣсто гостепріимства, и шумный смѣхъ радостныхъ гостей при видѣ бокала кипящаго напитка, замѣняемъ былъ молчаніемъ и пустопою, или унылымъ крикомъ ночной пшицы, обитательницы развалинъ древнихъ башенъ.,,

Въ сію минуту сердце Аминты преисполнено было нѣжнымъ воспоминаніемъ о предкахъ своихъ. Сколь способно, говорила она сама себѣ, зрѣлище различныхъ переменъ въ жизни исцѣлишь сердце человѣческое отъ суешности, извлекаемой имъ изъ знатнаго имени и древности рода своего!

Надменные обладатели сего огромнаго зданія, въ нѣдрѣ изобилія и ушѣхъ, не помышляли никогда возможнымъ случиться тому, чѣмъ единая изъ чадъ ихъ пришла нѣкогда къ сему жилищу предковъ своихъ, не только безъ великолѣпія и блеска, которые были имъ столь обычны, но покорна и униженна до нѣкотораго рода рабства, не для того, чѣмъ быль принятою съ улыбкою любви и дружелюбія, и обнявъ нѣжныхъ родственниковъ, но неизвѣстна,

печальна, и довольствуясь шѣмъ, чшобъ найти убѣжище и хлѣбъ зависимости.

По щ а с т і ю , Мисприсса Дунканъ не замѣшила движенія Аминты при видѣ Аббашства ; она занималась ошвѣтами на вопросы дочерей своихъ.

Коляска пріѣхала къ воротамъ Аббашства ; Мисприссъ Брюсъ находилась при оныхъ для вспрѣшенія ихъ : это была малорослая старая женщина , исполненная живости. Великое оказывала она удовольствіе, увидя свою племянницу и дѣшей ея. Представили ей Аминту ; нѣсколько времени пристально посмопрѣвъ на нее, вскричала она : вопѣ весьма странное дѣло ! хопя вѣ первый разъ вижу сію молодую особу , но лице ея мнѣ не вовсе незнакомо.

Сѣни, вѣ копорыя онѣ потчасъ вошли, были велики и мрач-

ны, и намощены чернымъ гипсомъ; своды подсшавлены были столбами; видно было множество скруженныхъ дверей, въ различныя комнапы ведущихъ; охопничьи и воинскіе снаряды, упопреляемые древними рыцарями, были раскладены и развѣшены вдоль по стѣнамъ. Мисприссъ Брюсъ провела ихъ попомъ въ большую пріемную комнапу, а опшуда въ большую же и прекрасную залу, копорая, сказала она имъ, нѣкогда была споловая комнапа; украшенія въ оной хопя спаринныя, но заспавляли еще примѣчательнее древнее великолѣпіе; и готическія окна, гораздо болѣе разширивши прежнюю величину свою, предспавляли пространный и пріятный видъ полей.

Знаете ли вы, сказала Мисприссъ Дунканъ, что сія комнапа хопя наипрѣятнѣйшій имѣетъ видъ, но всегда внушаетъ мнѣ

грустные мысли! Какъ скоро только вхожу въ нее, помышляю о празднествахъ и забавахъ, въ оной нѣкогда даваемыхъ; и видя теперь вездѣ пустыню и уныніе, привожу себѣ на память, что шѣ, которые тогда раздѣляли удовольствія сіи, всѣ уже покрыты прахомъ. Тетка ея начала хохотать надъ ея размышленіемъ, и говорила, что по истиннѣ племянница ея весьма нѣжное имѣла воображеніе.

Древній и великолѣпный видъ мѣста, обитаемаго теперь Аминшою, былъ весьма способенъ возвысить расположеніе чувства, съ какимъ входила она туда: тамъ не слышно было инаго звука, какъ шшш, который отдавался отъ желѣзныхъ дверей, съ ревомъ поворачивающихся на крюкахъ своихъ, запираемыхъ служителями, проходящими изъ одной комнаты въ другую для услуги. Мис-

присѣвъ Дунканъ пешкою своею была опведена въ уголъ комнапы, гдѣ шико разговаривали онѣ о своихъ домашнихъ дѣлахъ; дѣвочки же между тѣмъ бѣгали по залѣ, дѣлая вопросы обо всемъ, что видѣли.

Оспавленная самой себѣ Аминпа, впала въ нѣкоторой родѣ пріятнаго унынія, привлеченнаго безпокойствомъ и истощеніемъ силъ ея. Шумъ водъ, съ горъ упадающихъ, журчаніе крылатыхъ насѣкомыхъ, вращающихся при лучахъ солнца, колебали, такъ сказать, душу ея, и удерживали оную въ размышляющей тишинѣ.

Точно ли я, говорила она сама себѣ, въ томъ домѣ, въ которомъ обитали предки мои, гдѣ мать моя родилась, гдѣ дала она руку свою отцу моему? Да возмогу я по крайности здѣсь найсти убѣжище отъ злодѣанія

и опасностей, меня преслѣдующихъ! да возможетъ успокоиться душа моя; и когда не въ силахъ я побѣдить ея склонностей, да достигну хотя уже того только, чѣмъ удержать роптанія при потерѣ предметовъ, которые были мнѣ любезны! . . .

Обѣдъ извлекъ ее изъ размышленій сихъ. Усиливалась она преодолѣть свое уныніе, и разговоръ былъ ежели не веселый, по крайней степени оживленный. Послѣ обѣда Миссисъ Дунканъ, зная вкусъ Аминпы къ древнимъ зданіямъ, просила у своей шепки позволенія показать ей Аббатство. Миссисъ Брюсъ сказала, что ей самой хотѣлось проводить ее. Во многихъ комнатахъ видны еще были слѣды великолѣпія, съ каковымъ были онѣ украшены. Я не понимаю, сказала Миссисъ Дунканъ, какъ

столь огромное и хорошо убрaнное жилище было оставлено своими владѣльцами!

Замокъ Рослина, сказала Мисприсъ Брюсъ, построены гораздо въ новѣйшемъ вкусѣ, и для того предпочитается.

И такъ, прервала Мисприссъ Дунканъ, это только монументъ фамилии, которой не для чего инаго оставляется существовать, какъ для того, чтобъ имя Маркизы передать потомству.

Въ какомъ разстояніи отсюда, спросила Аминта, домъ Маркиза Рослина?

Около двенадцати миль, сказала Мисприссъ Брюсъ, которой очень не нравился разговоръ ея племянницы. Попомъ проводила она ихъ въ длинную галерею, украшенную семейными портретами. Аминта имѣла уже объ оной понятіе по описанію, сдѣланному ей ошцомъ ея, ко-

гда рассказывалъ о ней , что она я была та , гдѣ остановился онъ , дабы разсмотрѣшь портретъ Мальвины , копорой она съ великою нетерпѣливостію увидѣшь желала .

Мисприссъ Брюсъ сказывала имъ имена изображаемыхъ особъ . Это , сказала она , Маркиза Рослинъ , когда она была еще Лади Августа Дунрапъ . Аминша познавала путь надменное свойство Маркизы . Замѣтила она , что рамки подлѣ нее споявшаго портрета были пусты .

Тутъ былъ портретъ Лади Мальвины Дунрапъ , сказала Мисприссъ Брюсъ ; но вынулъ оной послѣ несчастнаго брака ея .

И уничтоженъ ? печально спросила Аминша .

Нѣтъ , сказала Мисприссъ Брюсъ ; его опнесли къ древнимъ комнатнымъ украшеніямъ ,

въ старую церковь, которая уже нѣсколько лѣтъ заперта.

Не можно ли его увидѣть? сказала Аминта.

Это не возможно, отвѣчала Мисприссъ. Церковь та, равно какъ и вся восточная часть Аббатства, въ такомъ разрушенномъ состояніи, что принуждены были всѣ входы въ оную запереть, опасаясь какого нибудь несчастнаго приключенія.

Тамъ-то, сказала Мисприссъ Дунканъ на ухо Аминтѣ, та галерея, въ которой слышала я необычайные звуки. Но, шѣ...

Едва могла Аминта скрыть печаль свою, не увидя портрета Мальвины. Она попросила бы отворить ей церковь, естлибѣ не опасалась возбудить подозрѣнія.

Изъ галереи возвратились онѣ въ пріемную комнату; и въ продолженіи разговоровъ Аминта

узнала различные анекдоты изъ испоріи предковъ своихъ, кошырые Мисприссѣ Брюсѣ извѣстны были. Сія также говорила о Мальвинѣ съ великою похвалою, что почти заставило Аминіу забыть то, что не давно названъ былъ *стариннымъ украшеніемъ* комнатъ порфиретъ матери ея. Удалилась она въ комнату свою, будучи утѣшена и ободрена слышаннымъ ею о добродѣтеляхъ ея; она призывала ее, призывала отца своего, умоляя ихъ благословить дитя свое подержать бодрость ея въ трудныхъ слезяхъ жизни, и пещися о ней до тѣхъ поръ, какъ Провидѣнію угодно будетъ соединить ее съ ними.

Г Л А В А 4.

Положеніе Амившы сдѣлалось еще лучшимъ, нежели она того надѣялась. Мисприссѣ Дунканъ была наипочетивѣйшій другъ, какого бы только могла она сыскать; Мисприссѣ Брюсъ обязательна и учлива; дѣвочки крошки и признательны. Естльнбѣ могла она забыть прошедшее, но была бы щастлива; но воспоминанія сіи надмѣру глубоко были впечатлѣны, дабы такъ легко изгладиться имъ. Вмѣшивались они въ ночныя сновидѣнія, въ дневныя ея упражненія, въ уединенныя размышленія, и безпрестанно извлекали вздохи сожалѣнія и нѣжности. Упро ея посвящаемо ею было своимъ воспитанницамъ; послѣ обѣда, иногда прогуливалась она съ Мисприссою Дунканъ, или читала въ слухъ подлѣ шетки и

племянницы, когда онѣ упражнялись въ какомѣнибудь женскомѣ рукодѣльѣ; но какѣ скоро занимались онѣ разговорами о ихѣ дѣлахѣ, или игрою въ пикетѣ, что гораздо чаще случалось (ибо Мистрисѣ Брюсѣ не охотница была работаша и прогуливаться), она употребляла сіе время на удаленіе въ свою комнату, или на то, чтобѣ обѣжаша мрачные закоулки Аббатства, и на гулянье въ окрестностяхѣ онаго. Всякой разѣ вздыхала она, когда проходила она мимо церкви, гдѣ былѣ поришетѣ матери ея. Сія часть строенія была весьма въ худомѣ состояніи: почти вся покрыта плющемѣ и мхомѣ, покрывающимѣ стѣны, предвѣщающая паденіе ихѣ. Оконницы во многихѣ мѣстахѣ были разбиты, но въ такой чрезвычайной высотѣ, что никакѣ не возможно было войти въ оныя; а дверь

изнутри была заперта толстыми желѣзными запорами. Всѣ двери дома, соединяющіяся съ восточною часпю онаго, были равномерно заколочены.

Такимъ образомъ въ Аббатствѣ протекли двѣ недѣли, и ничто не превозжило царствующаго шамъ спокойствія; никто не приближался къ оному, какъ только нѣкоторыя бѣдные; и всѣ обитающіе оной казались довольными, ведя столь уединенную жизнь. Аминша по желанію Миссриссы Дунканъ просила Миссриссу Доримешъ надписывать къ ней письма въ ближній городъ, опстоящій отъ Аббатства омоло пяти миль. Одинъ человекъ ежедневно туда ходилъ, и всегда возвращался не принося письма къ Аминшѣ.

На что, говорила она сама себѣ, сіе безпокойство для одного письма и сіе прискорбіе о не-

полученіи онаго , тогда , какъ не могу я свѣдать ничего полезнаго или пріятнаго ? Мисприссъ Дориметъ мнѣ уже сказала , что не имѣла она никакого средства получить извѣстіе объ Лордѣ Моршимерѣ ; а когда бы и могла она мнѣ оное доставить , на что же бы мнѣ желать получить его , бывъ , такъ какъ я есть , навсегда съ нимъ разлученною ?

Въ концѣ третъей недѣли , одинъ странный случай возмутилъ спокойствіе Аминты . Мисприссъ Брюсъ съ великою досадою въ одно утро вошла въ комнату , гдѣ она была съ Мисприссою Дунканъ и дѣвочками , и просила ихъ не выходить до шѣхъ поръ , какъ уйдетъ Приставъ замка Рослинова , которой былъ въ низу ; для того что , говорила она имъ , ежели онъ узнаетъ о вашемъ пребываніи въ Аббатствѣ , то не преминетъ

увѣдомить о томъ Маркиза, а сіе бы подвергло меня непріятно-спянь. Госпожи увѣрили ее, что онѣ не выдутъ изъ комнаты, и она ушла, оставя ихъ весьма удивленными о великомъ оказанномъ ею движеніи.

Черезъ два часа она возвратилась, дабы освободить ихъ изъ заключенія. Управитель Маркиза уѣхалъ; онѣ привозилъ ей неожиданную новость о прибытіи Маркиза и семейства его въ Рослинъ - Кастль. Время года было уже довольно суровое, говорила она имъ, чтобъ могла я воображать о ихъ пріѣздѣ прежде будущаго лѣта; но такъ какъ я въ шомъ обманулась, то не остается мнѣ предпринять инаго средства, какъ отослать васъ въ ближній городъ на то время, которое сіе семейство пробудетъ въ нашемъ сосѣдствѣ; ибо, въ продолженіе ихъ здѣсь пребыва-

нія, непременно кто нибудь изъ дома сюда побываеиъ; и естли бы узнали, что вы шупъ живете, то открытіе сіе навлекло бы мнѣ прискорбныя послѣдствія.

Мистриссѣ Дунканѣ просила свою шепку не подвергать себя, изъ любви къ ней, никакой неприяшности, и предлагала ей въ топъ самый день оставити Аббаиство.

Мистриссѣ Брюсѣ сказала ей, что сіе было не нужно, и что она могла еще на нѣсколькo дней ошашься; ибо, прибавила она, семейство ихъ не прежде, какъ въ концѣ будущей недѣли въ Рослинѣ - Кастль прибудеиъ, дабы торжесшвовати шупъ свадьбу дочери Маркиза, Лади Евфразіи Сунерландѣ.

Свадьбу Лади Евфразіи? вскричала Аминпа смущеннымъ

голосомъ , и забывъ положеніе свое ; а за кого она идеаль ?

За Лорда Моршимера , опъвчала Мисприссъ Брюсъ , единственный сынъ Лорда Шербюри , весьма пріятный молодой человекъ ; давно уже говорили о семъ бракъ , но Тутъ была она прервана глубокимъ вздохомъ , или , лучше сказать , невольнымъ спенаніемъ Аминпы , которая въ чрезвычайномъ движеніи опасаясь измѣнить себѣ самой , имѣла еще довольно силы и присущствіядуха сказать , что чувствуетъ круженіе въ головѣ и удалился въ свою комнату . Справедливо опасалась она , чтобъ не выскользнула ей тайна ; ибо Мисприссъ Дунканъ давно уже подозрѣвала , что Аминпа испытывала горести любви , а дѣвочки рассказывали своей матери , что онѣ видали Аминпу плачущую , разсмапривая поршрешъ . Но какъ Мисприссъ Дун-

канѣ имѣла всю нѣжность, какую даетъ истинная чувствительность, но и не допускала примѣшить свои догадки, бывъ при томѣ увѣрена, что печали Аминты не имѣли своего источника въ какой либо погрѣшности поведенія.

Аминта, вошедъ въ свою комнату, дозволила теченіе слезамъ своимъ, и укоряя себя за оныя, не переспаивала плакать. Не знала ли я, говорила она сама себѣ, что жертва, учиненная мною для Лорда Шербюри, вела за собою послѣдствіе, котораго я теперь ужасаюсь? И весьма справедливо, что она то предвидѣла; но всякой разѣ, какъ мысль сія представлялась въ умѣ ея, она ищазельно отражала оную, и такимъ образомъ возвращалась она къ ней всегда съ равною силою, какъ бы и въ первый разѣ. Въ сію минушу казалось ей, что не

столь бы велико было несчастіе
ея, естлибъ Лордъ Морпимеръ
женился на всякой другой жен-
щинѣ, кромя Лади Евфразіи. О
Морпимеръ! говорила она, ты,
котораго я люблю съ такою
вѣжностію! естлибъ надлежало
тебѣ соединиться съ такою же-
ною, которая бы знала цѣну те-
бѣ и была тебя достойна, бѣд-
спіе мое услаждалось бы увѣ-
ренностію, каку о бы имѣла я пог-
да, что ты щасливъ; но какой
союзъ между двухъ существъ
сіюль различныхъ, столь мало
одно для другаго сотворенныхъ?
Увы! не довольно для меня было
собственнаго моего несчастія,
должно, чтобъ оно было еще ум-
ножено твоимъ.

Но можетъ быть, прибавила
она, не воспользуйся онъ горестей,
которыхъ я для него спрашуся;
можетъ быть Небо умягчитъ
душу Евфразіи, и давь ей Мор-

пимера , заставитъ ее познать цѣну столь великаго благодѣянiя; можетъ быть учинитъ ее способною не только вдохнуть , но и чувствовать любовь. Ахъ! да возможетъ она сдѣлаться для него то , что была бы Аминиа , другомъ , вѣрною и кѣжною собесѣдницею ! да возможетъ она быть счастлива имъ , если самому ему собою счастье сопоставитъ ! да будетъ благополучiе Морпимера столь велико , какъ добродѣтели его и благотвори-тельность ! и да возможетъ свѣдѣнiе , которое получу о томъ , принести нѣкоторое облегченiе мученiямъ сердца моего !

Великодушное движенiе сiе ободрило унылый духъ ея , но только на весьма короткое время. Скоро румянецъ , распространившiйся по щекамъ ея , оставилъ мѣсто слезамъ , которыя снова печь начинали.

Увы! говорила она, чрезъ кѣсколько дней будетъ уже для меня незаконно помыслить объ Лордѣ Моршимерѣ, такъ какъ я то дѣлала до сихъ поръ, и спыдаться буду взглянуть на портретъ, когда подлинникъ учинится супругомъ Лади Евфразіи.

Обѣденный колоколъ и стукъ въ ея дверь нашли ее еще погруженную въ сихъ размышленіяхъ; рассуждала она, что ежели допустить овладѣть собою унынію, какъ то дѣлала шеперь, возбудила бы подозрѣнія женщинъ, съ которыми она жила; мысль сія поразила ее; она уперла слезы и отворила дверь Мистриссѣ Дунканъ, пришедшей звать ее къ обѣду. Умѣла она себя успокоить и оспаться въ ихъ сообществѣ до чаю; послѣ онаго подали карты, и она вышла прогуляться. Обратила путь свой къ старой церквѣ, и сѣвши

подлѣ стѣны, положила голову свою на плющъ и кусы, покрывающіе оную. Едва пробыла она нѣскольکو минутъ въ семъ положеніи, какъ слышитъ позади себя упдающіе нѣкоторыя камни. Упала бы она и сама опрокинувшись, естлибъ не поддержана была вѣтвями, около стѣны растущими. Встала она, и видитъ, что опверсіе становилось довольно велико, чтобъ доставивъ проходъ въ церковь, и замѣтила, что проломъ былъ еще сокрытъ кусами. Открытіе сіе доставило ей не малое удовольствіе, для того что оно обѣщало ей надежду увидѣть портретъ матери ея, которой, по словамъ Мисприссы Брюсъ, низринуть въ сіе мѣсто. Раздвинула она плющъ и вѣтви такимъ образомъ, чтобъ не очень то замѣтно было, и пробравшись сквозь всякіе обломки и

буѣ, покрывающій землю, очутилась среди той церкви. День начинаѣ уклоняться, но можно еще было различать предметы. Слышны уже были плачевные крики совѣ, обипающихъ на разрушенныхъ стѣнахъ, и карканье воронѣ, прилепающихъ на сучья ближнихъ деревѣ, дабы препроводить шупѣ ночь. По стѣнамѣ были развѣшены пылью покрытыя большія знамена древнихъ владѣтелей; видны шакже были пучками связанная копя, кирасы и каски уже заржавѣвшія, мимо которыхъ Аминпа робкими шагами пробиралась. Она искала только портретѣ матери своей, и дѣйствительно увидѣла она одинѣ приспавленной къ стѣнѣ близъ олшаря. Обтерла она пыль, и узнала вѣ немѣ тошѣ самой, о которомѣ онецѣ ея столь часто дѣлалѣ ей описание. Уже сполько смерклось,

что не могла она разсмотрѣть чертъ лица ; и такъ рѣшилась придти завтра послѣ обѣда поранѣе. Видя его , чувствовала , что была она объяна благоговѣйнымъ уваженіемъ ; и вспоминая , сколь проташельно изображалъ ей отецъ ея движеніе свое при первомъ возрѣніи на сей возлюбленный образъ , полились слезы ея о несчастной участи родителей и своей собственной. Сѣла на ступеньки олшаря , гдѣ Фипзаланъ и Мальвина соединялись торжественными обътами ; руку положила на рѣшетку , а глаза устремила на портретъ ; казалось , что мыслила она , будто мать ея видитъ ея мученія и сожалѣетъ о ней. Тутъ слышитъ она колоколъ Аббатства , возвѣщающій , что уже время возвратиться. Прежде нежели достигла она опверстія , въ которое вошла , замѣтила

она не большую кругловатую дверь въ проливной споронѣ. Какъ знала она отъ Мисприссы Брюсѣ, что комната Лади Мальвины была въ сей части замка, по рѣшилась она завтра попробовать, не увидитъ ли оную прежде оставленія Аббатства съ Мисприссою Дунканѣ, опасаясь, чтобъ во время отсутствія ея проломъ не былъ замѣченъ и исправленъ. Пришла она въ пріемную еще до окончанія пикета Госпожѣ, и на другой день послѣ обѣда оставя ихъ за игрою, возвратилась въ церковь; остановилась на минушу, дабы увѣришься, что никто ее не примѣчаетъ, и вошла, какъ наканунѣ. Довольно еще оставалось дня, чтобъ снова разсмотрѣть портретъ; и хотя онъ былъ влажностію нѣсколько попорченъ, но нашла она пущѣ всѣ еще пріятности и красоту, которую слыхала

отъ отца своего, съ такою нѣжностію описывающаго. Прилѣжно разсматривала она его, такъ какъ и наканунѣ, съ чувствами уваженія, любви и состраданія; движенія ея возбуждали опять слезы; не столь горьки казались оныя ей, когда проливала ихъ предъ изображеніемъ матери своей. Она произносила имена родителей своихъ, и называла себя несчастною сиротою, странницею въ домѣ предковъ своихъ. Выговаривала имя Мортимера съ страстнымъ восклицаніемъ нѣжности и печали. Когда такимъ образомъ предавалась она слезамъ и жалобамъ, услышала легкой шорохъ, какъ будто бы идущаго человека не въ дальнемъ отъ нее разстояніи. Она встала, ибо была на колѣнахъ предъ изображеніемъ матери своей. Чрезвычайно испугалась, не узналиль ономъ, что прѣбралась она

въ церковь; сіе доставило бы великую досаду Мисприссѣ Брюсѣ, хотя и не знала она, для чего. Съ препеномъ прислушивалась нѣсколько минушъ; и какъ все было покойно, то сочла она, что обманулась, и возвратилась къ Госпожамъ, рѣшившись, не взирая на испытанный ею страхъ, завтра опять придти съ шѣмъ, чѣмъ побывать въ комнашѣ, которую прежде занимала мать ея.

Г Л А В А 5.

Въ слѣдующій день послѣ обѣда, Аминна размышляя, что уже весьма малое оставалось ей время до отѣзда для удовольствію своего любопытства, говорила, что хотѣлось ей сдѣлать прогулку гораздо далѣе обыкновенной. Мисприссѣ Брюсѣ совѣтовала ей побережся отъ простуды, а Миссѣ Дунканѣ

пеняла ей за то, что съ лицькомъ много любитъ уединеніе. И такъ предприняла она путь къ церквѣ, и пошла прямо въ маленькую дверь, замѣченную ею въ послѣднее ея посѣщеніе. Увидѣла себя въ высокихъ сѣняхъ, въ концѣ которыхъ находилась лѣсница, освѣщаемая большимъ готическимъ окномъ въ верху; всходила она по ступенямъ, ужасаясь шороха своихъ собственныхъ шаговъ, которые въ семъ великомъ пространствѣ повсюрьясь эхомъ, прибавляли впечатлѣніе страха, уединеніемъ производимаго. Въ верху лѣсницы нашла она двѣ огромныя двери, обѣ запертыя большими запорами. Отворила она ту, которая была съ правой стороны, и примѣтила длинную галерею: по словамъ отца своего полагала она ее ведущую къ той комнатѣ, которую она искала. День начи-

наль уклоняться, и твердое ея рѣшеніе нѣсколько колебалось; но стыдясь уступитъ суевѣрному спраху, и возвратиться не удовольствовавъ любопытства своего, бывши уже такъ далеко, продолжала она путь свой по галлерей. Осипавленная ею дверь сама собою зашворилась съ такимъ ужаснымъ спугомъ, отъ котораго все вокругъ ея задрожало. Съ одной стороны галлерей находилось множество скруженныхъ дверей, а съ другой только же окошекъ, но маленькихъ и такъ высоко сдѣланныхъ, что давали онѣ только самый мрачный свѣтъ. Сильно билось сердце Аминты, и галлерей казалась ей безконечной долгой; на послѣдокъ достигла двери, находившейся противъ той, въ которую она вошла: она была не много отворена; она пихонько толкнула ее, и находила себя

въ большой комнатѣ, которая по всѣмъ догадкамъ ея была та, гдѣ жила мать ея. Входя далѣе, видя въ сторонѣ оной что-то бѣлое. Вдругъ не могла она разглядѣть, что сіе было; но ужасъ ея дошелъ до высочайшей степени, когда узнала, что то была женщина. Она думала видѣть привидѣніе, и испустивъ пронзительной крикъ, бросилась вонъ изъ комнаты въ галерею; бѣжала она съ такою прыжкоспѣію, что достигнувъ двери, въ которую она вошла и которая сама собою затворилась, сильно спукнулась обв оную и упала. Нѣсколько времени была она не въ силахъ приподняться; но между тѣмъ, какъ она въ семъ состояніи находилась, слышавъ кого-то къ ней приближающагося. Ужасъ на минуту оживотворилъ ее, и она пробовала отворить дверь, но усилія ея были бесполезны. Боже

мой! сказала она, защити меня...
Въ сію минуту чувствуетъ она
холодную руку, прикасающуюся
къ ней, и слышитъ плачевный
голосъ, говорящій такъ: Не бѣ-
гите отъ меня; откиньте суевѣр-
ные страхи; не думайте видѣть
во мнѣ вымышленное существо,
обитающее другой свѣтъ: я не-
щастная женщина, виновная и
кающаяся.

При сихъ словахъ умалился
ужасъ Аминты; но удивленіе ея
равнялось прошедшему страху.
Могла она пристально смотрѣть
на говорящее ей лице, отъ кото-
раго прежде отворачивала она гла-
за, и въ молчаніи внимала.

Естьли глаза мои, говорила
женщина въ бѣлое одѣвая, есть-
ли даже и по, что слышала я
изъ успъ вашихъ, не обманыва-
етъ меня: по вы есть оп-
расль фамиліи Дунрашовъ. Я слы-
шала васъ вчера ввечеру назы-

вающую себя несчастною сиротою, дочерію Лади Мальвины Фипзаланъ.

Я дѣйствительно дочь ея, сказала Аминта.

Разскажи же мнѣ, продолжала женщина, какъ вы находись здѣсь, по собственнымъ словамъ вашимъ, странница и зависима въ домъ предковъ вашихъ?

Я есть и по и другое, сказала Аминта; не извѣстна я здѣсь подъ истиннымъ моимъ именемъ, которое особенными обстоятельствами понуждаюсь скрывать; и въ Аббатство привезена я какъ надзирательница двухъ маленькихъ дочерей родственницы особъ, домою симъ управляющей.

Наконецъ, вскричала сія бллая женщина, поднявъ къ небу впалыя глаза свои и изсохшія руки, наконецъ моленія мои достигли до прона милосердаго Бога, и я не могу болѣ сомнѣ-

вапсья, чтобъ Онъ не благоволилъ на мое раскаяніе; потому что доставляетъ мнѣ средство загладить несправедливость, въ какой я учинилась виновною.

О вы, продолжала она, которой присушествіе напоминаетъ мнѣ юность и красоту Лади Мальвины, мною прежде времени увядшія! если душа ваша сходствуетъ съ душою несчастной матери вашей столько же, какъ черты лица вашего сходны съ тѣми, которыми она имѣла: то, изъ жалости къ долговременнымъ спраданіямъ моимъ, не укоряйте меня злодѣяніемъ мною учиненнымъ! вы видите во мнѣ виновную и раскаявшуюся вдову Графа Дунраша.

О Боже! вскричала Аминта, возможно ли это?

Не научили ли васъ заранѣе произносить имя мое не иначе,

какъ съ ужасомъ? спросила несчастная женщина.

О! нѣтъ, ошвѣчала Аминша.

Нѣтъ! повторила Лади Дунратъ съ удивленіемъ. Ахъ! это потому, что ваша мать была Ангелъ. Но — не оставила ли она сына?

Оставила, сказала Аминша.

Живъ ли онъ?

Увы! я о томъ ничего не знаю, ошвѣчала Аминша. Несчастіе разлучило насъ; и ему не извѣстна моя участь, равно какъ и мнѣ его.

Это я! вскричала Лади Дунратъ; это я, бѣдная и крошечная Мальвина, причиною несчастій дѣшей пвоихъ; но да будетъ благословенна рука Провидѣнія, которою я средствами, Ему извѣстными, повергнуша въ состояніе загладишь бѣдствія, жестокостію и несправедливостію моею причиненныя! . . . Я вижу,

продолжала она оборотясь къ Аминшѣ , что нечаянный случай привелъ васъ сюда; спрашусь долѣе васъ здѣсь съ удерживать , опасаясь , чтобъ вы не были примѣчены. Еслибы узнали , что вы меня видѣли , то бы уже не могла я болѣе исполнить намереній моихъ. Въ величайшей сокровенности храните тайну сію , убѣдительно прошу васъ о томъ , гораздо болѣе для васъ , нежели для меня , и чтобъ Мисприссъ Брюсъ не могла имѣть ни малѣйшаго знака о происшедшемъ между нами. Завтра около вечера приходите опять , и вы получите отъ меня священный залогъ , съ помощію котораго вы вступите во владѣніе предковъ вашихъ , и возвратите по крайности все то щастіе , которое можетъ доставить богатство. Пожалуйста положите на бумагу крашкое обозначеніе

вашей жизни, и приключенія, приведшія васъ въ Аббатство, дабы столь чрезвычайнымъ образомъ исполнишь шупъ намѣренія Провидѣнія.

Аминпа обѣщала ей учинить желаемое ею, и несчастная Госпожа удалилась чрезъ галерею, тогда, какъ Аминпа сошла съ лѣсницы и вышла въ вродомъ, бывъ преисполнена удивленіемъ, состраданіемъ и надеждою. Возвратилась она въ пріемную, гдѣ Мисприссъ Брюсъ и Мисприссъ Дунканъ только оставили игру; онѣ поражены были блѣдностію Аминпы, и смущеніемъ, которое означалось еще на глазахъ ея. Сія припоминая себѣ, сколь опасно было для нее сдѣлаться предметомъ подозрѣнія, сказала имъ, что она уже съ лишкомъ долго ходила, чрезвычайно устала, и что нужно ей позволеніе удалиться въ свою комнату. Мис-

приссѣ Дунканъ проводила ее туда, и желала бы пребыть до тѣхъ поръ, какъ ляжетъ она въ постелю, есѣли бы Аминша въ томъ не воспривилась. Но не то было намѣреніе ея, чтобъ лечь такъ скоро: сдѣланное ею столь странное и столь занимательное открытіе такъ сильно превозжило ее, что многова спойло ей труда столько успокоиться, чтобъ написать приключеніе, требуемое отъ нее Ладією Дунрапъ. Она начерпала оное наскоро, но довольно однако же сильнымъ образомъ, дабы пронуть всякую чувствительную душу. Не говорила она тамъ о любви своей, но только о несчастіяхъ отца своего и своихъ собственныхъ; о произшествіяхъ, заведшихъ ее въ Аббатство. Послѣ вѣсколькихъ часовъ успокоенія, но утру опять принялась за описаніе, которое едва только

успѣла окончить, какъ Мис-
приссѣ Дунканъ звала ее уклады-
ваться въ дорогу. Вечеръ уже
наступалъ, когда смогла она вы-
рваться въ церковь, гдѣ нашла
Лади Дунратъ съ видомъ глубо-
чайшей задумчивости, облокотив-
шуюся на рѣшетку олшаря.

Ея блѣдность, ея видъ, уби-
тый нещастіемъ, сухощавость,
и изгнанныческое положеніе ея —
все внушало Аминшѣ нѣжное со-
болѣзнованіе о ней; — омочила она
слезами иссохшую руку, которую
гри вкочъ ея обѣдая Госпожа про-
шерла къ ней. Я не досшойна,
сказала Лади Дунратъ, слезъ
вашего состраданія; однако же
величайшее еспь для меня утѣ-
шеніе находить существо, ощу-
щающее мученія мои; — но мину-
ты драгоценны. Тутъ подвела
она Аминшу къ олшарю, и про-
сила ее, помочь ей поднять не-
большую мраморную плиту на

краю олшаря. Съ великою трудностію подняли камень; Аминта примѣшила маленькой, желѣзомъ кованной сундучокъ, копорой также помогла она Лади Дунратъ поднять. Лади Дунратъ взяла хранившійся на груди ея ключъ, отперла сундучокъ, вынула отсюда запечатанный пергаментъ: — примите, говорила она Аминтѣ, завѣщаніе вашего дѣда, священный залогъ, который повѣряю вамъ вручить вашему брашу, законному наслѣднику Графа Дунрапа. Да возможетъ учиненное мною возвращеніе онаго, соединенное съ искреннимъ раскаяніемъ, загладитъ незаконіе содѣланное мною, столь долго сокрывая оное! да возможетъ предоспавленное вамъ обѣимъ богашство принести съ собою благополучіе ваше! —

Аминта съ великимъ прелепюмъ приняла пергаментъ . . .

Великій Боже! сказала она, возможно ли это! . . правда ли то, что я держу въ рукахъ завѣщаніе дѣда моего, а съ нимъ и имѣніе, возвращенное брату моему? . . . О Провидѣніе! сколь пути Твои таинственны и сокрышы! . . . О Оскаръ, любезный братъ! (ибо она въ сію минуту сама себя забывала) . . . естълибъ сестра швоя могла помыслишь, что испытываемыя ею печали доведуть ея до такого открытія: то не имѣли бы они для нея и половины той горести! . . . Такъ, родитель мой! по крайности одинъ изъ дѣтей швоихъ возможеть быть щасливъ, и зрѣлице благополучія его угладить бѣдствія другаго. . . . Слезы ея текли во изобиліи, тогда, какъ говорила она такимъ образомъ, и облегчали сердце ея, столь сильными движеніями колеблемое.

О! сказала Лади Дунратъ съ глубокимъ степеніемъ, не

говорите мнѣ о несчастіяхъ вашихъ , естли не хопите вы повергнушь меня въ крайнее опчаііе ; ибо я должна обвиняшь себя въ содѣланіи злополучія Лади Мальвины и дѣшей ея.

Извините , вскричала Аминта , упирая слезы свои ; извините сіи плачевныя воспоминанія . Я была бы неблагодарная прошивъ Неба и прошивъ васъ самихъ , когда бы оспанавливалась на моихъ прошедшихъ несчастіяхъ ; но позвольте мнѣ не пропустить сего случая , спросить у васъ : не могли ли чемъ нибудь услужить вамъ , естли вы имѣете какого нибудь друга , къ которому бы я могла опнестись отъ имени вашего , дабы избавить васъ отъ безчеловѣчной и несправедливой пюрьмы , въ которой вы содержитесь ?

Нѣтъ , сказала Лади Дунратъ , я не имѣю друзей ; не за-

готоввила я ихъ, когда по полуженію моему была я въ состояніи приобрести оныхъ; и еслили еще въ свѣдѣніи обо мнѣ воспоминающъ, то уже конечно съ презрѣніемъ и ужасомъ. Знаю, что законы моей страны скоро бы возвратили мнѣ мою свободу; но ежели дѣла возьмутъ употребляемый мною оборотъ, тогда не будетъ мнѣ никакой нужды призывать законы, а поступокъ такого рода могъ бы имѣть для меня самой и для гонимцевъ моихъ послѣдствія, которыхъ бы желала я избѣгнуть. Ваше благополучіе и моя безопасность пребудутъ еще на нѣсколько времени глубокой тайны. Вы найдете въ сей бумагѣ причины, по которымъ пребуду отъ васъ оной; — и въ ту же самую минуточку вручила ей свертокъ бумагъ, хранящейся на груди ея, въ замѣну котораго Аминта подала ей

ей обѣщанное описаніе. Потомъ
поставили опять по своимъ мѣ-
стамъ сундукъ и мраморъ, и
ѣли на приступкахъ олшаря.
Аминша увѣдомила Лади Дун-
ратъ чѣю она завтра отбѣз-
жаетъ, и для чего. Лади Дун-
ратъ извѣяляла величайшую не-
терпѣливость, чшобъ безъ замед-
ленія все было употреблено въ
дѣйствіе, дабы возвѣстить до-
сшовѣрность заѣщанія. Да уви-
жу я, говорила она, законнаго
наслѣдника обладателемъ Аббат-
ства! и душа моя сбращетъ нѣ-
которое успокоеніе до тѣхъ
поръ, пока не оставитъ она смерш-
наго шѣла своего: минуша, кошо-
рую я не упозаю быть удален-
ною... Слезы состраданія упада-
ли опять изъ глазъ Аминшы, и
была она поражаема ужасомъ,
помышляя, что несчастная могла
бы умереть, осшавленная и ли-
шенная всякаго ушѣшенія и по-

мощи. Еще убѣждала ее назначить ей какой нибудь способъ, поскорѣе доставить ей свободу; а Лади Дунрашъ повпоряла ей, что сіе было не возможно, прежде нежели бы Аминта сдѣлала употребленіе завѣщанія, каковое учинить ей надлежало.

Увлеченныя сладостною и горестною взаимною наклонностію сердецъ, соединяющею несчастныхъ, забыли онѣ опасность быть открытыми, какъ колоколъ замка возвѣстилъ имъ часъ, которой тогда былъ. Подише отсюда! вскричала Лади Дунрашъ съ великимъ ужасомъ; или мы обѣ погибнемъ. Аминта въ молчаніи пожала ей руку, и вышла изъ церкви. Находясь внѣ оной, она остановилась послушать; ибо ночь наступала, и слухъ ея только могъ возвѣстить ей опасность быть замѣчанною; но шокмо

шумъ вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ долины, и журчаніе водъ, въ гору ударяющихся, были слышны. Ощупью искала она вдоль стѣны церковной пропінки, ведущей къ воротамъ при входѣ въ Аббатство, какъ вдругъ слышитъ голосъ Мистриссы Дунканъ, кличущій ее, и которая говорила ей, что она начинала беспокоиться, не видя ея возвращенія, и что съ однимъ слугою пошла искать ее.

Сие произшествіе заставило Аминшу опасаться, не была ли она замѣчена; и мысль сія жестоко тревожила ее: но скоро увѣрилась тиномъ и обращеніемъ Мистриссы Дунканъ, что она избѣгла сей опасности.

Великое имѣла она желаніе удалиться въ свою комнату и не ужинашь; но боялась еще дасть о себѣ подозрѣніе, и осталась въ столовой; — духъ ея былъ

сколько занятъ произшествіями того вечера, что она не знала, что говорила и что дѣлала. Наконецъ извлечена была изъ сей задумчивости именемъ, любезнымъ сердцу ея, и которое имѣло силу отшорганъ ее отъ всякой другой мысли. Мистриссъ Брюсъ говорила о приближающейся свадьбѣ Лорда Морпимера. Аминъ па печально на нее смотрѣла, и прошивъ воли своей допустила вырваться нѣсколькимъ слезамъ. Она краснѣла и блѣднѣла. Ахъ! сказала она: на что мнѣ нужно богатство теперь, когда теряю благополучіе?.. Однако же отвергала попомъ мысль сію, и вопрошала себя: развѣ не важна независимость и возможность дѣлать добро? развѣ выгоды сіи не заслуживаютъ отъ обладающихъ ими самой нѣжной и живѣйшей признательности къ Провидѣнію, имъ оныя даровавшему? Безъ со-

ми́бнiя , . . . сказала она сама себѣ ,
и сердце ея въ самую ту мину-
ту въ молчанiи воздавало дань
сiю Творцу и всѣхъ благъ Пе-
дапелю .

Было уже поздно , когда разо-
шлись Госпожи . Аминта запер-
ла изнутри дверь своей комна-
ты ; вынула хранящiяся на гру-
ди ея бумаги , спрятанныя ею
туда , и начала читать повѣсп-
вованiе Лади Дунратѣ .

Г Л А В А 6 .

„Обожая всемогущество Прови-
дѣнiя , достигнувшее мнѣ средства
загладить учиненную мною неспра-
ведливость , намѣреваюсь обнару-
жить предъ вами , милая дочь неща-
спной Мальвины ! сердце , давно уже
терзающееся воспоминанiемъ сво-
ихъ погрѣшностей , и горестей

прошедшихъ и настоящихъ. Узбрана я, что вы, бывъ одарены доброшю вашей родительницы, равно какъ и красотою ея, осуждая виновницу, пожалбете о кающейся, и что испросите отъ Неба прощеніе мнѣ; ибо молитвы невинности всегда сильны предъ Нимъ. Тюрьма моя продолжается многое число лѣтъ, и упованіе мое, поправить несправедливоспъ мою пропивъ Лади Мальвины, начинало ослабѣвать, хотя желаніе, какое я всегда къ тому имѣла, не позволяло мнѣ совершенно опчаяваться въ томъ.

„Ахъ! добрая Мальвина! участь моя осудила меня не внять прощенія моего, кропкимъ швоимъ гласомъ произнесеннаго; но я уповала нѣкогда получить оное отъ дѣшей швоихъ. И ежели съ высоты щаспливаго пребыванія, гдѣ ты наслаждаешься блаженствомъ, какое обѣщано

добрымъ ; дано душамъ ихъ познаніе о происходящемъ на землѣ: по я увѣрена, что благосклоннымъ и сострадаательнымъ окомъ возришь на несчастную, которая сама себя покрываетъ стыдомъ, исповѣдуя злодѣяніе свое, дабы загладишь то, въ коемъ сдѣлалась виновною предъ тобою.

„Но должна я остановить сокрушеніе сердца моего, дабы не занялъ шѣмъ время, опредѣленное на то, чтобъ сдѣлать вамъ называемое мною исповѣданіе, и увѣдомить васъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя знать вамъ надлежитъ.

„Жестокость моя и наглость прошивъ Лади Мальвины должны сдѣлать вамъ быть извѣстны. Я забывала благодаренія, полученныя мною отъ ея матери, которой покровительство и дружба положили основаніе моему благополучію. Весьма радовалась

я браку ея съ Капитаномъ Фипзаланомъ, какъ такому поступку, копорой навлечешъ ей немилость опца, и копорой, доведя ея до нищеты, зашмилъ бы прелести, проклинаемая мною какъ помрачающія пгб, какія имбла дочь моя. Гнбвб Графа сначала былъ жестокъ, но съ удивленіемъ и печадію видбла я оный постепенно умягчающимся. Невозвратныя послбдствія завбщанія, вб коемъ дочь его лишена была наслбдства; здравое разсужденіе, что не было ей нужды вб мужб, копорой бы имблб богатство, благородство Фипзалана, пріяности и добродбтели, какими онъ одаренъ былъ, и копорыя дблали его достойнымъ наилучшей и богатбйшей партіи, часно приходили вб умъ Графу и сильно уббждали вб пользу дочери его. Опасаясь, чшобъ намбренія мои прошивъ

нее не были совершенно низринуты, занималась я, какъ злой духъ, возжечь гнѣвъ отца ея. Особы, подкупленные мною, безпреспанно предспавляли ему нагдое презрѣніе, какое дѣлала Лади Мальвина къ дружбѣ родительской, и что столь легко прощая ей, онѣ долженѣ опасаться такого же поступка отѣ другой своей дочери, и какого нибудь брака съ особою еще бѣднѣшею, ежели по возможно, съ меньшими качествами, нежели Фипзаланѣ. Сіе послѣднее разсужденіе имѣло все ожидаемое мною дѣйствіе, и Лади Мальвина была объявлена совершенно чуждою его семейству.

„Тогда - по уповала я исполненія надменныхъ намѣреній моихъ, какія имѣла я въ разсужденіи дочери моей. Давно желалось мнѣ опдаться ее за Маркиза-Росдина; но уже нѣсколько лѣтъ

пробывалъ онъ обожаемымъ Мальвины, и при извѣстїи о бракѣ ея столько былъ огорченъ, что оправился пупешествовать. Тогда пробовала я всѣ средства принудить Графа сдѣлать завѣщаніе въ пользу Лади Августы, но не могла успѣть въ томъ, и оставалась въ мучительномъ опасенїи: ежели умретъ онъ безъ завѣщанія, Мальвина не вошла бы во владѣніе части изъ имѣнія отца ея, которой я хотѣла лишить ее. Желая, во что бы то ни стало, доставить дочери моей знатное замужство, я вездѣ говорила, что нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнія, что Августа будетъ единственная наследница Графа. — Черезъ три года, Маркизь возвратился въ свое отечество; спросить его къ несчастной Мальвинѣ была погашена. Мнѣніе, разсѣянное мною о расположенїи, сдѣланномъ Графомъ въ имѣніи его,

было ему внушено, и онъ принялъ оное. Сопровождаемъ жадностію, требовалъ онъ руки дочери моей, и получилъ на то согласіе. Графъ далъ ему въ приданое большую сумму наличныхъ денегъ; но не взирая на всѣ мои усилія, никогда не хотѣлъ при жизни своей никакого дать ему помѣстья. Я всегда надѣялась, равно какъ и Маркизъ, что умирая онъ оставитъ ему все свое имѣніе. Бракъ дочери моей увеличилъ свойственную мнѣ надменность, и произвелъ также во мнѣ гораздо живѣйшую любовь къ удовольствію, доставляя мнѣ случай предаваться оному въ домѣ Маркиза. Разсѣянная жизнь, веденная мною, заставляла меня нерадѣть о Графѣ, котораго дряхлость и немощи заключали въ Аббатствѣ, и онъ былъ оставленъ уединенію и попеченіямъ служителей. Безъ

сомнѣнія вы удивитесь о такомъ безразсудномъ нерадѣніи прошивъ мужа, котораго наблюдать столь для меня полезно было; но Провидѣніе весьма премудро учредило, чтобъ порокъ былъ самъ себѣ врагомъ. Ежели бы я продолжала оказывать Графу шуже нѣжность, и имѣть объ немъ шѣ же попеченія, не могу сомнѣваться, чтобъ наконецъ не убѣдила я его совершить желаемое мною; но упоенное удовольствіемъ и щеславіемъ благоразуміе мое — ешлы не оскверню слова сего, упопробивъ оное для себя — оспазило меня. Въ шѣлѣ, учинившемся добычею немощей лѣшѣ, Графъ сохранялъ всю силу ума своего; очень замѣшилъ нерадѣніе мое; и живо ощущалъ оное; шѣмъ болѣе былъ онъ къ оному чувствителенъ, чемъ болѣе различествовало оно отъ нѣжнаго и почтительнаго

усердія , какое имѣла къ нему изгнанная онѣ присутствія его злополучная Мальвина , и гнѣвъ его , мною пиццашельно пипаемый , снова унихалѣ , такѣ что онѣ весьма благосклонно былѣ расположенѣ внимашѣ невинности младенца , защищающаго спорону матери . Ужасѣ мой и удивленіе мое были чрезмѣрны , когда нашла я маленькаго Оскара у колѣнѣ дѣда его . Слезы , пролитыя спарикомѣ на щеки милаго младенца , оказывали наклонность , хранимую имѣ къ матери , и сожалѣніе , что поступилѣ съ нею споль жестоко . Я замѣчала даже во взорахѣ его , обращаемихѣ на дитя , чувствво удовольствія и радости , и мнила видѣшѣ , что онѣ говорилѣ самѣ себѣ : сей младенецѣ будетѣ еще подпора , украшеніе , слава спариннаго дома моего ! и различныя преслѣдовавшія обстоятельствва до-

казали мнѣ, что я очень хорошо исполковала взоры его. Я опорвала опѣ него дия съ движеніемъ бѣшенства. Графъ былъ весьма распроганъ; зналъ онъ жестокость нрава моего, и надмѣру былъ слабъ, дабы выдержатъ со мною ссору; онъ собралъ все остатки силы и разсудка къ распорядженію дѣлъ своихъ, и казался въ молчаніи уступать соизволеніямъ моимъ, но не перемѣняя своихъ рѣшеній. Вы конечно увѣдомлены, какимъ образомъ воспрепятствовала я юному брату вашему достигнуть опять къ дѣду его, и какъ изгнала я мань вашу, когда приходила она сама предспать, дабы сдѣлать послѣднее усиліе. . . . Праведный Боже! угрызенія, даже чрезъ столько лѣтъ, раздираютъ меня, когда припоминаю себѣ ту ночь, въ которую выгнала я ее изъ родительскаго дома, изъ того

жилища , гдѣ благошворительная
мать ея приняла меня въ юныхъ
лѣтахъ моихъ , и предохранила
отъ бури нищеты . О гнусная
и подлая неблагодарность ! же-
спокое возмездіе за полученныя
мною благодѣянія ! Но едва безза-
коніе мое учинилось , какъ уже
и опмщено было . Никакое на-
рѣчіе не можетъ выразить му-
ченій , которыя заставляли меня
прешерпѣвать мои угрызения . Въ
самую ту минуту , когда учинила
я сію жестокость , невольными
ужасами была я объята ; наима-
лѣйшій шорохъ пугалъ меня ;
каждое удареніе вѣтра , а во всю
ночь буря была пресильная , за-
ставляло меня шепетать , и ,
казалось , возвѣщало мнѣ Боже-
спвенное наказаніе , приходящее
поразить виновное чело мое . Дре-
жала я , помышляя о сокровенномъ
злѣдѣяннн моемъ , которое право-
судіемъ людей не могло быть

поспигнуто. Знала я, что Графъ дожидался увидѣшь машь вашу, или получишь отъ нее какое либо новое убѣжденіе; не извѣстно ему было, какимъ образомъ я приняла ее и поступила съ нею, и я взяла всѣ возможные предоспорожности поддержать его въ семъневѣденіи. Тотчасъ, какъ была я увѣрена, что Лади Мальвина оставила окружности Аббатства, заставила я написать къ Графу письмо отъ имени Капитана Фитзалана, въ которомъ дѣланы ему наижесточайшія и самыя наглыя укоризны за поступокъ его прошивъ дочери своей. Надѣялась я, что письмо сіе раздражитъ мужа моего, и доведетъ его къ желаемымъ мною расположеніямъ; но надежда моя была обманута. Или онъ догадался, что письмо было подложное, или рѣшилъ не наказывать дѣшей за погрѣшность отца,

послалъ онъ въ ближній городъ за весьма искуснымъ приказнымъ человекомъ, управляющимъ дѣлами его. Сей человекъ недавно умеръ; но сынъ его, воспитанный въ томъ же ремеслѣ, пріѣхалъ въ Аббасство вмѣсто отца своего. Спрашилась я его прибытія; но увидя его, испытывала движеніе весьма различное: горячая страсть овладѣла сердцемъ моимъ при видѣ сего молодого человека, въ цвѣтѣ лѣтъ его одареннаго всѣми пріятностями и всѣми дарованіями. Я, молода вышедши за мужъ, всегда слыхала, что я была хороша, и считая себя таковою, весьма пребывала увѣрена, что надъ сердцемъ его сдѣлаю такое же впечатлѣніе, какое и онъ учинилъ надъ моимъ. Ежели сего достигну, то легко могу съ помощію его воспріятснвовашь дѣйствіямъ

благопріятныхъ расположеній, ежедневно предпринимаемыхъ Графомъ въ разсужденіи Мальвины. Я считала, что любовь понудитъ его учинить всѣ пребуемая мною жертвы. Завѣщаніе дѣйствительно сдѣлано было; но послѣ новаго моего предпріянія я не безпокоилась болѣе объ ономъ. Мельросъ продолжалъ пріѣзжать въ Аббатство гораздо чаще, нежели то требовали надобности, и опустствія его были крапки дѣла Графа полагались предлогомъ его долговременныхъ и частыхъ посѣщеній; но скоро объявилъ онъ мнѣ истинную причину оныхъ, бывъ поощренъ оказываемою мною къ нему склонностію. Не стану останавливаться я на сей часпи моей исторіи. На послѣдокъ преисполнила я злодѣяніе мое, нарушивъ супружескую кляпву, и мы взаимно обязались, Мельросъ и я, пошчасъ соединимся, какъ скоро

я учинюсь свободна смертію мужа моего, которая по видимой дряхлости его не могла на долго замедлишь. Въ слѣдствіе сего обязательства, Мельросъ обѣщаль предать въ мои руки завѣщаніе Графа, ему оное ввѣрившаго. Оно было въ пользу Лади Мальвины и дѣшей ея. Свидѣтели, подписавшіеся въ ономъ, были друзья Мельроса, и онъ полагаль за вѣрное, что можешъ обязать ихъ молчаніемъ. Вы удивитесь, что имѣя въ моихъ рукахъ завѣщаніе, я тотчасъ не сожгла его; но сего - то я никогда не хотѣла сдѣлать, и имѣла на то свои причины. Сохраняя его, доставляла себѣ надъ дочерью моею власть, которой бы никогда не могла пріобрѣсть отъ должности ея и любви. Не сомнѣвалась я, что обѣ жестокая, властолюбивая, надменная, она, равно какъ и мужъ ея, въ ономъ съ нею

сходствующій, всею ихъ силою не вопрошивились браку моему съ Мельросомъ, копорой бы вдругъ оскорбилъ ихъ надменность и корыстолюбіе. Но когда будущъ они знашь, что въ моей власти строго наказашъ ихъ за шаковое сопропивленіе: то легко могу получить ихъ согласіе и уваженіе къ Мельросу, нужное для моего честолобія и спокойствія. Графъ препоручилъ Мельросу провѣдать, что сдѣлалось съ Мальвиною, и сей обѣщалъ ему учинить свои разысканія; но не нужно сказывать, что онъ никогда не выполнялъ сего обѣщанія. Мужъ мой умеръ, съ годъ спустя послѣ начала моей справы къ Мельросу, и Маркиза наслѣдовала его имѣніе въ силу другаго завѣщанія, Мельросомъ составленнаго, не зная и сама, что бумага сія была подложная, хошя по всегдашнимъ ея поступ-

камъ и могла я быть увѣрена, что никакъ не устыдилась бы она воспользоваться симъ обманомъ. По смерти Графа оставила я Аббатство, дабы поселиться въ одномъ владѣннн, около пятнадцати миль отстоящемъ отсюда, которое Графъ мнѣ оставилъ; и такъ - то гораздо ранѣе, нежели того требовала благоприспособность, призналась я Маркизу и Маркизѣ Рослинамъ о намѣреннн моемъ выдти за Мельроса. Послѣдствнн сего признаннн были таковы, какъ я предузнавала. Неудовольствнн Маркиза означалось болѣе въ его видѣ, нежели въ словахъ; но Маркиза извяснила все свое негодование увидѣть меня соединенную съ человекомъ, столь низшимъ прошивъ меня рожденннмъ и состоянннмъ. Снн было бы, говорила она, поруганннмъ памяти моего родителя и униженннмъ

знаменитому дому его. Бракъ мой подтвердилъ бы также, прибавила она, поносные слухи, разсѣявшіеся о моемъ сношеніи съ Мельросомъ еще прежде смерти мужа моего. Сіи слова раздражили мою жестокость. Я укоряла ее въ неблагодарности прошивъ мапери, которая для ея обогащенія заглушила гласъ самой совѣсти своей. Упреки мои вооружили прошивъ меня дочь мою и мужа ея; преобозвали они отъ меня въ томъ объясненія. Я не колебалась дать имъ оное, говоря при томъ, что не намѣрена извѣстисхожденія къ нимъ долге принуждать чувствъ моихъ, и что не видя отъ нихъ никакова къ себѣ уваженія, я объявлю, что Лади Мальвина Фитзаланъ была единая законная наслѣдница Графа Дунраша. Маркизъ и Маркиза измѣнились въ лицѣ; видѣла я шрепешъ ихъ о томъ,

чтобъ не исполнила я угрозъ моихъ. Хотя и показывали они видъ, будто не вѣрятъ существованію акта, которымъ я спращала ихъ; но сіе было только лукавство, употребляемое ими, чтобъ гораздо удобнѣе заставить меня еще болѣе объясниться.

„Осперегайтесь, говорила я имъ, вставъ со стула, дабы оставивъ комнату, чтобъ я въ точности не доставила вамъ надмѣру убѣдительнаго доказательства. Если я не получу съ вашей стороны снисхожденія и уваженія, которыхъ имѣю право ожидать, то перестану продолжать упорство мое противъ укоризнъ совѣсти моей, содержа въ тайнѣ истинное завѣщаніе мужа моего. Бывъ госпожею дѣйствій моихъ, какое другое побужденіе, какъ не любовь къ дочери моей, могло бы меня пону-

дипть сообщать вамъ о моихъ намѣреніяхъ? Сопрошвленіе и одобреніе ваше не могутъ имѣть инаго источника, какъ личную вашу выгудность. Мельросъ состояніемъ своимъ и достоинствомъ никогда не принесетъ спыда знаменишому дому. Удалась я въ мою комнату, не сомнѣваясь, что я побѣдила ихъ сопрошвленіе, и удовольствовалась сею мыслію; ибо я полагала ясно видѣть, что дочь моя и зять были увѣрены, что я могла лишитъ ихъ имѣнія, смертію Графа ими пріобрѣтеннаго, и что, дабы сохранить оное, не поколеблются они надменностію своею пожертвовать желаніямъ моимъ. Я располагалась торжествовать бракъ мой со всемъ великолѣпіемъ, всегда мною любимымъ; и какъ спрость моя и щеславіе мое становились удовольствованы, то я успева-

лась благополучіемъ. Чрезъ нѣ-
сколько часовъ послѣ сей сцены,
Маркиза прислала просить меня
дозволить ей свиданіе. Я видѣла
ее входящую въ комнату мою
съ необыкновеннымъ ей почпи-
тельнымъ видомъ, и тотчасъ
дѣлала мнѣ покорныя извиненія
въ своемъ поступкѣ; соглаша-
лась она, что я имѣла причину
быть въ досадѣ; что здравымъ
разсужденіемъ убѣждена въ своей
погрѣшности, и благодарила
меня, равно какъ и отъ мужа
своего, за совѣщанія съ ними
о желаемомъ мною предпріятіи.
Обѣщали мнѣ есѣ уваженія, како-
вые могла я требовать для чело-
вѣка, котораго удоспоивала сво-
имъ выборомъ. Не полагала я,
чтобъ дочь моя была искренна
во всемъ томъ, что она говорила;
но снисхожденіе и наружныя обра-
щенія было все то, что считала
нужнымъ для себя. Пошла я

съ нею къ Маркизу : учинилось между нами примиреніе , и представила я имъ Мельроса , котораго они приняли , какъ я того желала .

„Спустя нѣсколько дней , Маркиза входитъ въ комнату , и говоритъ , что она намѣрена сдѣлать мнѣ одно предложеніе , которое надѣется , что долженствуешь быть для меня пріятно . Они располагались сдѣлать путешесвіе сухимъ путемъ , и она и мужъ ея думаютъ , что ежели бы Мельросъ и я согласились доставить имъ удовольствіе быть съ ними , помогли бы мы оплодить нашъ бракъ до того времени , какъ мы будемъ въ Парижѣ , куда полагающъ они прямо пробѣжать ; что казалось имъ расположеніе сіе приличнымъ для меня самой , для того что бракъ , бывъ совершенъ въ Шотландіи такъ

скоро послѣ смерти мужа моего, могъ бы оченьtronуть друзей Графа, которыми мы окружены были; вмѣсто того, что учинилъ церемонію сію въ иностранной землѣ, по возвращеніи своемъ представили бы они Мельроса всей ихъ фамиліи и всему ихъ знакомству, какъ человека, по всѣмъ правамъ достойнаго быть принятымъ въ ихъ сообщество.

„Размышляя нѣсколько времени, приняла я расположеніе ими мнѣ предлагаемое, и которое не противорѣчило моему. Страсть моя не препятствовала мнѣ имѣть желаніе поступать не въ противность приспѣшности, и не могла я сокрыть отъ себя, что бракъ, такъ скоро послѣдующій смерти мужа моего, навлекъ бы на меня переговоры общества, которыхъ я избѣгну пущешествуя, и время союза нашего оста-

непся скрышо и неизвѣстно. Мельросъ на все соглашался. Положено было, чтобъ онъ прежде побжалъ въ Парижъ. Я дала ему всю сумму, потребную показаться тамъ въ великомъ изобиліи, и онъ побжалъ весьма доволенъ, видя открывающуюся предъ нимъ блестящую долину жизни.

„Я съ неперпѣливостію считала дни, ожидая того, въ копорой соединюся съ нимъ; и по расположенію нашему выѣжали мы чрезъ двѣ недѣли послѣ его. Какъ мы тогда находились въ половинѣ зимы, по нѣскольکو часовъ ночи были глубочайшей шемнопы. Когда мы оспановились, я была испощела усшалостію и обѣяпа холодомъ; и думая имѣть ночлегъ въ корчмѣ, слѣдовала я за Маркизомъ довольно долгой переходъ, освняемый слабымъ свѣтомъ, проведшій насъ въ одну, весьма освѣщенную комнашу, и нагрѣваемую

добрымъ огнемъ. Чрезвычайно удивилась я , находясь въ оной : ибо она казалась мнѣ не незнакомою ; извяснила я свое удивленіе Маркизу. Ваши глаза , сударыня , васъ не обманываютъ , сказалъ мнѣ онъ съ безчеловѣчною важностію ; пошому что вы находитесь въ Аббатствѣ Дунрашъ.

„Въ Аббатствѣ Дунрашъ ! вскричала я ; о Небо ! за чѣмъ же вы привезли меня сюда ?

„Дабы скрыть отъ свѣта глупость вашу , неблагоразуміе ваше и предательство , отвѣчалъ онъ мнѣ ; дабы воспрепятствовать вамъ исполнить недостойное предпріятіе развращеннаго сердца и поврежденнаго ума , ушверждающій и незаконный бракъ ; и дабы спасти ихъ , которыхъ союзъ съ вами придаетъ вамъ всю важность , отъ непріятностей , какія бы безуміе ваше могло навлечь имъ.

„Не могу я изобразить дѣйствій, произведенныхъ надо мною рѣчью сей. Ярость моя была такова, что не было жестокости, на которую бы я не подвинулась, еслибы не лишена я была всѣхъ средствъ къ опмщенію; шрепещущія губы мои долго отказывались извѣснять бѣшенство мое.

„Какъ! сказала я на послѣдокъ: не уже ли заѣсь осмѣливаешься вы покуситься на мою свободу?

„Да, отвѣчалъ онъ мнѣ съ ругательною холодностію, потому что явно по, что вы оною благоразумно пользоваться не умѣете; вы бы еще должны были благодарить меня за снисхожденіе, заспавляющее меня поспупокъ вашъ относилъ болѣе къ поврежденію ума, нежели къ совершенному развращенію вашему; и дѣйствительно надлежитъ,

чтобъ вы очень были безумны, дабы увѣрять, что существуетъ завѣщаніе Графа Дунрапа въ пользу Лади Мальвины Фитзалаиъ. Слова сіи открыли мнѣ причину наглости ихъ противъ меня, и доказали мнѣ, что между злыми нѣтъ вѣрности. Маркизъ увѣренъ былъ, по свѣденію о моемъ свойствѣ, что не преминетъ вала бы я захотѣть господствовать надъ нимъ, бывъ довольно сильною, имѣя завѣщаніе въ рукахъ моихъ. Опасался онъ также, чтобъ спросить, или своеяравіе не довели меня со временемъ до того, чтобъ измѣнить въ сей важной тайнѣ и лишить его незаконнаго наслѣдства; и такъ гордость и жадность принудили его избавиться отъ опасностей, завладѣвъ мною и содержа меня въ удаленной темницѣ.

„Ахъ! вскричала я, для чего я не загладила мою несправедли-

вость? не попалась бы я въ сѣ-
пи шѣхъ, которые воспользова-
лись симъ похищеніемъ.

Предъявите сіе завѣщаніе,
сказалъ онъ, и будете наслаж-
даться выгодами, которыя
вы предвѣщали себѣ опъ споль
прекраснаго дѣйствія. Съ бѣ-
шенствомъ и презрѣніемъ въ серд-
цѣ и въ глазахъ: нѣтъ! ска-
зала я, нѣтъ! оно въ вѣрныхъ
рукахъ, и будетъ объявлено
въ минушу, когда вы наименѣе
того ожидаете, дабы загладишь
и поправитъ несправедливость
мою, и обнаружитъ вашу предвѣ-
щаніемъ свѣтомъ, предоставляя
права законному владѣтелю. Я
требовала моей свободы; угро-
жала, умоляла, но все было
пщешно. Маркизъ увѣрилъ меня,
что я гораздо бы лучше сдѣла-
ла, успокоивъ себя, ибо жребій
мой опредѣленъ былъ.

„Вы знаете, говорилъ онъ съ злобнымъ взоромъ, что вы не имѣете друзей, которые бы спрашивали объ васъ, или которые бы захотѣли взять попеченія о васъ; а хотя бы и имѣли оныхъ, по злолюбью мнѣ только увѣрить ихъ, что я самъ считаю васъ безумною, и послѣ сего конечно не пожелаю, чтобъ вы извлечены были изъ тюрьмы вашей. Требовала я увидѣть дочь мою. Вы ее болѣе не увидите, сказалъ онъ мнѣ; она сама не хочетъ быть свидѣтельницею постыдной сцены, которая заставляетъ ее краснѣть за васъ.

„Ахъ! прервала я, скажите лучше, что она не смѣетъ болѣе возрѣть на оскорбленную мать. Но да не надѣется несчастная, разрушившая такимъ образомъ всѣ узы природы, избѣгнуть праведнаго наказанія! Такъ, спра-

данія мѣи соберутъ на главу ея ужасную тяжестъ, и въ минушу, когда она наименѣе того ожидаетъ, сердце ея сдѣлается добычею несносныхъ горестей, и поспигнута будетъ мученіемъ злодѣянія ея.

„Не сомнѣваясь, что была я въ полной власти Маркиза, и что не имѣла ничего надѣяться ни отъ него, ни отъ дочери моей несправедливыми и жестокими поступками ихъ, негодованіе мое и бѣшенство доведено было до насмоящаго изступленія ума, и оно окончилось сильнымъ судорожнымъ сведеніемъ членовъ. Пришедъ въ себя, находилась уже я въ комнатѣ, которую признавала бышь своею, гдѣ жила покойная Лади Дунратъ, споль не достойно мною заступаемая. Мистриссъ Брюсъ, бывшая домоправительницею еще и прежде брака моего, сидѣла подлѣ моей по-

стели. Нѣсколько времени размышляла я, какъ оппеспись мнѣ и въ ней, въ видѣ ли пльницы, или госпожи ея; и какъ сей послѣдній болѣе согласовался съ свойствомъ моимъ, по съ надменностію сказала я ей помочь мнѣ вспашь, и промыслишь для меня повозку, дабы безъ оплагательства уѣхать изъ Аббашства. Маркизъ вошелъ въ комнату, когда отдавала я приказанія сіи. Учасъ ваша, сказалъ онъ мнѣ, уже опредѣлена; я вамъ по повпоряю. Аббашство сіе оппыйнѣ будетъ мѣспомъ вашего пребыванія, и вы изъ онаго никакъ не выдете. Благословляйте избравшихъ безумію вашему такое уѣжище; намъ необходимо нужно, мнѣ и Маркизъ, сокрыть отъ свѣта женщину, которая разсѣяла бы объ насъ поносныя обнесенія. Незнающіе насъ могли бы онымъ повѣришь. Я вскочи-

ла съ постели , развѣренная и въ одной только той одеждѣ , въ которой меня оставили , положивъ въ оную . Бѣжала къ дверямъ , претовала моей свободы : онъ мнѣ пресѣкъ путь , и съ ругательнымъ презрѣніемъ выслушавъ мое претованіе , чрезъ минуту вышелъ . Я хотѣла слѣдовать за нимъ ; онъ съ жестокостію оттолкнулъ меня и заперъ дверь . Судорожныя движенія опять меня терзали , и въ послѣдствіе оныхъ подхватила жестокая лихорадка съ изступленіемъ ума . Въ семъ положеніи была я оставлена Маркизомъ и Маркизою ; не сомнѣвались они , что бѣ болѣзнь моя скоро не повергла меня въ шюрму еще гораздо вѣрнѣйшую той , которую они мнѣ опредѣлили . Нѣсколько недѣль былъ я въ опасности ; при возвращеніи чувствъ моихъ , думала , что я пробуждаюсь отъ

тягостнаго сна , въ продолженіе котораго перзаема была ужасными сновидѣніями. Первый, представившійся мнѣ предметъ, была спящая у изголовья моего Мисприссъ Брюсъ , съ прискорбіемъ на меня взирающая , и казалось , что желала выздоровленія моего , никакъ не надѣясь онаго.

„Снажите мнѣ , спросила я у нее : точно ли я въ Аббатствѣ Дунрапъ плѣнница по приказанію дочери моей ?

„ Мисприссъ Брюсъ вздохнула. Не мучте сами себя , сказала она мнѣ , бесполезными вопросами , и возвращающагося къ вамъ разсудка не употребляйте на тщетныя ропшанія.

„ Тщетныя ропшанія ! повторила я испуская отчаянный вздохъ. Долгое время хранивъ молчаніе , прѣсила я Мисприссу Брюсъ дажь мнѣ нѣсколько свѣща , раздвинувъ завѣсы моей постели .

и окошекъ. Она согласилась на то, и лучи сіяющаго солнца, проникая въ мою комнату, показали мнѣ предметъ, котораго я безъ ужаса видѣть не могла: это былъ портретъ Лади Дунрапъ, благодѣтельница моей, прямо прошивъ меня поспавенный. Нравъ мой болѣзню былъ умягченъ, и душа учинилась кропкою. Мнила я видѣть предъ собою сію почтенную женщину, возбуждающую угрызенія совѣсти моей и раскаяніе сердца моего. Видъ благости и доброхотства, означающійся на всѣхъ чертахъ лица ея, былъ въ совершенствѣ изображенъ на портретѣ, и съ великою силою приводилъ мнѣ на память минушу, въ которую сія превосходная особа приняла меня въ свои руки, и въ домъ своемъ доставила мнѣ убѣжище отъ бурливой жизни. Раздиралось сердце мое, помыш-

ляя, какъ заплашила я за благо-
дѣянiя ея, причинивъ гибель и
несчастiе ея дѣшамъ. О! сколь
жестокимъ наказанiемъ были для
меня воспоминанiя сіи! Однако же
скоро перестала я жаловаться
на спраданiя свои; взирала на
нихъ, какъ на очищенiе беззаконiя
моего, и покорность заступила
въ сердцѣ моемъ мѣсто оп-
чаянiя. Спена я говорила сама
себѣ: праведно сіе, чтобъ въ
томъ же самомъ домѣ, гдѣ рас-
почала я несправедливость мою
и жестокость, сооружая ужасное
предательство, получала я на-
казанiе, должное за мои злодѣянiя!

„Перемѣна, учинившаяся въ
расположенiяхъ духа моего, про-
извела оную подобнымъ образомъ
и въ нравѣ моемъ. Миссриссъ
Брюсъ менѣ находила трудно-
спи сперечь меня, нежели она
то съначала воображала. Тщеп-
но старалась я обольстить ее

для приобрѣтенія свободы моей; она пребывала непоколебимою въ вѣрности къ тѣмъ, которыми упопреляема была. И ска въ возвращенія моей свободы, никакой не имѣла я мысли показаться въ свѣтѣ: самое мрачное убѣжище сокрыло бы стыдъ мой; но горячее имѣла желаніе поправить зло, учиненное мною дѣшамъ Лади Дунрашъ, и сіе желаніе ни на одну минушу не оставляло меня. Н и к о г д а не наступалъ день, никогда не проспирала ночь завѣсы своей безъ того, чпобъ не умоляла я Небо подать мнѣ средства возвратити наследство сиротамъ, которыхъ я онаго лишила. Мистриссъ Брюсъ хотя шверда, но не была противъ меня жестока: оказывала мнѣ наивеличайшія попеченія до тѣхъ поръ, какъ здоровье мое поправилось. Перестала она въ теченія дня выдаваться со

мною, и посѣщала меня только ночью; но не оставляла мнѣ ни въ чемъ недостатка: доставила мнѣ книгъ духовныхъ и гражданскихъ, равно какъ бумаги, перьевъ и чернилъ, которыя употребляла я къ собранію мыслей, чтеніемъ мнѣ внушаемыхъ. Симъ книгамъ и симъ малымъ упражненіямъ обязана я тѣмъ, что съ нѣкоторымъ спокойствіемъ сносила я продолжительное и горестное невольничество свое; онѣ возвысили душу мою, и увеличили мысль о Высочайшемъ Существовѣ; онѣ преисполнили меня почтительною покорностію волю Его; онѣ заставили меня познать великость погрѣшностей моихъ, не подвергая опчаянію, для того что понуждая чувствовать ужасъ беззаконія, вразумляли меня о дѣйстви раскаяніа. Однако же, бывъ лишена всѣхъ общесѣвенныхъ наслажденій жиз-

ни, воздуха, движенія, сообще-
ства, сколько ни старалась я
увѣрять себя, что наказаніе мое
было еще гораздо ниже моего пре-
ступленія, но природа ропшала и
страдала, и чрезъ то ослабѣвало
здоровье мое. Мисприссѣ Брюсѣ
сказала мнѣ наконецъ, что она поз-
воляетъ мнѣ прохаживаться по
всей части строенія, примыкающа-
го единственно къ той комна-
тѣ, гдѣ я до тѣхъ поръ заклю-
чена находилась, и которой окш-
ки были въ садѣ, ежели я при-
томъ обѣщаюсь ей не дѣлать
никакого покушенія къ возвра-
щенію моей свободы. Покушеніе,
говорила она мнѣ, не возможное
исполниться; потому что въ Аб-
батствѣ и около онаго не было
никого, кромѣ людей, привержен-
ныхъ къ Маркизу, которые пош-
часъ бы предали меня въ его ру-
ки; и что швердое его было рѣ-
шеніе, ежели я, желая убѣжать,

когда либо буду поймана, отвезти меня во Францію, дабы тамъ запереть меня какъ безумную въ какой нибудь смиришельной домъ.

„Бывъ весьма увбрена, что Маркизъ способенъ былъ ко всякаго рода жестокостямъ противъ меня; пронута услажденіями, какія Мисприссъ Брюсъ доставляла моему невольничеству, и сильно желая испросить себѣ какое нибудь разсѣяніе, я дала ей самыя поржештвенныя увбреныя не покушаться на побѣгъ мой. Въ слѣдствіе чего она опворила мнѣ многія комнаты, примыкающіяся къ моей, и опняла засовы желѣзные, которыми оконницы мои были заперты. Съ какимъ смѣщеніемъ удовольствія и скорби увидѣла я зрѣлище Природы, представляющееся глазамъ моимъ! Зрѣвъ себя еще лишенною наслажденія онымъ въ полной свободѣ, удивлялась я себѣ

какъ. могла. разсмапривать. ете
равнодушнымъ окомъ. Иногда при
ходила я въ опчаяніе, помышляя,
что симъ благомъ, общимъ всѣмъ
человѣкамъ, наслаждалась я шоль-
ко украдкою. Однако же, съ спра-
ведливостію говорила я сама се-
бѣ: на кого, кромѣ самой себя,
должна я роптать за сіе пла-
чевное лишеніе? Сіи прѣкрасные
дары Неба принадлежали мнѣ, но
погрѣшностію моею потеряла я
свободное употребленіе оныхъ.
Нещастная! я уснупила покуше-
нію, осаждавшему меня; я удали-
лась отъ пуши справедливости,
я за то наказана поперею всѣхъ
благъ. Возрѣніе на тѣ же самыя
сцены Природы, которыя до сихъ
поръ я съ безпечностію видала,
произвело во мнѣ сладостнѣйшее
удовольствіе, съ иѣкопорымъ ро-
домъ изступленія, равно какъ бы
чувства мои въ первой разъ по-
ражены были онымъ. Перемѣна

годовыхъ временъ великую приносила розницу въ положеніи моемъ въ разсужденіи сего; ибо зимою всѣ оконницы были заперты, выключая пойдъ комнаты, которую я занимала, и кои были на маленькой и шемной дворѣ. Величайшее было для меня благо возвращеніе весны: она отверзала мнѣ окна, въ которыхъ могла я зрѣть видѣ полей. Какое доставляли мнѣ утѣшеніе зелень, и первыя лиспы, и первыя цвѣты, и журчаніе водъ о горы ударяющихся, и пѣніе птицъ! какую свѣжесть весенняго воздуха! какую сладость благоуханіе цвѣтовъ, которое благопворительный зефиръ приносилъ мнѣ для услажденія невольничества моего! Мрачность ночей соспавляла мнѣ также удовольствія; и когда взирала я на сей синій сводъ, усѣянный звѣздами, на сіе тонкое и легкое покрывало, разлучающее

насѣ отъ обитателей небеснаго жилища, нѣкое пріятное и сладостное чувство благочестія заставляло меня забывать мои несчастія. — Но дѣлая вамъ описаніе чувствъ моихъ, удаляюсь отъ предполагаемой мною цѣли, и забываю, что особа, которой я учинила столько зла, не можетъ взять великаго участія въ такихъ подробностяхъ.

„Въ сей вечеръ предамъ въ ваши руки завѣщаніе. Совѣтую вамъ, ежели вы не скоро найдете вашего брата, повѣрите оное какому нибудь искусному человеку, на честность котораго вы могли бы положиться; но прежде нежели вы сыщете особу такого рода, берегитесь, чтобъ не узнали о томъ, что оное у васъ, опасаясь, чтобъ Маркизь, котораго я считаю на все способнымъ, не похитилъ у васъ въ лицѣ моемъ главнаго свидѣтеля

о дѣйствительности сей бумаги: свидѣтельство сіе вамъ непосредственно нужно, и съ крайнимъ удовольствіемъ дано будетъ. Еще повторяю: храните наиглубочайшую тайну до тѣхъ поръ, какъ все будетъ готово къ утвержденію правъ вашихъ; да будетъ возстановленіе оныхъ для васъ и для брата вашего источникомъ благополучія! да будетъ богащество въ рукахъ вашихъ вспоможеніемъ и утѣшеніемъ несчастныхъ! и такимъ образомъ употребляя оное, да вкусятъ сердца ваши чистое и продолжительное утѣшеніе, котораго не доставляетъ оно, бывъ расточаемо на издержки суетной роскоши и злочесливаго тщеславія! Желаю я, столько, какъ по возможно будетъ, сохранить честь дочери моей: ни мало не заслуживаетъ она отъ меня желанія сего; но, увы! часпю я сама

виновница ея худыхъ поступокъ. Провидѣніе ввѣрило ея моимъ по-
печеніямъ; и нерадѣла о сей
священной должности; никогда
не побѣждала я возражающихся
спрасней ея, и никогда не вла-
гала въ нее основанія ни одной
добродѣтели. Ахъ! да возмогушъ
молишвы нещасной матери
пріобрѣсть милость ей! да воз-
можетъ искреннее, хотя и позднее
раскаяніе, войши въ сердце ея,
и заславить ея оплакать и за-
гладить погрѣшности свои! Если-
ли бы она была соединена съ
человѣкомъ менѣе развращеннымъ,
думаю, что никогда не удалась
бы она столь далеко отъ стези,
начертанной ей природою и долж-
ностію; но беззаконная къ са-
мому себѣ приверженность Мар-
киза развратила ея, и похитила
опъ взора и слѣдовъ ея все,
кромѣ гнусной корысти.

„Чрезъ короткое время послѣ започенія моего, увѣдомела меня Миссприссѣ Брюсѣ, что Маркизѣ писалъ къ Мельросу, дабы сказать ему, что я перемѣнила мысль, и что уже болѣе не думала о немъ; и прибавила она свои догадки, что конечно доставлено ему во Франціи какое либо выгодное состояніе: ибо ничего болѣе уже объ немъ не слышно. Дѣлала она различныя покушенія узнать отъ меня, кому поручено мною завѣщаніе; ибо я увѣряла ее, что оно было въ вѣрныхъ рукахъ, и умѣла столь хорошо сокрыть его, что не возможно ей было дознаться о немъ. Вотъ все, что я имѣла сказать вамъ. Съ прискорбною непериблivosпiю ожидаю въ сей вечеръ посѣщенія вашего; ожидаю той минуты, въ которую возмогу загладить несправедливость мою противъ

вашей манеры ; той минуты, въ которую получу отъ васъ описаніе вашей жизни. Слезы ваши, слова и уныніе ваше возвѣщаютъ мнѣ, что въ оной должны заключаться несчастія ваши ; но я уповаю, что несчастія сіи не какимъ либо преступленіемъ вашимъ навлечены ; что воспоминаніе о нихъ со временемъ изгладится, и что дружба и свидѣтельство чистой совѣсти усладятъ оныя.

„ Не могу воспретить себѣ объяснить вамъ чувства, ощущаемыя мною при услышаніи голоса вашего ; сей голосъ, столь сходный съ тѣмъ, которой мнѣ такъ много знакомъ, и которой безчеловѣчїемъ моимъ давно уже осужденъ къ молчанію во гробъ, поразилъ меня страхомъ. Я была вверху лѣсницы ; сходила съ оной въ церковь, какъ на шо всегда при наклоненіи дня привычку

имѣла. Трепетавъ отъ ужаса, стояла я нѣсколько минутъ, не имѣвъ возможности сдѣлать единого шага; но когда опважилась приблизиться къ двери, увидѣла васъ споящую на колѣнахъ предъ изображеніемъ гонимымъ мною; когда внимала васъ называющую себя несчастною сиротою злополучной Мальвины, — движеніе мое было сильно и ужасно! Повелительный гласъ, казалось, вопіялъ слуху моему: вотъ наступило время возвращенія несправедно похищеннаго! вотъ существо, которое рукою Провидѣнія приведено сюда, дабы получить возмездіе несправедливости, учиненной тобою противъ матери ея. Богоповори всемогущую Ручку, ниспосылающую тебѣ средство загладить беззаконіе твое! Повинуюсь, говорила я, подыавъ омоченныя слезами глаза мои и шрепещущія руки къ небу, и

благословляю всемогущее и благое Существо, внявшее преданную мольбу мою! Путь, которымъ видѣла я васъ выходящую изъ церкви, доказывалъ мнѣ, что приходъ вашъ сюда былъ не извѣстенъ. На другой день ожидала я васъ съ нетерпѣливостію, которая становилась истиннымъ мученіемъ, какъ скоро только копя одну минушу полагала себя обманутою въ моемъ ожиданіи. Возвратилась я въ комнату мою, куда вы чрезъ нѣсколько времени вошли, и гдѣ поражены были столь великимъ ужасомъ. Но не меньше былъ и шопъ, которой испытывала я; ибо при слабомъ свѣчѣ дня, освѣщающаго мою комнату, я мнила видѣть самую Мальвину: толь вы сходны съ нею станомъ, поступкой и чертами лица. Увы! да будетъ участь ваша различна отъ ея! Скоро возвратитесь къ вамъ

братѣ вашѣ : естѣли затрепещетѣ онѣ при произнесеніи имени моего, испросите у него прощенье мое, которое и вы дадите мнѣ. —

„Попомки и законныя наслѣдники знамениаго дома ! да будете вы вознаграждены постояннымъ благополучіемъ за нещасія, до сихѣ порѣ вами претерпѣваемыя ! да возмогушѣ сіи нещасія бысть забвенны, или да пребудушѣ они въ памяти вашей только для того, чшобѣ научить васѣ умѣренности въ щасіи и состраданію къ бѣдствіямъ подобныхъ вамъ ! да возмогушѣ добродѣтели присоединиться въ васѣ къ блеску славы вашихъ предковъ, и утвердить вамъ въ будущей жизни вѣчное блаженство ! да будетѣ родъ вашъ непрерывное благополучіе да сопровождаетѣ его ! да промашся имена ваши

въ попомство гласомъ благодарности, и да возбуждѣтъ въ другихъ благородную ревность подражать вамъ!

„Увы! для чего не могу я сооружать подобныхъ желаній для моей несчастной дочери! Но тщетно бы я ихъ произносила: благородныя склонности истреблены въ душѣ ея; удовольствія, дозволяемая добродѣтелию, она считаетъ ни во что; не ищетъ оныхъ, какъ только въ надменности и щещѣ.

„Милыя чада Мальвины! еслибъ вы могли вообразить и почувствовать мученія, которыхъ дочь моя для меня есть источникъ: то бы нашли себя сугубо опмщенными за все то, что заставила я васъ прешерпѣть.

„О Боже! прежде нежели душа моя оставитъ бренное шѣло, дай услышать мнѣ раскаянія дочери моей!

„О вы, юныя и любезныя особы, приближающіяся теперь къ опасному владѣнію великаго божества ! познайте чрезъ мой примѣръ, что худое употребленіе онаго и забвеніе должностей, Провидѣніемъ возлагаемыхъ на нѣхъ, копорымъ предоспавляется оно, даже и въ семъ свѣтѣ встрѣчаютъ праведное наказаніе.

„Твердо рѣшась всею возможностью моею, и всѣми средствами, какія только представятъ мнѣ, загладить несправедливостью мою, я готова, какъ скоро только по-ребована буду доказать моимъ свидѣтельствомъ законное право врученнаго вамъ завѣщанія, да возможете вы немедленно насладитесь выгодою, какія долженствуетъ оно принести вамъ ! Сіе есть горячее и искреннее желаніе той, копорая подписуетъ письмо сіе :

Аннабелла Дунратъ.,,

Г Л А В А 7.

Весьма сильны были движенія Амминшы при семъ чпеніи; но поспешенно утихали оныя, и уступали мѣсто великому соспраданію о несчастной и кающейся Лади Дунратѣ, и удовольствію воображаешь, что она доставивъ брату своему знатное имѣніе. Размышляла потомъ о средствахъ предъ явить находящееся въ рукахъ ея завѣщаніе, а наиболѣе найти такого усерднаго и надежнаго друга, на котораго бы по совѣту Лади Дунратѣ въ семъ важномъ дѣйствіи положиться было можно.

Но гдѣ же сыскать такого друга въ изгнанническомъ состояніи, въ какомъ она находилась? По долговременномъ размышленіи о томъ, предспала уму ея мысль о Рузброкѣ; ибо хопя онъ былъ совершенно посторонній, не почелъ

бы за нескромность пребываніе, свидѣтельствовавшее ему доброе мнѣніе о честности его, къ которой она безъ сомнѣнія великую довѣренность имѣла. Открывъ ему такую шайну, полагала его не только удобнымъ живо почувствовать несправедливость, но еще и способнымъ подать разумные совѣты, и предпринять защищеніе угнѣбленнаго. Въ воображеніи своемъ представляла она его себѣ какъ друга, спряччяго и совѣтника; надѣялась она также, что онъ поможетъ ей отыскать Оскара. Съ восхищеніемъ помышляла она • той минушѣ, въ которую, сыскавъ брата своего, представитъ ему во владѣніе великое богатство; въ которую въ объявляхъ своихъ ощутитъ сердце, участвующее въ благосостояніи ея. Въ одиночествѣ и горести, проходя трудныя спези жизни, и бывъ при-

нуждена безъ всякой помощи про-
пивившись бурѣ бѣдспвія, сколь
сладостно будетъ ей обрѣсти
еще успремленные на нее взоры,
преисполненные нѣжности, слухъ
внимательный къ произношенію
ея голоса, и существо чувстви-
тельное, улаждающее мученія ея,
раздѣляя оныя! Тѣмъ только
однимъ, которые вкушали сладо-
сти жизни дружескаго сообще-
ства, и которые, такъ какъ она,
со всею скорбію печали оплаки-
вали потерю онаго, едва возмож-
но въ точности представить се-
бѣ чувствва, колеблющія сердце
ея. О Оскаръ! о братъ мой!
вскричала она, омочивъ лице сле-
зами: какая будетъ ша сладчай-
шая минуша, въ которую ты мнѣ
возвращенъ будешь! Сколь утѣ-
шительно опъ сего времени по-
мышлять мнѣ, что ты не ста-
нешь болѣе испытывать муче-
нія бѣдности, и что вкусишь

сладости, какія даешѣ благошвореніе содѣлывающимѣ оное! Тогда-по добродѣтели твои окажутся во всемѣ своемѣ сіяніи; составишь чести имени предковѣ твоихѣ, служа достойно твоему отечеству, и разсѣвая блаженство на все окружающее тебя! —

Утро засталъ еще Аминшу въ сихѣ размышленіяхѣ. Открыла она завѣсы окошка, и видяше солнце во всей своей славі блистающее, разсѣкая шуманѣ, покрывавшей долины, и постепенно разстилаемая въ глазахѣ ковры богатой зелени, составляющей пріятную смѣсь съ тѣнію, ниспускающеюся съ высоты горѣ. Прохладный вѣтерокѣ колебалъ верхушки деревѣ, усыпаныхѣ безчисленнымѣ множествомѣ птицѣ, пѣніемѣ своимѣ прославляющихѣ возвращеніе дня, и казалось изъявляли шѣмѣ благодарность къ Великому Творцу свѣта и жизни.

Выраженіе самыхъ сихъ чувствъ невольно вырвалось изъ устъ Аминшы, и она испытывала сладостное и крошкое удовольствіе, какое вкушаетъ богобоязненная и чувствительная душа при видѣ на поляхъ красотъ Природы; попомъ пробовала она взять нѣкоторое успокоеніе, но не раздѣваясь; и дѣйствительно имѣла довольно сладкій сонъ: проснулась около часа завтрака, гораздо освѣжившись и отдохнувъ.

Мистрисъ Брюсъ оказывала имъ величайшее сожалѣніе, разлучаясь съ ними. Она надѣялась, говорила она имъ, что разлучка ихъ будетъ непродолжительна: ибо она весьма была увѣрена въ томъ, что Маркизъ тотчасъ послѣ свадьбы Лади Евфразіи оставитъ Шотландію. Какъ ни старалась Аминша съ бодростию выдерживать сіе напомина-

ніе о бракѣ Евфразіи, сердце ея раздиралось мыслию о помѣ. Оспавляла ее опважность, какую она внушала сама себѣ, помышляя, что нужны ей всѣ силы ея къ начатию споль важнаго дѣла.

Онѣ не прежде оставили Аббатство, какъ послѣ обѣда и напившись чаю. Воображеніе, что скоро увидишь она брапа обладашелемъ сего жилища, доставляла Аминтѣ удовольственную мину; но удовольствіе сіе весьма скоро проходило, когда помышляла она, что прежде сего произшествія Лордъ Морпимеръ будетъ супругъ Евфразіи. Тогда впадала въ глубокую задумчивость, забывала свое положеніе, не мыслила, что она была въ пути, и не замѣчала никакого предмета. Толчокъ въ небольшую рытвину извлекъ ее изъ сей задумчивости, и она краснѣла, рассуждая, что шаковое уныніе дол-

жно подать великія подозрѣнія Мисприссѣ Дунканѣ, которой взоры оказывали, что дѣйствительно опгадала она болѣе половины чувствѣ, занимающихъ молодую собесѣдницу ея. Тутъ начала она съ нѣкоторымъ смущеніемъ входить въ разговоръ, и Мисприссѣ Дунканѣ съ великимъ благопріятствомъ и веселостию поддерживала оной. Коляска была тогда въ концѣ долины, и Аминта выставила голову въ дверцы, дабы бросить послѣдній взглядъ на Аббатство. Солнце уже заходило, но захожденіе онаго воспламенялось еще огнями его, освѣщающими высокія части зданія, и полагающими ихъ въ проливную мрачность, разсѣянной въ долину продолговатыми шѣнями горъ. Предметы сіи и приближеніе ночи довели путешественницъ къ разсужденіямъ и къ мыслямъ, соотвѣтствующимъ

щимъ унылой сценѣ, находящейся предъ глазами ихъ; и такъ остатокъ пути ихъ прошелъ въ молчаніи. Квартира ихъ была при вѣздѣ въ городъ. Миссриссъ Брюсъ имѣла попеченіе доставить имъ туда все нужное для нихъ. Хозяйка приготовила уже имъ ужинъ, которой по приѣздѣ ихъ былъ представленъ. Послѣ ужина Миссриссъ Дунканъ, съ помощію Аминты, уложила дочерей своихъ; прivityкнувши къ нимъ обѣимъ, не любил онѣ принимать поличенія служанки. Аминта и Миссриссъ Дунканъ, не имѣя еще желанія спать, разсудили прогуляться около вала, находящагося близъ ихъ комнашы. Ночь былъ мѣсячная; валъ простирался до долины, лежащей къ морю, и цѣль каменистыхъ горъ, оканчивающихъ оную, была увѣнчана развалинами одного стариннаго замка, копо-

раго зубцы освѣщались луною. Опшуда видѣли онѣ волны, какъ сребристыя покрывала разстилающіяся, и слышали, какъ онѣ о горы разбивались.

Аминша и Мисприсъ Дунканѣ то въ молчаніи наслаждались сей крошкою сценою, то превозносили пріпности оной. Между тѣмъ какъ прогуливались онѣ по сему валу, слышатъ вдали барабанъ, біющій сборъ; и Мисприсъ Дунканѣ, зная ту сторону, сказала Аминшѣ, что шумъ сей происходилъ въ крѣпости ближняго города. Спусти нѣскольکو минушъ, слышатъ онѣ полковую музыку, играющую маршъ, сочиненный Физзаланомъ и похваляемый знашоками.

Многія воспоминанія пришли осаждать Аминшу. Припомнила она время, когда играла сію арію для опца своего, тогда, какъ онѣ сидѣлъ подлѣ нее и ушпремлялъ на нее

взоры, дышущіе нѣжностію и удовольствіемъ. Плакала она при сихъ сладостныхъ воспоминаніяхъ; плакала, слыша тѣ же самыя пѣсни, которыя столь часто возбуждали въ ней чувства радости и удовольствія.

Наконецъ возвратились онѣ, когда были увѣрены, что музыка окончилась на всю ночь.

Аминта, соорудивъ расположеніе свое относительно къ завѣщанію, рѣшилась безъ замедленія онсе исполнить. Часто говорила она Мисприссѣ Дунканъ о прискорбіяхъ своихъ въ разсужденіи брата ея, которыя объявляла она виною задумчивости своей; и рѣшилась сказать ей, что сіе самое заставляло ее сдѣлать путешествіе въ Лондонъ: тамъ поищетъ она средства узнать, гдѣ былъ братъ ея. На другой день поутру увѣдомила она о своемъ намѣре-

ній Мисприссу Дунканъ, которая не только была шѣмъ удивлена, но и очень огорчилась, и всячески старалась отвратить ее отъ того, представляя ей самымъ сильнымъ образомъ опасности столь дальняго путешествія для молодой, неопытной и беззащитной особы.

Аминша во всемъ соглашалась; но говорила ей, что страхъ опасностей и неудобство такого путешествія были меньше для нее тяжостны, нежели мученія, причиняемая ей неизвѣстностію о состояніи брата ея.

Мисприссъ Дунканъ, не могши въ сердцѣ своемъ порицать рѣшеніе Аминшы, убѣждала ее не имѣть пребыванія въ Лондонѣ болѣе, какъ сколько будетъ оно на то нужно, и извѣсняла ей все прискорбіе, чувствуемое ею при сей разлукѣ.

Аминша благодарила ее за еиѣ знаки дружества ; говорила ей, что надѣялась она имѣть возможность еще нѣсколько пріятныхъ дней проводить вмѣстѣ съ нею. Располагалась она до границъ Англіи ѣхать въ наемной коляскѣ, а опшуда взять почтовую повозку. Хозяйкѣ ихъ кварширы надлежало на другой день по упру нанять ей коляску, и Мисприссѣ Дунканѣ препроводила остатокъ дня въ сожалѣніи о приближающейся для нее потерѣ, и въ уговариваніи Аминшы какъ можно скорѣе возвратиться. До минуты сей обѣимъ симъ женщинамъ не извѣстна была сила взаимной ихъ привязанности. Мисприссѣ Дунканѣ предложила Аминтѣ свой кошелекъ съ наубѣдительнѣйшими прозьбами, уговаривая ее располагать имъ, равно какъ бы она ей сестра родная, и брать изъ онаго все, что

могло ей бытъ нужно для столь дальняго путешествія, и для отсутствія, продолженіе котораго было не извѣстно.

Аминта, не любя принимать обязанности такого рода, когда только могла избѣгнуть оныхъ, отказалась воспользоваться симъ предложеніемъ, но свидѣтельствовала ей всю свою признательность за оное, увѣряя при томъ, что все возможное ей принять отъ нее состояло въ должномъ отъ Миссриссы Дунканъ жалованьѣ, о которомъ онѣ условились.

Просила ее Миссриссѣ Дунканъ взять отъ нее письмо къ одному семейству, котораго домъ былъ близокъ отъ того мѣста, гдѣ путешествіе перваго дня надлежало для нее окончиться. Это были, говорила она ей, родственники покойнаго мужа ея, которые непрерывно оказывали ве-

ликую благосклонность ему и ей самой. Она всегда продолжала съ ними переписку до самого того времени, какъ переѣхала въ Аббатство Дунрашъ, откуда она перестала къ нимъ писать, опасаясь, чтобъ не открытъ мѣста своего пребыванія. Но не могла пропустить случая, ей представляющагося чрезъ столь надежную особу, которая можетъ всѣ ихъ вопросы удовольствовать. Прибавила она, что эпо былъ домъ наипріятнѣйшій и самый ласковѣйшій въ свѣтѣ; что они конечно не снесутъ того, чтобъ Аминша въ корчмѣ ночевала, и что они захотятъ удержать ее нѣсколько дней и проводить нѣкоторую часть пути ея.

Аминша, которой состояніе души ея заставляло удаляться отъ незнакомаго ей сообщества, говорила, что она возьмется доставить письмо, но не общается.

сама вручить оное. Благодарила Мисприссу Дунканъ за ея нѣжныя попеченія ; прибавила къ тому , что и вѣ корчмѣ ночевашь одну ночь было для нее непріятною остановкой ; а чтобъ согласилась прервать свой путь на нѣсколько дней вѣ домѣ , назначаемомъ ей Мисприссою Дунканъ , на то уже она никакъ не могла себя принудить.

Мисприссѣ Дунканъ журила ее за склонность къ уединенію ; но не убѣждала ее вѣ семъ случаѣ , и написала свое письмо.

Очень поздно онѣ разошлись , и проспились для того , что коляска должна была весьма рано пріѣхать. Мисприссѣ Дунканъ , сжимая ее вѣ своихъ объятіяхъ , опять умоляла ее поскорѣ возвратиться , объясняя , что ни она , ни маленькія дочери ее не будутъ покойны до ея пріѣзда.

Аминта уѣхала рано по утру. Не могла она воспрепятствовать себѣ, предѣ шѣмъ какъ садилась въ коляску, обратишь взоръ на отдаленный видъ, гдѣ показывали ей большой сосновой лѣсѣ, среди котораго былъ расположенъ замокъ Маркиза Рослина. Угнѣпалось сердце ея, помышляя о происшествіи, которое было, или скоро будетъ въ замкѣ семъ. Поражалъ ее также страхъ, воображая продолжительное и скучное путешествие, и всѣ трудности, какія надлежало побѣждать ей. Увидя поселянъ, радостно возвращающихся къ дневной ихъ работѣ, и приравнивая свое положеніе къ ихъ, находила себя уединенну, оставленну. Сколько бы сладостны были для меня самыя тягоспныя работы ихъ, говорила она сама себѣ, естлибѣ надлежало предаваться онымъ среди семейства и утѣшеній

домашней жизни! Новые страхи
возставали въ душѣ ея. Раз-
брокъ могъ быть въ оплучкѣ
изъ Лондона, или не исполнить
упованій ея; но попомъ укоряла
себя за грустное свое предвѣща-
ніе, которое такимъ образомъ
заспаляло ее спрашивать пѣни-
неизвѣстныхъ несчастій, тогда,
какъ уже и въ самомъ суще-
ствѣ сѣ лишкомъ много оныхъ
испытывала. Пробовала она раз-
влекъ свои унылыя мысли, взи-
рая на предметы, попадающіеся
глазамъ ея, и отчасни успѣ-
вала въ томъ. Было около пяти
часовъ, какъ извоцикъ, остано-
вился у корчмы, гдѣ надлежало
ему проводить ночь; ибо крап-
кость осеннихъ дней не позволяла
продолжать путь, хотя лошади
его и могли бы еще далѣе везти.
Они остановились на постояломъ
дворѣ, въ которомъ Мисприссъ
Дунканъ просила ее взять сп-

дыхъ: это былъ маленькой до-
микъ, чистой и уютной; рас-
положеніе онаго поистиннѣ ро-
маническое: при подошвѣ бугра,
усаженнаго старыми соснами,
въ верху котораго видны были
оспапки древняго монастырскаго
зданія; съ высоты упадалъ
ручей; слышался шумъ его, хопя
онъ, сокрываясь лѣсомъ, изъ подъ
котораго текъ, и не виднѣнъ
былъ до тѣхъ поръ, какъ окру-
живъ домъ, орошалъ излучиною
проспранную долину. Среди до-
лины и между жилищами, коими
она была усѣяна, возвышался
домъ; величина онаго и окружно-
сти возвѣщали жилище богатаго
помѣщика. Аминна просила сво-
его хозяина отдать Г. Маквеэну
письмо, которое вручено ей отъ
Мисприссы Дунканъ. Сказали ей,
что вотъ это было его жилище,
и что онъ главный владѣтель
того великаго помѣстья.

Въ корчмѣ не было иныхъ путешественниковъ, кромѣ Аминшы, и спокойствіе дома, равно какъ и добрый приемъ хозяина и хозяйки, престарѣлой чепы, успокоивало движеніе ея. Умѣренный столъ скоро былъ ей представленъ. Когда оный окончился, и когда оставлена была самой себѣ, тогда всѣ печальныя мысли, которыя во время пути смогла она хотя опчасти удалить, замѣчая предметы, встрѣчающіеся глазамъ ея, во множествѣ тѣснились еще съ большею силою осаждаютъ ее. Книгъ, лѣкарства души огорченной, недоставало ей; не взяла она оныхъ съ собою, и ни одна изъ тѣхъ, которыя нашла она на полочкѣ въ своей комнатѣ, не казалась ей способною занять ея вниманіе, ниже разсѣять уныніе ея. Хотя время и дурно было, но лучше желала она прогуляться, нежели

сидѣть одной, погружаясь въ печальныя свои размышленія ; и такъ, приказавъ къ возвращенію своему приготоовить чай, и пригласивъ хозяйку пить оный съ нею, велѣла проводить себя въ садъ того постоялаго двора, откуда она излучистыми пропинками съ нѣкоторою трудностію взшла на пригорокъ, ибо они весьма утѣснялись негодною правою и кустами. Въперъ былъ холодный, и мрачность вечера умножалась густыми и черными облаками. Знала она, что въ горахъ, видимыхъ въ дали, находился замокъ Рослина ; и съ верхушки пригорка, на которомъ она стояла, взирала на оныя какъ бы другъ, или нѣжно любившая, удалясь въ пустыню, послѣ пошери предмета милаго сердцу ихъ, взирающъ на гробъ, заключающій печальныя оспатки. Забывъ, что прогулкою своею она

имѣла намѣреніе искать разсѣянія , сѣла она на камень , предавшись своему унынію , такимъ образомъ , что не слыхала шаговъ нѣкоторыхъ приближающихся къ ней особъ , и не прежде примѣтила , что ее ищутъ , какъ уже услышала голосъ хозяина своей квартиры , который пронзилъ слухъ ея . Она всматривалась и узнала хозяина постоялаго двора , сопровождаемаго двумя господами , коихъ онъ называлъ ей Миссриссъ и Мисъ Маквеэнъ . Онъ поклонился Аминѣ ; и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій , Миссриссъ Маквеэнъ взяла ее за руку , и съ видомъ , преисполненнымъ доброты и ласковости , звала ее придти къ ней ночевать , увѣряя , что удовольствіе , которое она имѣла получить письмо отъ Миссриссы Дунканъ , весьма увеличивалось тѣмъ , что доставляло ей случай сдѣлать знаком-

ство съ особою , которую Мис-
триссѣ называеиъ другомъ сво-
имъ. Миссѣ Маквезнѣ присоеди-
нилась къ матери, дабы убѣж-
датель Аминшу, и сказывала ей,
что поичасѣ по проченіи пись-
ма пошли онѣ упрашивать ее
прийти съ ними въ ихъ домъ.

Да, сказалъ хозяинъ смѣю-
чись, такъ - то вы, сударыни, у
меня всѣхъ постояльцевъ опни-
маете. Надо будетъ мнѣ пере-
селиться куда нибудь подалѣе
отъ васъ, еспли не захочу при-
йти въ разореніе.

Аминша, будучи увѣрена, что
въ уныніи, въ какомъ она нахо-
дилась, не въ состояніи была
она наслаждаться удовольствіемъ
разговоровъ и общества, нѣ-
сколько времени отговаривалась,
представляя швердое свое рѣше-
ніе, завтра по утру пустииься
въ путь на самомъ разсвѣтѣ.

Мистриссѣ Маквезнѣ говорила ей, что она власпна будетѣ завпра выѣхать такѣ рано, какѣ ей заблагоразсудится, и она и дочь ея повторяли ей свое убѣжденіе съ такимѣ жаромѣ, что Аминша не могла болѣе пропиться. Онѣ проводили ее на поспоялой дворѣ, гдѣ Аминша не долѣе оспанавливалась, какѣ сколько нужно было расплашиться съ хозяиномѣ, и ошдатѣ приказаніе извоцику прѣехать за нею завпра по упру, какѣ скоро только стануть въ домѣ вспаивать; потомѣ она пошла съ госпожами въ ихѣ домѣ, копорой можно было назвать храмомѣ госпепрѣимства. Семейство Маквена состояло изѣ чепырехѣ сыновей и шести дочерей, прошедшихѣ уже младенческія лѣта, и всѣ они соединены были узами дружества, равно какѣ и узами родства.

Господинъ и госпожа Маквезнъ, препроводивъ многіе годы въ Эдмбургъ, для обученія дѣтей своихъ, возвратились въ свою маэпность, гдѣ употребляли великое богатство свое къ наслажденію пріятностями сообщества, и къ дѣланію добра всему, что окружало ихъ. Мисприссъ Маквезнъ увѣдомила Аминпу, что все семейство находилось теперь въ собраніи, для того что сыновья ихъ, которые имѣли должности и промыслы въ различныхъ справахъ государства, поставляли себѣ закономъ, всякую осень посѣщать ихъ. Совсѣмъ уже наступала ночь, когда госпожи пришли домой. Вѣтеръ былъ холодной и пронизательной; и такъ Аминпа весьма обрадовалась, найдя себя въ довольно освѣщенной и теплой комнатѣ; изрядные занавѣсы, плотные ковры, и доброй огонь, дѣлали нечув-

спвишельнымъ вѣтрѣ, съ жестокостію дующій съ горы, и со-спавляли наслажденія сіи гораздо пріятнѣйшими, сравнивая ихъ съ проливностію, какая на шѣтѣ разѣ въ воздухѣ находилась. Въ залѣ были тогда Г. Маквеэнъ, двѣ изъ его дочерей, пять или шесть мужчинъ и женщинъ, которымъ Аминта была представлена. Обрѣтала она въ Г. Маквеэнѣ шѣтѣ благосклонной и доброй видѣ, которой замѣчала она въ его супругѣ. Оба они уже немолоды были, но въ немъ болѣе ощущительна была старость лѣтѣ его; съ недавняго времени онъ сдѣлался шѣлько слабѣ, что не могъ ходити безъ чьей нибудь помощи; но вкусъ его къ сообществу былъ всегда одинаковъ, и въ длинныхъ своихъ креслахъ, имѣя ноги укушанныя фланелью, во всемъ домѣ свсемъ, равно какъ и прежде, поддерживалъ радость,

и всегда съ одинакимъ удовольствіемъ взиралъ на панцы дѣтей своихъ, въ которыя онъ не могъ уже болѣе мѣшаться самъ. Мисприссъ Маквеэнъ по виду своему казалась бытъ только старшею сестрою дочерямъ своимъ, которыя удивительное имѣли между собою сходство; онѣ были велики и спапны, хопя и довольно плотны; пригожи болѣе по пріятной фізіогноміи и живѣйшему цвѣту лица, нежели правильностію чертъ онаго; украшеніе ихъ состояло въ изобиліи темнорусыхъ волосъ, оставленныхъ по волѣ ихъ локонами на плечахъ, а на бѣломъ и гладкомъ челѣ были они завшы и расположены съ пріятною простотою.

Ну, сказала Мисприссъ Маквеэнъ, оборотясь къ одной изъ дочерей своихъ, молодья люди и сестры ваши еще не возврапи-

лись, и я боюсь, чтобъ такая погода не занесла ихъ куда слишкомъ далеко. Едва успѣла она сіе выговорить, какъ уже подъ окнами слышна была многочисленная компанія, смѣющаяся и разговаривающая, и скоро потомъ съ шумною радостію входящая въ домъ. Отворилась дверь залы, и вошла важнаго и благороднаго вида среднихъ лѣтъ женщина, преслѣбуема многими молодыми дѣвицами и молодыми мужчинами.

Но что спалось съ Аминшою! какія испытывала она чувства, когда въ полпѣ сей замѣтила она Лорда Моршимера, и сестру его Лади Араминшу? То, что выразить я никакъ не льщусь и мѣтъ возможность. Вспревожась, и смѣшавшись, обращала на нихъ еще сомнѣвающейся взоръ свой, какъ будто бы надбязь познашь, что види-

мое ею было не что иное, какъ мечта, и отвращалась попомъ, чтобъ не быть зримою, хопя ни коимъ образомъ не могла она ушайть опъ себя того, что не возможно ей было скрышься ихъ. Никогда не находилась она въ споль ужаснѣйшемъ положеніи! Увидѣшь Лорда Морпимера тогда, какъ знала она, что попере-но имъ все къ ней почпеніе; увидѣшь его тогда, какъ готовился онъ соединиться съ другою — это было для нее ужаснымъ мученіемъ, и жесточе самой смерти! Тщетно помышляла она о томъ, что не заслуживала потери его почпенія; не довольно было сего свидѣ-тельствва совѣспи къ возстанс-влению бодрости ея. Казалось, что сердце ея хотѣло распорг-нуться; воздымалась грудь, все тѣло трепетало, и попеременно краснѣла она спыда и охладѣ-

вала отъ ужаса, предвидя, что надлежало ей испытывать безмолвныя и выразительныя укоризны глазъ Моршимера, за всѣ пресупленія, въ которыхъ ложно считалъ онъ ее виновною, и все презрѣніе шепки его (она была женщина, прежде всѣхъ вошедшая въ залу) и сестры его.

Г Л А В А 8.

Съ великимъ прискорбіемъ сожалѣла Аминта о томъ, что позволила извлечь себя изъ ночлега своего, и охотно бы проспала участи своей половину претерпѣнныхъ ею бѣдствій, лишь бы только могла укрыться отъ примѣчанія въ сей залѣ. Вошедшая компанія сначала занималась разговорами съ первыми лицами, представившимися ей.

въ покойкомнатѣ, смѣючись и дѣлая повѣствованіе о своей прогулкѣ, и о малыхъ встрѣпившихся въ оной различныхъ приключеніяхъ, и пребыла нѣсколько времени, не замѣтивъ Аминшу; но скоро, и надмѣру скоро для нее Мисприссѣ Маквеэнъ подошла представити ей дѣшей своихъ вновь пришедшихъ..

Аминша видѣла, что злощасная минута наступала, и не хотѣла самымъ смущеніемъ своимъ предсавити въ иновную предъ глазами тѣхъ, которые могли считать ее таковою. Старалась она сама себя ободрити; подошла къ двумъ самымъ младшимъ дѣвушкамъ, скрываясь за ними отъ взоровъ, кои она наиболѣе встрѣпити испрашила. Не отвѣчала однако же на привѣтствія ихъ, какъ только пріятною улыбкою, и хотѣла опять сѣсть, какъ Мисприссѣ Макве-

эиъ, взявъ ее за руку, подвела къ Лади Маршъ и Лади Араминшъ Дормеръ. Могущъ припамятовать, что первая никогда не видывала Аминшы; и такъ приняла съ благосклоннымъ привѣтствіемъ мнимую Миссъ Дональдъ, которой бы оказааа она только одно холодное презрѣніе, есльибъ познала, что то была Миссъ Фитзаланъ. Дѣйствительно трудно было встрѣпить видъ прогашельнѣе того, какой она имѣла; печальная одежда украшала всѣ ея прятности, нѣжный цвѣтъ лица и прелестныя черты онаго, тогда, какъ печаль, распросертая во всей ея физіогноміи, означала глубокую горестъ, сокровенную во внутренности ея сердца. Большая темноглубыя глаза ея были почти закрыты длинными ресницами; но вырывающіеся изъ за нихъ взоры ея были пре-

исполнены крошечности и чувствительности; прекрасные волосы ея, разсрѣченные движеніемъ повозки и вѣтромъ, которой раздувалъ ихъ во время ея прогулки, составили напуральные локоны, и, прикасаясь къ лицу и шеѣ ея, пріятною небрежностію возвышали прелести вида ея. Взоръ, полученный ею отъ Лади Араминши, былъ весьма различенъ отъ того, какой обращала на нее Лади Марта: глаза молодой Госпожи извѣляли удивленіе, гнѣвъ и презрѣніе; раздраженные и проицательные взгляды ея пронзили сердце Аминши, которая внимала ее повсюряющую съ презрѣніемъ имя Миссы Дональдъ. Ужасно было слуху ея сіе подложное имя, оправдывающее подозрѣнія, коихъ была она предметомъ. Ахъ! на что, говорила, она, допустила я себя до сего пришворства? на что не обв-

явила я своего имени, не взирая на всѣ опасности, каковымъ бы оно меня подвергаться заставляло? Сто кратъ бы то для меня лучше было, нежели принять ложное, обвиняющее меня въ обманѣ предъ тѣми, копорымъ извѣстна я подъ моимъ истиннымъ именемъ. По щастію Аминпы, суматоха, царствующая въ компаниі, и особенное каждого занятіе, препятствовали замѣтить взоры и слова, вырвавшіяся у Лади Араминпы.

Аминпа взяла руку свою изъ рукъ Мисприссы Маквеэнъ, съ намѣреніемъ опять сѣсть на свое мѣсто; но сія госпожа, съ учтивостію, по мнѣнію ея обязательною, но весьма мучительною для бѣдной Аминпы, остановила ее, подзывая Лорда Морпимера и именуя ему Миссу Дональдъ. Аминпа подняла голову, но не поднимая глазъ, и не видала ни-

же слышала Лорда Морпимера. Ужасная для нее минута прошла, и сия мысль принесла ей нѣкоторое облегченіе; но презрительный взоръ Лади Араминты оставался у нее на сердцѣ. Нѣсколько поуспокоясь, искала она ее глазами, и видѣла Мисприссу Маквезнѣ сидящую между ею и Лади Маршою, и Лади Араминту тихо имѣ говорившую. Видѣ и движеніе сихъ госпожъ, и взоры ихъ иногда на нее усмремляющіеся, заставляли ее думать, что она была содержаніемъ ихъ разговора, и что сообщали Мисприссѣ Маквезнѣ истинное о ней повѣствованіе.

Отворопилась она отъ сего зрѣлища, дабы заняться разговоромъ съ однимъ изъ молодыхъ Маквезновъ, которъй, сѣвъ подлѣ нее, началъ съ нею рѣчь, преисполненную разума и живости, ошличающими семейство сіе; но

надмѣру много занята была Аминша своими прискорбіями, дабы предашься постороннимъ, или веселымъ размышленіямъ. Едва знала она, что говорила, и не иначе отвѣчала, какъ только въ короткихъ словахъ. На послѣдокъ гораздо важнѣйшій вопросъ извлекъ ее изъ сей разсѣянности; весьма стыдилась, видя, что молодой человекъ взиралъ на нее съ нѣкоторымъ родомъ удивленія; въ сію минуту пришло ей въ мысль, какой странной видѣ должно ей было представлять въ семъ сообществѣ, если бы не предпримешь какой либо благонадежности и свободы духа. Семейство, въ которое она нечаяннымъ случаемъ введена, за гостепримство ихъ заслуживало съ ея стороны всякое вниманіе и уваженіе. Не безъ причины извинялась жестокою головою болью,

рѣшилась взять нѣкоторую власнь надѣ самой собою.

Молодой Маквезнѣ съ обязательнымъ усердіемъ говорилъ ей, что пойдетъ уведомить мать свою, или которуюнибудь сестру, о ея нездоровьѣ, и общалъ ей сыскать какую либо помощь, могущую подать ей облегченіе; но она убѣдительно просила его ни къ чему не приступать, и увѣряла его, что боль сія ничего не значила, и что она минется сама собою. Усиленно старалась она тогда выдерживать разговоръ, и успѣвала въ томъ, выключая тѣхъ минутъ, въ которыя кроткій и прогательный голосъ Лорда Мортимера прикасался слуху ея, и останавливалъ ее въ срединѣ рѣчи. Но занятіе ея съ молодымъ Маквезномъ было скоро прервано опцомъ; оный говорилъ своему сыну, что онѣ не хотѣлъ

видѣть того, чтобъ еще долѣе онъ одинъ наслаждался бесѣдою Миесы Дональдъ, и что для него очень желательнымъ было, чтобъ она подошла къ нему.

Молодой Маквезъ повиновался; и взявъ Аминшу за руку, подвелъ ее къ отцу своему и посадилъ подлѣ него; съ другой стороны была Лади Марша Дормеръ. Молодой человекъ съ вѣжливостію говорилъ, что онъ еще въ первой разъ съ нѣкоторою неохотою повиновался отцу своему, и что надѣялся онъ за скорую свою покорность быть награжденъ позволеніемъ возобновить опять разговоръ свой съ Миссою Дональдъ. До сихъ поръ Аминта запрещала взорамъ своимъ обѣгать залу; и хотя не могла она воспретить себѣ увидѣть особу Лорда Морпимера, но не видала еще лица его, ниже встрѣчалась съ глазами его, и

продолжала убѣгать оныхъ. Маквезнѣ дѣлалъ Аминтѣ множество вопросовъ о Мисприссѣ Дунканѣ, и Аминта довольно хорошо отвѣчала на нихъ, для того что она къ тому была уже приуготовлена; но вдругъ оставя сей разговоръ, спрашивалъ онъ Аминту, отъ котораго семейства Дональдовъ она происходила? При семъ неожиданномъ вопросѣ сдѣлалась она крайне смущена и встревожена. Ничего не отвѣчала до тѣхъ поръ, какъ Г. Маквезнѣ повторилъ ей оный. Тогда препенущимъ и слабымъ голосомъ, покраснѣвъ до чрезвычайности, и наклонивъ голову на грудь свою, сказала, что она ничего не знала о томъ.

Маквезнѣ нѣсколько минутъ глядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и перемѣнивъ рѣчь, сказалъ ей: я много знавалъ хорошихъ дѣвушекъ, но не

видывалъ ни одной, которая бы, имѣя столь прекрасныя глаза, принимала бы такое, какъ вы, по-печеніе скрывать оныя; надлежишь, чтобъ вамъ извѣстно было, сколь много они могутъ сдѣлать зла, и чтобы единая жалость была дѣйствіемъ того, что вы ихъ не показываете.

Аминта еще болѣе краснѣла, видя, что примѣчали стараніе ея держась популленными глазами свои: подняла она ихъ на Г. Маквезна, которой, сдѣлавъ опѣшѣнъ на одинъ вопросъ Лади Марты, продолжалъ такимъ образомъ: вамъ не извѣстно, отъ котораго колѣна Дональдовъ вы происходите? Можешь быть вы только позабыли о семъ. Но позвольте мнѣ спросить васъ о имени родителя вашего, и на комъ изъ Графсва того онъ женатъ былъ? ибо вообще всѣ Дональды женятся между собою.

Жестокимъ образомъ и весьма живо ощущала Аминта, сколь стягоспно и запруднительно поддерживать обманъ, какая бы побудительная причина ни заспавляла насъ сооружать оный, хотя чистая душа ея не имѣла нужды въ новомъ доказательствѣ о сей истинѣ; отъвратила она глаза отъ Г. Маквезна, и въ сию мину спрѣшила взоры Лорда Морпимера, прошивъ нее сидящаго и со вниманіемъ на нее взирающаго, какъ бы желая замѣшннть, какимъ способомъ извлечь она себя изъ смятенія, въ которое подложное имя сіе повергало ее.

Мисприсъ Маквезнъ смятеніе сіе относила къ скукѣ, причиняемой вопросами Г. Маквезна; извѣсна ей была великая охота онаго занимать розыскиваніемъ родословныхъ. Дабы извлечь Аминту изъ сего положенія,

предложила она паршію въ вистѣ, весьма любимый Г. Маквезномъ, и для котораго столъ и карты были уже подлѣ него приготовлены. Взявъ карты, сказала она Аминтѣ на ухо, иди къ чайному столу.

Не заспавила Аминта въ другой разъ по себѣ повпорять; и во внутренности сердца своего отблагодаривъ Мисприссу Маквезнѣ за то, что столъ къ стапѣ пришла ей на помощь, помѣспилась она подлѣ стола чайнаго, около котораго уже собрались всѣ молодые люди; веселость между ими была споль велика, что спаршая Миссѣ Маквезнѣ, представляющая важнѣйшее лице въ семъ собраніи, щепенно призывала сестрѣ своихъ къ себѣ на помощь. Дала она подлѣ себя мѣсто Аминтѣ; а сія, спараясь найши какое нѣбудь заняшіе, которе бы могло вспомоце.

спбвовать ей скрышь свое смущеніе и избѣгнушь взорѣвъ, которыхъ встрѣчи она ужасалась, предложила ей себя къ раздачѣ кофе. Когда занималась она сею должностію, Миссѣ Маквезнѣ на ухо ей говорила: знаете ли вы, что всѣ мы, сколько насъ здѣсь ѣи есть, въ сумасшествіи отъ Лорда Моршимера? Это прекрасный молодой человекъ, и поступки его столь же милы, какъ и видѣ его. Нѣтъ принужденности ни щеславія, столь свойственнаго молодымъ людямъ, обладающимъ выгодами, какими онъ наслаждается, и одно только свѣденіе, которое имѣемъ мы о его обязательствахъ, препяшствуемъ намъ другъ другу царапать глаза за него. Вы конечно слышали о Леди Евфразіи Суперландѣ, дочери Маркиза Рослина, на которой онъ женился. Онъ и Маркизъ, отецъ ея, недавно здѣсь бы-

ли; никакимъ образомъ она не можетъ сравниться съ Лордомъ Морпимеромъ; но она имѣетъ то, что многихъ удобно заспавить находить ее прекрасною: великое богатство. Они здѣсь оспанавливались только позавтракать, и мы ожидали оспальное сообщество, сего утра прибывшее, и которое согласилось оспаться здѣсь до завтра, дабы доставить нѣкоторое успокоеніе Лади Мартѣ, утрудившейся отъ путешествія. Я очень рада, что вамъ случилось встрѣтиться съ ними: обѣ женщины прелюбезныя, и Лади Араминта столько же пріятна, какъ и братъ ея; но, прибавила она пожавъ руку Аминты, вопѣ нашъ побѣдитель подходитъ. Лордъ Морпимеръ съ нѣкоторымъ трудомъ помѣщался подлѣ сполы. Надлежало Миссѣ Маквезнѣ подвинуться къ Аминтѣ, и доставить Морпиме-

ру стулъ подлѣ себя. Аминта оборотилась тогда къ одной пригожей дѣвушкѣ, съ другой стороны подлѣ нее сидящей, и съ кофорою входила она въ разговоръ; но Миссѣ Маквезнѣ отняла у нее сію оборону, попросивъ ее налить кофе для Лорда Морпимера. Аминта повиновалась, и встала принять чашку, кофорою подала она ему трепещущею рукою. Не могла она прямо взглянуть на него, но видѣла, что не правда была и его рука; замѣшила, что онъ поспавилъ чашку на столъ и имѣлъ потупленные глаза. Слышала она Миссу Маквезнѣ два раза обращающую къ нему рѣчь, не получая ни малѣйшаго отвѣта; а когда и дѣлалъ оный, то столь грубо, что казалось, будто бы имѣлъ видъ вдругъ возбужденнаго отъ сна. Миссѣ Маквезнѣ сдѣлалась тогда столько же, какъ и сестры ея, непопе-

чисельна къ подчиванью чаемъ. Оный кончился, и слышатъ въ ближней комнатѣ скрипку, играющую Аглинскій конпр - дансъ. Музыка всѣхъ привела въ движеніе: молодыя люди выбирали себѣ пары. Молодой Маквезнъ, оказывавшій споль усерднѣйшее попеченіе Аминтѣ, пришелъ просить ее, дозволишь препроводить себя въ танцовальную залу, какъ бы танцованіе было дѣйствіе, свойственное жизни, и отъ котораго она не могла избавишься. Она однако же отговаривалась отъ онаго, и обьясняла, что танцовать не станеть. Нѣсколько времени былъ онъ въ нерѣшимости, продолжать ли ему свои убѣжденія; напоследокъ просилъ ее не оскорблять его такимъ отказомъ.

Мистриссъ Маквезнъ присоединила свои упрощиванія къ шѣмъ, которыя распочалъ сынъ

ея. Аминта извинялась болью головы своей.

Попробуйте хотя одинъ конпр - дансѣ, любезная моя Миссѣ! сказала ей Мистриссѣ Маквезнѣ; дочери мои увѣряютъ, что это есть наилучшее лѣкарство опѣ всякихъ болѣзней. Тягостно было Аминтѣ дѣлать отказѣ; но едва имѣя возможность стоятъ на ногахѣ, была она ни какѣ не вѣ состояніи танцовать. А хотя бы и имѣла на то силы, по не могла бы снести и мысли той, что опѣ вѣ танцованіи приближись къ Лорду Моркимеру, котораго взоры прудно бы было выдержатъ ей вѣ жестокомѣ ея движеніи. Тогда, какѣ она пропавилась, одна изѣ Миссѣ Маквезновѣ прибѣжала вѣ комнату. Что же вы, брашецѣ, тутѣ дѣлаетѣ? вскричала она; подите сюда, и ушла.

На что же вамъ долбе для меня оспанавливаться? сказала Аминша молодому Маквеэну. Сей, находя ее неупрессимою, пошелъ искать другую пару.

Мисприссѣ Маквеэнѣ предложила тогда Аминшѣ идти въ танцевальную залу, гдѣ она можетъ позабавиться смотрѣніемъ, не упомивъ себя. Аминша охотно бы желала и отъ того избавиться; но считала себя обязанною уступить ей. Лордъ Морпимеръ только окончилъ конгр-дансъ, и стоялъ подлѣ двери въ задумчивомъ положеніи. Въ минузу, когда увидѣлъ онъ вошедшую Аминшу, подошелъ къ танцовщицѣ и началъ съ нею весьма веселый разговоръ. Аминша сѣла подлѣ Мисприссы Маквеэнѣ, рассказы которой нечувствительно отвлекли ее отъ печальныхъ ея размышленій. Когда Аминша обьясняла ей удовольствие, ощущаемое чувстви-

тельною душою при видѣ домашняго благополучія, такого, какъ то, какимъ наслаждалась Миссриссѣ Маквезнѣ. Госпожа сія сказала ей: весьма обязана я благодарить Небо за благополучіе, о которомъ вы мнѣ говорите; вы меня видите теперь во время величайшаго для насъ удовольствія, для того что сыновья мои съ нами; да и никогда не бываемъ мы печальны. Лѣто для насъ восхитительно, а и зимою также скуки не знаемъ. Мы любимъ забавы, а не разсѣяніе; утро предославляемъ мы полезнымъ упражненіямъ, а вечеръ нашимъ удовольствіямъ. Все управленіе дома и хозяйство въ рукахъ дочерей моихъ, и онѣ же сами и наряды свои составляютъ. Съ помощію ласковыхъ нашихъ сосѣдей, съ которыми мы сообщаемся, находимъ себя въ состояніи забавы наши дѣ-

лашь весьма разнообразными. Танцованіе, концерты, комедіи, одно другому преслѣдуетъ. Дѣши мои, пому два года назадъ, представляли Винперъ - Стала; бѣдный отецъ ихъ не былъ еще тогда въ семъ мучительномъ состояніи, въ какомъ вы его видите; шупъ она вздохнувъ, на минушу оспановилась, и продолжала по томъ: лѣша влекутъ немощи; но должна я величайшею благодарностію. Провидѣнію, избавившему меня отъ бѣдспвій, каковымъ подвержено еспество человѣческое, и недопустившему меня возчувспвовать, какъ тѣ только, копорья время приносипр съ собою. Г. Маквезнъ имѣлъ тогда еще всю свою живоспъ; онъ представлялъ лице Авволикуса, а я Павлинъ. Вмѣшиваясь такимъ образомъ въ заавы нашихъ дѣшей, мы присоединили къ любви и почтенію

ихъ къ намъ довѣренность и приверженность. Не полнымъ кажется имъ удовольствіе ихъ, когда мы онаго съ ними не раздѣляемъ. Они занимающся теперь приуготовленіемъ новой пьесы. Въ такихъ случаяхъ старшій сынъ мой бываетъ всегда главнымъ учредителемъ дѣйствующихъ лицъ; другой составляетъ декорации, а тотъ, который просилъ васъ танцовать, опредѣляется суфлеромъ. Тутъ разговоръ сей, занимающій Амниту, былъ прерванъ; пришли сказать Миссисъ Маквэнъ, что робертъ оконченъ, и надобны каршы.

Я постараюсь какъ можно поскорѣе къ вамъ возвратиться, сказала Миссисъ Маквэнъ, оставляя комнату. Если бы Амнита не спрашивалась взоромъ Ладди Марны сколько же, какъ и тѣхъ, которые обращали на нее

Лордъ Морпимеръ и Лади Аминта, по послѣдовала бы въ залу за Мисприссою Маквезнъ ; и для того - шо оставалась она тамъ, гдѣ была, и прошло нѣсколько времени такъ, что не примѣтили ее находящуюся одну. Миссѣ Маквезнъ подошла къ ней и сказала : вы одни, и весьма невеселы ; попробуйте пропанцовать одинъ конпр - дансѣ : вотъ очень хорошѣ толѣ, копорой теперь играють.

Аминта снова отказалась отъ сего убѣжденія, и Миссѣ Маквезнъ, позванная опять на свое мѣсто, еще одну ее оставила. Она приходила однако же довольно часто поговорить съ Аминтою, всякой разѣ, какъ только могла оставить панцы. На послѣдокъ и Лордъ Морпимеръ сопровождалъ ее. Когда онъ приближался, глаза Аминты попушились. Вы насѣ безпресшанно

оставляете, сказалъ онъ Миссѣ Маквезнѣ, и не думаете ли вы, чтобъ я могъ простить вамъ частыя оплочки ваши?

О! сказала Миссѣ Маквезнѣ, Миссѣ Дональдѣ такъ оставлена!

Вотъ посмотрите, съ живою прервалъ онъ, сестрица ваша дѣлаетъ вамъ знакъ поскорѣе возвратиться; позвольте, чтобъ я васъ проводилъ.

Аминта глядѣла на нихъ, когда они отъ нее удалялись, и примѣтила, что Морпимеръ оглядывался; но въ то же мгновеніе, когда увидѣлъ, что она примѣчала, пересталъ глядѣть на нее. Какъ скоро окончился концертъ, Миссѣ Маквезнѣ возвратилась къ Аминтѣ съ цѣпошками изъ бразильскихъ своихъ и сестеръ. Подали множество винъ, пирожнаго, горячаго, лимонада, и скрипка замѣнилась волынкою Шотландскихъ горъ, на

которой игралъ старой слуга дома, одѣтый въ бѣлое горское платье; къ великому удовольствію соопчичей его и собственному своему, наигрывалъ онъ плясовую Шотландскую пѣсню. Волынка пошчасъ заставила вступить въ танцы двухъ Миссъ Маквезнъ и двухъ молодыхъ людей изъ ихъ сообщества, что и продолжали они до тѣхъ поръ, какъ учинивость принудила ихъ заставить играть другой танецъ, къ которому бы и вся оспальная компанія могла соединиться. Сей танецъ также весьма долго продолжался; во время отдыха молодые Маквезны всякаго рода вниманія оказывали Аминтѣ; и послѣ похвалы, которую она дѣлала Шотландской музыкѣ, спрашивали они ее, какія пѣсни болѣе ей нравились? и заставляли ихъ играть. Но всѣ сіи привѣщанія, ни

танцы, ни музыка, ни живоспѣе разговора, не могли расторгнуть ея унынія, ниже усладить горести сердца ея.

Возвращеніе Мистриссы Маквезнѣ прекратило танцы; она хотѣла, чтобъ передъ ужиномъ молодыя люди взяли нѣкоторое отдохновеніе. Извинялась она предъ Аминшою въ томъ, что не возвратилась къ ней, сказавъ ей, что Лади Марта остановила ее разговоромъ, котораго она никакъ прервать не могла. Наконецъ доложили объ ужинѣ. Г. Маквезнѣ въ креслахъ своихъ поднесенъ былъ къ столу; Лади Марта сіла у него по правую руку, а Аминша находилась между Лордомъ Морпимеромъ и сыномъ Маквезна, оказывавшимъ ей наусердныя попеченія; по другую сторону Лорда Морпимера Миссѣ Маквезнѣ. А м и н ш а , разговаривая

съ братомъ Миссы Маквезнъ, могла такимъ образомъ избѣ-
жашь того, чтобъ говорить съ
Лордомъ Морпимеромъ, кото-
рой съ своей стороны для тако-
вой же причины занимался Мис-
сою Маквезнъ. Охота того упра-
изрядною дичиною снабдила столъ:
въ ономъ означалось изобиліе и
хорошій вкусъ; веселость цар-
ствовала въ духѣ каждого, и едва
ли находился такой господинъ, ко-
торой бы не сказалъ чего ни-
будь забавнаго. Въ продолженіе
ужина Лордъ Морпимеръ былъ
обязанъ, по примѣру прочихъ,
выпить за здоровье Амишпы. Бу-
дучи принужденною обратиться на
него глаза, сжалось сердце ея, ко-
гда встрѣшила выразительный
взглядъ его въ ту минуту, какъ
произнесъ имя Миссы Дональдъ.
Не помнила она точно, отвѣчала
ли, какъ водится, на привѣтствіе
его; оборотилась къ молодому

Маквезу, и относила къ нему нѣкоторые вопросы, которые онъ едва могъ понимать. На послѣдокъ дошло дѣло до пѣсенъ и до пипья здоровья оплично почитаемыхъ особъ. Г. Маквезъ, отецъ, подалъ примѣръ Шотландскою пѣснею, и приглашалъ своего ближайшаго сосѣда ему послѣдовать; между пѣсенъ подавали каждому пипь за здоровье наиболее имъ уважаемой особы; наконецъ дошла очередь до Лорда Морпимера. Аминша переспала разговаривать съ молодымъ Маквезомъ. Ви дѣла она рюмку Лорда Морпимера наполненную, и въ ту же минуту слышавъ, что произноситъ онъ имя Лади Евфразіи Суперландъ. Чувство оскорбленнаго самолюбія объяло душу Аминшы, и покраснѣвъ, она не пошупляла болѣе глазъ и головы, какъ по прежде много разъ дѣлала; замѣшила она, что

взоры Лади Маршы и Лади Араминпы съ великимъ вниманіемъ были на нее устремлены. Онѣ желали можеть быть, говорила она сама въ себѣ, видѣть въ глазахъ моихъ униженіе и печаль обманутой надежды; но не будучь наслаждаться онѣ сею побѣдою, естли дѣйствительно способны онѣ увеселяться оною.

Какъ дошла до нее очередь, то и она была убѣждаема пѣть. Нѣсколько времени она опѣ того опговаривалась; но Г. Маквеэнъ сказалъ, что иначе не могутъ быть приняты ея опговорки, какъ развѣ только она увѣритъ ихъ, что совсѣмъ не умѣетъ пѣть. Увѣренія сего она не могла дать, не оскорбивъ истинны. Къ тому же опнюдь не хотѣла быть неблагодарною прошивъ столь благосклонныхъ хозяевъ, ниже среди всеобщей веселости показаться угрюмою, опказавъ испол-

нишь малость, угодную всему обществу. Тайное чувство гордости побуждало ее также оказать нѣкую опличность предъ замѣчающими ее съ великимъ вниманіемъ. И такъ послѣ нѣкошорой нерѣшимости, она начала простую и прогашельную арію, кошорую весьма любилъ отецъ ея, и кошорую она часто Лорду Морпимеру пѣвала. Арія сія особенно приличествовала ея голосу; ибо замѣчательное онаго свойство было выражать кротость и чувствительность. Она была еще въ половинѣ перваго куплета, какъ голосъ ея ослабѣлъ и сдѣлался пренещущимъ. Внимание всего сообщества удвоилось, но сіе было бесполезно; ибо голосъ пѣвицы совсѣмъ угасъ. Мистриссъ Маквезнъ съ нѣжнымъ попеченіемъ опасаясь умножить смущеніе Аминты, съ лишкомъ много оное примѣчая, сдѣ-

лала знакъ всей компаніи, чтобъ взяли глубокое молчаніе. Глаза Аминты потупились; подавали ей стаканъ воды весьма не швердою рукою: она была самого Лорда Моршимера. Она сдѣлала видъ, что не имѣла въ ней надобности. Молодая Макеевъ говоривъ ей на ухо, убѣждала ее окончить свою пѣсню. Размышляла она, что сочли бы за нѣкоторое прищворство, еслибъ стала ожидать, чтобъ опять ее упрашивали; и улыбувшись сама своему смятенію, начала продолжать свою арію, и пѣла съ такимъ вкусомъ и столь прогательнымъ пономъ, что голосъ ея, казалось, приносилъ внимательному уху впечатлѣніе, подобное тому, какое производитъ надъ обоняніемъ благоуханный воздухъ, прошедшій чрезъ гряду фіалокъ.

Полученныя ею похвалы украсили щеки ея блѣднымъ румянцемъ. Ей надлежало просить другаго гостя пѣшь, и очередь на то была Лорда Моршимера. Три раза повторили ей вызвать его къ тому, прежде нежели могла она на то рѣшиться. На послѣдокъ, поднявъ на него глаза, увѣдомила его о томъ, и видѣла на лицѣ его смятеніе, равное съ шѣмъ, которое она испытывала. Попеременно блѣднѣя и краснѣя, казалось, что онъ изыскивалъ и призывалъ свой голосъ, не имѣя возможности найти ни одного тона. Губы его шевелились, но не могъ выговорить ни одного слова; и дѣлая видъ, будто полагаеиъ, что извиненіе его было внятно, началъ говорить съ соудкой своей Миссою Маквезъ.

Извольте-ка начинать, Милордъ, сказалъ Г. Маквезъ; мы

не можемъ избавить васъ отъ плашежа вашей дани.

Лордъ Морпимеръ сначала пробовалъ защищаться шуткою; но какъ старой дворянинъ сильно упорствовалъ, то онъ пошчасъ взялъ важный видъ, и объяснялъ, что воистинну ему никакъ не возможно было пѣшь въ сию минушу. Тогда перестали его убѣждать. Въ продолженіи питья за здоровье особенно уважаемыхъ особъ, не забыли принудить и Аминшу представить оную. Какъ она съ великимъ вниманіемъ слушала имя, которое представилъ Лордъ Морпимеръ, такъ и онъ въ свою очередь съ прискорбіемъ ожидалъ, какое будетъ предложено ею. Она съ минушу колебалась, и именовала Сира Карла Бингеля. По окончаніи сего поздравленія, Миссъ Маквезнъ оборотясь къ Аминтѣ, сказала ей: Сиръ Карлъ Бинглей?

О! я очень его помню. Около двухъ лѣтъ назадъ, полкъ его квартировалъ у насъ въ сосѣдствѣ, и весьма мнѣ памятно, какъ онъ, будучи однажды на охотѣ съ своими поварищами, прѣзжалъ сюда ночевать; мы танцевали во весь вечеръ, и находили его прелюбезнымъ человекомъ. Вы его очень знаете?

И да и нѣтъ, отвѣчала Аминта.

Ахъ! вскричала Миссъ Маквезъ, я думаю, что вы лукавите. Скажите пожалуйста, Милордъ, не измѣняетъ ли ей румянецъ лица ея?

Не всегда должно судить по лицу, сказалъ Морпимеръ, бросивъ на Аминту проницательный взоръ, которой тотчасъ отвратилъ; опытъ доказываетъ, что сіе средство не всегда бываетъ вѣрно. Аминта вслупила въ разговоръ съ молодымъ Маквезомъ,

дабы заставить думать, что она не вслушалась въ рѣчь Лорда Моршимера, которая прямо къ ней относилась, и которая служила исключеніемъ частаго ей отъ него повторенія о томъ, что на чертахъ лица человѣческаго непременно выражается движеніе сердца его.

Миссъ Маквеэнъ утверждала, что правило сіе было неоспоримо, и самое вѣрное средство, и что она всегда при первомъ взглядѣ основывала мнѣніе свое о свойствахъ людей.

Не долго спустя послѣ ужина, вся компанія разошлась, и гораздо ранѣе обыкновеннаго, для спокойствія путешественниковъ. Когда всѣ гости оставили залу, тогда появилось нѣсколько служанокъ для препровожденія госпожь по ихъ комнатамъ. Миссрисъ Маквеэнъ остановила Аминту, дабы постараться убѣдить

ее препроводить съ ними два или три дни, и дочери также упрасивали ее о томъ. Но Аминта, съ великою чувствви пельвесснїю отблагодаривъ ихъ за обязательное привѣщствїе, говорила имъ, что поиспиннѣ не возможно ей было склониться на сильныя прозѣбы ихъ. Ну, добро, сказалъ отецъ Маквезнѣ, взявъ ее за руку: естѣли вы не хотите завтра опасаться съ нами, то по крайности по возвращенїи вашемъ вы намъ по вознагражденїю; а когда не такъ, то прикажу остановить васъ на дорогѣ. Но во ожиданїи сего, не хочу перясть право, доставляемое лѣтми женашему спарикку; и говоря такимъ образомъ, тихонько наклонивъ ее къ себѣ, и поцѣловалъ въ щеку. Она усмѣхнулась сей незинной свободности, и усиливалась взять отъ него свою руку. Теперь, сказалъ отецъ, и съ по-

дагрою мсею я нахожусь предметомъ зависти всѣхъ сихъ молодыхъ людей. Дѣти его присоединили множество привѣтствій къ тѣмъ, которыя распочалъ отецъ ихъ. Лордъ Морпимеръ одинъ хранилъ молчаніе, положивъ голову на свою руку, локтемъ которой оперся на поверхности камина. Волосы его, находящіяся въ беспорядкѣ, наиболѣе дѣлали примѣчательными блѣдность и уныніе его. Тщательно одинъ изъ молодыхъ Маквезновъ въ первой разѣ обратился къ нему рѣчь; онъ ничего не отвѣчалъ на оную. При повторенномъ вопросѣ, онъ вдругъ вышелъ изъ своей задумчивости, и приносилъ нѣкоторыя извиненія о своей разсѣянности.

Милордъ! смѣючись сказалъ ему Маквезнъ отецъ: мы есѣ очень отгадываемъ спрану, куда переноситъ васъ воображеніе.

ваше. Не за сими ли горами оная находишся? Знаемъ мы, гдѣ со-кровище ваше, слѣдственно тамъ и сердце ваше.

Вы то знаете, сказалъ Лордъ Моршимеръ съ глубокимъ вздохомъ, и съ такимъ видомъ и тономъ, которые могли бы заспа-вить подумавъ, что не съ лиш-комъ много онъ свѣдуецъ былъ о сказанномъ имъ. Наконецъ онъ нѣсколько поправился, и самъ надъ собою шупилъ, желая защи-пить себя отъ шутокъ, на него обращаемыхъ. Чрезмѣрно пыгосп-на была сцена сія для Аминшы. На послѣдокъ возвратила она ру-ку свою изъ рукъ Г. Маквезна; и пожелавъ всѣмъ доброй ночи, слѣдовала за служанкой, которая въ коридорѣ ожидала ее. Оною проведена была до назначенной ей комнаты. Она выслала ее вонъ, и бросилась въ кресла. На-мѣревалась воспользоваться уеди-

неніемъ, дабы дать свободное теченіе слезамъ своимъ, какъ вдругъ слышитъ легкой стукъ у дверей; и полагая, что то была одна изъ Миссъ Маквезнъ, ошерла глаза свои и пошла отворить дверь. Нашла она комнатную дѣвушку, которая почтительнымъ образомъ говоря ей, объясняла, что госпожа ея, Леди Марша Дормеръ, желала на минуточку увидѣться съ нею. Увидѣться со мною? сказала, Амивпа съ чрезвычайнымъ удивленіемъ. Возможно ли это? но поначасъ остановила она выраженія смятенія, таковою нечаянностію произведеннаго, и сказала, что она готова идти къ Милади. Преслѣдовала она сію посланницу, будучи осаждаема тѣмъ разнообразныхъ мыслей. Ввели ее въ комнату, гдѣ нашла она Лорда Морпимера, расхаживающаго большими шагами, и казался бытъ въ величайшемъ

смущеніи. Онъ былъ спиною къ дверямъ; какъ скоро она вошла, онъ оборотился, посмотрѣлъ на нее съ минутою, и поднявъ руку свою ко лбу, пошелъ сѣсть въ уголъ комнаты.

Лади Марта, сидящая въ другой сторонѣ комнаты, довольнымъ сочла сдѣлать Аминтѣ привѣтствіе головою, и просила ее сѣсть. Съ радостію повиновалась Аминта, потому что она едва на ногахъ могла держаться.

Но нѣкопоромъ молчаніи, Лади Марта съ великою важностію сказала ей: Государыня моя! я бы никакъ не воизвѣтила смѣлостъ послать просить васъ придти ко мнѣ въ такую часъ, естлибъ не полагага, что минута сія доставляетъ мнѣ благоприятный случай, которой не легко можетъ встрѣтиться опять, дабы поговорить съ вами о томъ, въ чемъ живѣйшее беру участіе.

Прошедшее лѣто, продолжала Лади Марша помолчавъ нѣсколько, вы получили отъ Лорда Морпимера нѣкоторыя малые подарки. Произшествія, случившіяся послѣ сего времени, обязываютъ думать, что они для васъ не составляютъ никакой важности; а шѣ, которыя готовялись наступить, учиняшъ ихъ полезными въ другомъ мѣстѣ. Тутъ она замолчала, и Аминта не сдѣлала никакого отвѣта.

Безъ сомнѣнія вы не безвѣстны, прибавила Лади Марша, голосомъ гораздо суровѣйшимъ, какъ будто бы оскорбась молчаніемъ Аминты, что я хочу сказать о перстнѣ и о поршрешѣ, полученныхъ вами отъ Лорда Морпимера. Перстень заключаетъ въ себѣ фамильный драгоценный камень: испари уже онъ назначенъ мною супругу Лорда Морпимера; и такъ

именемъ моимъ пребую его отъ васъ. Что касается до поршрета, то испросить оный уполномо-чилъ меня самъ Лордъ Моршимеръ, кошорый, дабы увѣришь васъ, что сіе точно было его на-мѣреніе, взялъ на себя бышь при семъ разговорѣ, ешьли дѣй-ствительно присутствіе его нуж-но было для опнятія у васъ со-мнѣнія.

Нѣтъ, Государыня моя ! сіе средство никакъ не было нужно, вскричала Аминта ; я бы Не могла окончить рѣчи своей, бывъ о б ъ я та тьмою мятежныхъ чувствъ.

Ешьли вы не можете воз-вратить мнѣ ихъ въ сей часъ, то я дамъ вамъ записку , куда доставить ихъ въ Лондонъ ; по-тому что Миссприссъ Маквезнъ сказывала мнѣ, что вы туда ѣдете.

Ни что не препятствуетъ, государыня моя, тому, чтобъ я вамъ пошчасъ отдала ихъ, прервала Амниста, возвративъ себѣ нѣкоторую отважность, будучи ободрена чистою совѣстію и чувствомъ оскорбленнаго честолюбія. Я возвращусь въ мою комнату, сказала она, подходя къ двери, и принесу вамъ ихъ.

Порпретъ былъ повѣшенъ у нее на шеѣ и сокрытъ на груди ея, а перстень въ своемъ футлярѣ лежалъ у нее въ карманѣ. Образъ, каковымъ были отъ нее и тотъ и другой пребуемы, причиняя ей мучительныя прискорбія, заставлялъ ее находить нѣкоторое удовольствіе въ томъ, чтобъ имѣть возможность пошчасъ возвратить имъ оныя. Однако же пришедъ въ свою комнату, какъ скоро сняла съ шеи порпретъ, дабы положить оный въ его коробочку,

жесткокая печаль взяла верхъ надъ всѣми прочими ея чувствами, и источникъ слезъ потекъ изъ глазъ ея. О Морпимеръ! любезный Морпимеръ! и такъ я должна разлучиться даже и съ изображеніемъ твоимъ! Не могу сохранить никакихъ слѣдовъ твоихъ блаженныхъ минутъ, которыя мы препроводили вмѣстѣ! Но на что сія приверженность къ портрету, когда уже болѣе не обладаю подлинникомъ? и когда естъли и увижу опять Лорда Морпимера, то конечно найду его супругомъ Лади Евфразии.

Помышляла она однако же, что время прошекало; утерла слезы и старалась успокоить движеніе свое. Призывала себѣ на помощь свое честолюбіе, которое дѣйствительно придавало ей нѣкоторую бодрость, и возвращалась къ Лади Маршѣ, рѣ-

шившись не показывать ей, ешь-ли по возможно было, никакой слабости.

Никогда можетъ быть не казалась она столь прогашельною, какъ въ ту мину, когда вошла къ Лади Марпѣ: щеки ея были покрыты румянцемъ, и слѣды слезъ, не давно оныя омочавшихъ, означались какъ бы капли росы на розовыхъ листьяхъ, прежде нежели солнце осушило оныя. Орошенные глаза имѣли еще живѣйшій блескъ; волосы ея, оставленные собственной ихъ волѣ, ибо, входя въ свою комнату, она сбросила съ себя шляпу, во всемъ изобиліи ихъ развѣваясь около ея, возвышали красоту лица и ловкость стана.

Вотъ, Милади, вошедъ сказала она, перспень! и не могла примолвить: и портретъ, хотя она въ то же время и его подавала; ибо недоставало ей голоса,

и слеза вырвалась изъ глазъ ея. Рѣшилась скрыть, естльи по было возможно, колеблющія ея чувства; она спѣшила удалить отъ себя сей залогъ, столь драгоценный, и Лади Марша прешагивала руку для принятія онаго, какъ Лордъ Моршимеръ, вдругъ вскочивъ съ своего стула, на которой онъ прежде бросился, схватилъ его изъ прещущей руки Аминшы, доспалъ изъ ларчика, и бросивъ его на полъ, попиралъ своими ногами, вскричавъ: да погибнутъ такъ всѣ воспоминанія моей привязанности къ Аминшѣ! О несчастная дѣвица! прибавилъ онъ, со спраштію взявъ ея руку и потчасъ оную покинувъ: вы сами, равно какъ и я, погибли! и въ ту же минушу вышелъ онъ изъ комнаты. Аминша, ужаснувшись сего движенія и словъ, сопровождающихъ оное, едва успѣла только бро-

сидеть въ креслы ; ибо не могла она болѣе стоять на ногахъ. Лади Марша , какъ бы громовою стрѣлою пораженная , пребывала неподвижна до тѣхъ поръ , какъ была призываема болѣзненнымъ воплемъ Аминшы. Подошла къ ней, лоделованомъ терла ей виски, и подавала ей воды спаканъ. Попеченія сіи оживотворили Аминшу ; много также облегчили ее и слезы : хотѣла она подняться съ креселъ , на юпорыя бросилась , но не находила себя еще въ состояніи стоять на ногахъ.

Бѣдная молодая дѣвица ! сказала ей Лади Марша : вы мнѣ величайшее состраданіе внушаете. Ахъ ! если бы душа ваша сходствовала съ видомъ вашимъ , сколь бы совершенное были вы пвореніе , и сколь бы мой бѣдный Моршимеръ былъ съ вами щасливъ !

Сія-по минуша была самымъ жесточайшимъ испытаніемъ для добродѣтели Амны! Опчаянная мыслію, что пребудетъ погибшею во мнѣніи столь страстно ею любимыхъ особъ, или которыхъ она столь высоко почитала, знала она, что могла въ одно мгновеніе и чрезъ нѣсколько словъ въ пользу свою извяснить наружности, подвергавшія ее потерѣ ихъ уваженія, и совершенно возвратити приверженность Мортимера, и покровительство и дружбу почтенной шешки, и любезной сестры его. Голова ея лежала у нее на рукѣ; тягость оной нѣсколько миновалась, и она вскричала: о невинности моей я могу дать шакія доказательства . . . Тутъ она вдругъ остановилась; сомкнулись уста ея, смертная блѣдность распросперлась по всему ея лицу. Мысль о самоубійствѣ предшавилась ей во всемъ сво-

емъ ужасъ ; она мнила слышать вновь жестокія и порожественныя угрозы, учиненныя ей Лордомъ Шербюри, не пережить стыда, познавъ тайну свою открытою, и обѣщаніе, данное ею, не нарушимо хранить оную. Она зрѣла себя на краю бездны, въ которую готова была повергнуться. Увлекая въ свое паденіе швореніе себѣ подобное, споспѣшествовала бы смерти онаго, и за злодѣяніе его могла бы осуждена быть предъ престоломъ самого Бога. Наконецъ спрашивала она сама у себя: не уже ли нарушеніемъ обѣщанія своего намѣреваюсь я возвратить уваженіе Лорда Моршимера и родныхъ его? Ахъ! обманчивъ путь сей. И положимъ, что таковымъ преступленіемъ даннаго слова могла бы я возстановить себѣ въ умъ ихъ, но что же мнѣ въ почтеніи ихъ, когда лишусь она-

го опѣ собственнаго своего сердца? О! нѣтъ, сказала она сама себѣ, поднявъ глаза къ небу; нѣтъ, никогда не присоединю укоризнѣ совѣспи къ прочимъ спраданіямъ моимъ. Даю въ томъ обѣщаніе Небу; никогда позорнымъ и самопроизвольнымъ дѣйствіемъ не заслужу моихъ несчастій. Прости, о Боже мой! слабому творенію, осажденному столь сильнымъ искушеніемъ, въ томъ, что на одну минуточку поколебалось оспашься на спези справедливости и вѣрности къ своимъ обѣщаніямъ, на той единой, которая можетъ довести насъ къ жилищу, гдѣ миръ и вѣчное блаженство будутъ удѣломъ добродѣтели. —

Аминь, среди сихъ великихъ движеній, забывала, что она была примѣчаема, и не иначе помышляла, какъ будто бы была она предъ очами Всемогу-

щаго Существа, отъ Котораго испрашивала прощенія въ слабости своей, и припомъ силы, послѣдовать гласу добродѣтели. Лади Марта въ молчаній замѣчала всѣ ея движенія; но бывъ столь худо предупреждена прошивъ Аминты, полагала видѣть только выраженіе угрызеній ея о прошедшемъ поведеніи, возбужденныхъ лишеніемъ и жертвами отъ нее пребуемыми.

Когда увидѣла она Аминту въ состояніи внимать ея, сказала ей: очень огорчаюсь я вашими мученіями; не спану повторять вамъ, что съ удовольствіемъ ихъ вижу дѣйствіемъ раскаянія вашего о прошедшихъ вашихъ погрѣшностяхъ; такое раскаяніе изглаждаетъ ихъ, и весьма грубое надлежитъ имѣть сердце, чтобъ не пронуться состраданіемъ, и не расположишься къ снисхожденію при видѣ

оказываемыхъ вами угрызений. При сихъ словахъ Аминта съ отважностію устремила взоръ на Лади Маршу, и щеки ея воспріяли опять живость свою.

Моженъ быть, сказала Лади Марша, примѣчая сей румянецъ и опиося оный къ негодованію Аминты, говорю я вамъ слишкомъ свободно; но я не умѣю лукавить. Порадовалась я услыша, что вы расположились съ Мистриссою Дунканъ; но удовольствіе сіе разрушилось, когда сказали мнѣ, что вы ѣдете въ Лондонъ для того, чтобъ узнать, гдѣ находится братъ вашъ. Ежели сія есть дѣйствительно побудительная причина вашего путешествія, вы бы могли найти средства для сего изысканія, не дѣлая поступка столь неблагоприятнаго.

Неблагоприятнаго! повтори-
ла Аминта.

Такъ, сказала Лади Марта; таковое пупешествіе имбѣпль-множество опасностей, копорыхъ съ нѣкопорою нѣжностію, молодой, и, должна я прибавить, пригожей особѣ надлежало бы ужасаться. Естли вы точно для опысканія брата своего ѣдете, то когда имбѣпль онъ къ вамъ должное дружество, конечно ему пріяпнѣе будетъ, чтобъ вы о немъ не забошились, нежели бы, преслѣдуя за нимъ, подвергали себя поруганіямъ всякаго рода. Нѣпль такоого обспоятельствва вѣжизни, копорое бы долженствовало насъ понудить къ нарушенію законовъ благопристойности и благоразумія. Далекот отъ благочестія, чтобъ надѣяться произвестъ добро, дѣлая худо; и весьма глупо хотѣшь обрѣсти удовольствіе чрезъ неблагоразуміе: таковыя поспупки обѣщающъ иногда леспный успѣхъ, но всегда имбютъ

онѣ плачевныя и несчастныя послѣдствія.

Естьли вы отнынѣ желаете избѣжать обидныхъ переговоровъ, которыхъ вы были предметомъ, возвратитесь къ Миссриссѣ Дунканѣ; и безъ сомнѣнія вы не задумаетесь о томъ, когда я скажу вамъ, ежели дѣйствительно вамъ сіе не извѣстно, что сѣмѣсяцъ назадъ, Полковникъ Бельгравъ проѣхалъ здѣсь, возвращаясь изъ Шотландіи, въ Лондонъ, гдѣ онъ теперь и находится.

Не могу я воспрепятствовать, сказала Аминна, чтобъ не дѣлали худыхъ толковъ самымъ невиннѣйшимъ дѣйствіямъ моимъ; но утѣшаюсь въ томъ свидѣтельствѣ совѣсти своей.

Дѣйствительно я имѣю причину оскорбляться подозрѣніями, коихъ я предметомъ въ разсужденіи сего несноснаго чело-вѣка, котораго я отъ всей души

моей презирала съ самой шой минушы, какъ узнала свойство и правила его.

Естьли пупешествіе ваше, сказала Лади Марша, имѣетъ главнѣйшимъ побужденіемъ не одну надобность увидѣть брата вашего, то къ погрѣшностямъ вашимъ присоединяете весьма поспыдное лукавство.

Вы очень спроги, сударыня! вскричала Аминта съ честолубіемъ невинности, несправедно осуждаемой. Ежели я влагаю персть въ рану, сказала Лади Марша, то сіе для изцѣленія оной. Я не имѣю инаго желанія, какъ отвратишь васъ отъ содѣланія новыхъ погрѣшностей, и спасти отъ пагубы особу, бывшую споль любезною Л о р д у Морпимеру, котораго именемъ говорю вамъ теперь, и котораго люблю съ наивеличайшею нѣжностію: возвратитесь къ Мисприссѣ Дун-

канъ ; по крайности въ семъ обстоятельстве докажете намъ , что вы не заслуживаете подозрѣній, которыхъ вы предметомъ. Она другъ вамъ ; а въ положеніи вашемъ истинной другъ вамъ надмѣру нуженъ , и надмѣру драгоцененъ , чтобъ могли вы подвергаться опасности потерять онаго. Какъ она живетъ уединенно , то вамъ меньше предснотъ удобства спрашиваться , чтобъ ваша исторія и настоящее имя сдѣлались извѣстны въ томъ мѣстѣ , гдѣ вы живете съ нею. Какая бы ни была надобность, понудившая васъ принять ложное имя , не ловко для васъ , что употребили какое лукавство ; ибо одинъ обманъ заставляетъ подозрѣвать о другихъ. Возвратитесь , я вамъ то повторяю , къ Мистриссъ Дунканъ ; а если ли нужно вамъ , чтобъ дѣлали изысканія для открытія брата

вашего, скажите мнѣ все, что угодно вамъ къ тому предпринять; я беру на себя попеченіе о исполненіи того, и сообщу вамъ о успѣхѣ нашихъ стараній.

Естьлибѣ Аминта не имѣла другой причины къ своему путешествію въ Лондонъ, какъ только желаніе обрѣсти и увидѣть брата своего, съ радостію бы приняла она предложенія, и послѣдовала бы совѣту Лади Марфы, утѣшаясь удаленіемъ отъ себя ложной клеветы, будто преслѣдуемъ Бельграва, ужаса встрѣпиться съ нимъ въ Лондонъ, и опасностей столь дальняго путешествія; но дѣло ея касательно до завѣщанія претовало поспѣшности и ея присутствія. Не могла она повѣрить онаго никому, кромѣ такого человека, кошорому бы надлежало препроводить ее предъ судъ, и тайна сія наиболѣе нужна была въ разсужде-

нїи Лади Марты, потому что можно было опасаться отъ нее нѣкотораго предубѣжденія въ пользу Маркиза Рослина, съ которымъ соединялся племянникъ ея, и который чрезъ сіе всего лишился.

Уповала Аминта, что въ полѣ великомъ городѣ, какъ Лондонѣ, и подъ ложнымъ именемъ, которое она рѣшилась сохранить для наибольшей безопасности своей, укроется она отъ Бельграва. Что же касается до того, чтобъ встрѣпиться съ нимъ въ пути, то никакъ сего не опасалась; ибо помышляла она, что не предпринялъ бы онъ такого дальняго путешествія и з н у т р и Шотландіи въ Лондонѣ, дабы сдѣлать столь краткое пребываніе въ столицѣ. Время доказало бы лживость заключеній, извлекаемыхъ изъ упорнаго ея рѣшенія ѣхать въ Лондонѣ.

И такъ сказала она Лади Марпѣ, что весьма благодарна ей за обязательныя предложенія, но что дѣлаются сныя ей безполезными чрезъ поступокъ, ею самой себѣ начертанный, и котораго невинность будетъ нѣкогда оправдана. Весьма досадно мнѣ, сказала Лади Марша, ваше рѣшеніе; но хотя и не лзя мнѣ воспретить себѣ хулить оное, не могу оставить васъ не сказавъ того, что естли когда нибудь вамъ случится надобность въ услугахъ, которыхъ бы вы не захотѣли требовать отъ постороннихъ, или которыхъ бы вы не могли льститься получить отъ нихъ: то вы можете уведомить меня о томъ и положитесь на мое усердіе. Симъ изъясняю я вамъ не только намеренія и чувства мои, но еще и тѣ, кои имѣетъ Лордъ Морпимеръ; и отъ его - по имени,

равно какъ и отъ моего, я говорю вамъ такимъ образомъ. Хотя происшедшее между вами, и новое положеніе, въ какое онъ входитъ, не позволяющъ ему вмѣшиваться въ касающееся до васъ; но не могъ бы онъ равнодушно снести мысль о томъ, чтобъ дочь Капитана Фитзлана была въ прискорбномъ состояніи, не употребивъ всѣхъ усилій, дабы извлечь ее изъ онаго.

О сударыня! вскричала Аминта, извѣстны мнѣ благородныя чувства Лорда Моршимера, и я была уже осыпана благодареніями его... Лади Марта шронупа была выраженіемъ, съ каковымъ сіи краткія слова произнесла Аминта. Гораздо смягчивъ голосъ свой, говорила ей: въ васъ, любезное дитя мое, погрѣшности были бы болѣе предосудительны, нежели во всякой другой, потому что вы не можете извинить-

ся въ оныхъ, какъ инья несчастныя шворенія , шѣмъ , чпюбъ въ опѣ вѣхъ были оставлены. Раскаяніе ваше о прошедшихъ вашихъ погрѣшностяхъ , какія бы онѣ ни были , удобно представитъ вамъ помощь мою и попеченія во всѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ вамъ оныя нужны будутъ ; а послѣ себя , я возложу попеченіе сіе на другога , который вмѣсто меня оное предприметъ ; и чрезъ сіе - то самое удовлетворю я намѣреніямъ и чувствамъ Лорда Мортимера. .

Благодарю васъ , Милади ! сказала Аминша , вставъ и призывая бодрость свою , за оказываемое вами мнѣ участіе. Придетъ время, можетъ быть, въ которое докажу вамъ , что я никогда не была онаго недостойна , и въ которое добрыя услуги, вами мнѣ предлагаемыя изъ жалости къ положенію моему, захѣшите шак-

же оказать мнѣ извѣ уваженія ; тогда состраданіе Лади Маршы не унизишь меня , и составишь мнѣ даже честь , для того что оно будетъ великодушное чувство добродѣтельнаго сердца , раздѣляющаго горести несчастной невинности.

Когда подходила она къ двери , слышала Лади Маршу говорящую : какъ жалко видѣть шликія дарованія , испорченныя погрѣшностію поведенія !

Ахъ , Милади ! вскричала Аминша , останавливаясь и печально оглянувшись : я нахожу васъ неумолимою.

Лади Марша покачала только головою ; и когда Аминша отворила дверь , Лади Марша сказала ей : у васъ есть также и письма Лорда Моршимера ? — Аминша сдѣлала знакъ , что есть.

Я думаю , лучше бы было , сказала Лади Марша , чтобъ онѣ

взаимно возвращены были; пришлише писанныя имъ, запечатавъ въ одинъ пакетъ, къ Лорду Шербюри въ Лондонъ, а я обязываюсь заставить къ вамъ возвратишь ваши.

Вы получите въ томъ повиненіе, сказала Аминта задыхающимся голосомъ. Лади Марта говорила, что она не хотѣла долге удерживать ее, и онѣ разстались.

Какъ скоро была она одна, но чувствва, которыя столь долгое время она останавливала, съ жестокостию предстали. Честнолюбіе, нѣсколько минутъ ее поддерживавшее, сдѣлалось слабою для нее подорою; потому что припоминая всѣ обстоятельствова, въ каковыхъ ей бывль случилось, не могла она утаить отъ себя, что много было такихъ, которыя могли оправдать подозрѣнія, коихъ была она предметомъ.

Принужденною находилась просить суровость Лади Марты; но слезы свои не обв одной себв она проливала: оплакива она участь Лорда Морпимера, котораго не менбе почитала несчастнымв, какв и самую себя; познавала она по изреченіямв, по взорамв Лорда Морпимера, что спрасить его кв ней ни мало не уменьшилась, и была столь же сильна и столь же истинна, какв и всегда. Очень видбла она, что Лади Евфразія никакв не сопворена была кв развлеченію печали его, и кв изгнанію изв сердца его образв, навсегда изторгающій изв онаго мирв и благополучіе.

Разпревоженная всбми произшествіями вечера, не думала она, чтобв найши какое-либо успокоеніе; но истощенная природа требовала онаго, и она предалась глубокому сну.

Встала она очень поздно. Какъ бросилась въ постелю во всемъ платьѣ, то весьма озябла и нимало не успокоилась; подошедъ къ зеркалу поправить свое платье и голову, удивилась блѣдности своей. Чрезвычайно желала она до своего отбѣзда избѣгнутьъ общесства, и съ прискорбіемъ посмапривала въ окно, не пріѣхала ли ея коляска; но замѣтила она, что изъ той комнаты, гдѣ она находилась, не могла ее увидѣть, для того что она была на задній дворъ. Не слышно было никакого шороха, а изъ того заключала, что въ домѣ еще не вставали. Окно изъ ея комнаты было въ пространный садъ, украшенный высочайшими деревьями, въпромъ колеблемыми; молодыя и прекрасныя расшенія окружали садъ; но ни возвышенности сіи, инеемъ покрытыя, ни различныя шѣни, какія осень на поляхъ

разсѣваетъ , ни хорошій вкусъ и чистота сада , не могли разсѣять Аминьшу. Упомилось наконецъ перябнѣе ея , и она опворила дверь посмопрѣнь , не услышитъ ли какого движенія въ домѣ. Скоро по томъ внимаешь голоса и шаги въ другихъ покояхъ; она вышла , и находитъ молодого Маквэна , которой учтивымъ и ласковымъ видомъ пожелавъ ей добраго дня , проводилъ ее въ залу , гдѣ уже собрались не только семейство и гости , ночевавшіе тушь , но многіе и другіе сосѣдніе дворяне. Докпоръ Жонсонъ прославлялъ завпраки Шопландскія; томъ , въ которомъ присутствовала Мисприссъ Маквэнь и прекрасныя ея дочери , не меньше замѣчательнъ былъ , какъ которой либо изъ всѣхъ имъ видаемыхъ. Кромѣ шоколаду , чаю и кофе , со всѣми къ нимъ припасами , пироги , конфекшы , пирож-

ное всякаго рода, непчина, цыплята покрывали сполѣ. Скапершь усыпана была душистыми правами и дикими цвѣтами, собранными при подошвѣ горѣ, и каждой гостѣ имѣлъ букетъ изъ свѣжихъ цвѣповъ съ небольшимъ Французскимъ билетцомъ любви и дружбы, и копорые читали къ великой забавѣ всего общества.

По приходѣ Аминты, Миссриссѣ Маквезнѣ говорила ей, что она хотѣла уже одну изъ дочерей своихъ послать просить ее туда; что бы она и прежде еще учинила, естлибѣ не опасалась опинять у нее время, нужнаго для успокоенія опѣ вчерашнихъ безпокойствѣ.

Аминта сказала ей, что она уже давно вспала, вѣ ожиданіи коляски, которую надлежало къ ней привезти.

Я вчера еще заботилась велѣть привезти вашу коляску, сказала Мисприссѣ Маквезнѣ; но не хотѣлось мнѣ, чтобъ вы не позавыпракавѣ насѣ оставили. Аминна находилась между молодымъ Маквезномъ, наканунѣ оказывавшимъ ей учтивости, и старшею изъ дочерей. Разговаривая съ первымъ, старалась она укрыться отъ глазъ Лорда Морпимера; но почти не менѣе поражается была голосомъ его, какъ и взорами.

Прошу васѣ, Лади Марта, сказала одна изъ молодыхъ дѣвицъ Маквезновъ, быть свидѣтельницею обѣщанія, которое я вырвала отъ Лорда Морпимера.

Любезная моя! отвѣчала Лади Марта, надлежитъ мнѣ напередъ узнать, какое то обѣщаніе.

Легко можно Лади Мартѣ позадуматься отгадать его. Бо-

жусь вамъ, что прошивъ воли своей обѣщаль оубъ мнѣ перчашки и маленькіе свадебные гостинцы. Аминта принуждена была опять на столѣ поставишь чашку, подносящую ея къ губамъ, и невольно бросила взоръ на Лорда Морпимера, которой отвратила она встрѣясь съ его глазами; — и объявляю вамъ, продолжала Миссъ Маквезнъ, что я получу ихъ съ великою благодарностію и удовольствіемъ.

Конечно мнѣ еще гораздо будетъ пріятнѣе, сказалъ Лордъ Морпимеръ съ пр и п в о р н о ю веселостію, предложитъ вамъ оныя.

Вы можете быть увѣрены, Милордъ! сказалъ одинъ изъ Маквезновъ, что за ласку, какую вы ей симъ окажете, она поспѣшитъ вамъ воздашь шаковою же.

Въ семъ случаѣ, сказалъ одинъ изъ госпей, она сходствуетъ со всѣми дѣвушками.

Что вы о томъ думаете ? сказалъ Аминта молодой Маквенъ, подлѣ нее сидѣвшій. Аминта въ великомъ смущеніи худо скрывала движеніе свое : она проворчала нѣсколько словъ. Молодые дѣвушки съ веселостію отвѣчали на сей вопросъ. Аминта симъ ободрилась.

Завтракъ окончился. Аминта нешерпѣливо желала уѣхать, не имѣла однако же бодрости первая подняться ; она казалась нѣкимъ очарованіемъ удерживаемою на томъ мѣстѣ, гдѣ видѣла Лорда Морпимера въ послѣдній разъ, или по крайности въ послѣдній разъ видѣла его, прежде нежели онъ спалъ супругомъ другой.

Спрахъ ея, опоздавъ въ дорогу, ибо не близко было ей ѣхать до ночлега, преодолѣвъ

наконецъ упорство ея встанъ съ мѣста, и она говорила молодому Маквезну, что пора уже ей было отбѣзжать. Въ ту же минуту всталъ Лордъ Моршимеръ, и предлагалъ сыновьямъ Маквезна идти посмотреть новыхъ растений, позади дома посаженныхъ, объ которыхъ отецъ ихъ желалъ знать его мнѣнiе.

Всѣ мужчины, исключая молодого Маквезна, сопровождали Лорда Моршимера, и выходя изъ комнаты, пожелали Аминшѣ добраго пути.

Еще нѣсколько минутъ, по выходѣ ихъ, пребывала она на стулѣ своемъ въ печальномъ молчанiи; и когда встала, чтобъ идти, Мистриссъ Маквезнъ, отведши ее къ окну, вновь упрашивала пребыть съ ними еще нѣсколько дней. Аминша отвѣчивалась отъ того, равно какъ и прежде, извясняя всю свою

признательность за полученной ею. приемъ. Мистриссъ Маквенъ говорила ей, что она надѣялась быть гораздо щасливѣе при возвращеніи Аминпы въ Шотландію. Нѣкоторыя изъ ея дѣшей приводили бы ее за нѣсколько миль, естли бы они не условились еще прежде прибытія ея провожать Лорда Морпимера до корчмы, гдѣ ему надлежало останѣвиться обѣдать, и гдѣ они желали также ему сошварещеспровождать. Она намѣревалась въ шотъ же день писать къ Мистриссъ Дунканъ, дабы возблагодарить за то, что познакомила ее съ столь пріятною особою; для семейства ихъ знакомство сіе казалось истинною находкой. Аминпа, получивъ нѣжныя прощанія отъ сей милой женщины и дочерей ея, сдѣлала имъ поклонъ, равно какъ Лади Маріѣ и Лади Араминтѣ,

которыя съ великою холодно-
стію онымъ же ей соотвѣст-
ствовали.

Провожаемая двумя Мисса-
ми Маквезнъ, спѣшила она сой-
ти въ сѣни; но весьма мучи-
тельно ей было, когда увидѣла
у дверей Лорда Морпимера, оспа-
новившагося съ молодымъ Мак-
везномъ, которой пошелъ узнать,
готова ли ей коляска, и съ од-
нимъ изъ его братьевъ. Она бы-
лопчасъ бросилась въ коляску,
еслибы не была остановлена
привѣстствіями молодыхъ людей.

Милордъ! спросили обѣ Мис-
сы Маквезнъ у Лорда Морпиме-
ра: куда же вы дѣвали всѣхъ
мужчинъ, съ вами пошедшихъ?
Спросише о томъ, отвѣчалъ Мор-
пимеръ, у вашего брата, кото-
рой ихъ въ погребъ заперъ. Это
была одна хитрость Маквезновъ,
любившихъ подобными шутками
забавляться. Обѣ Миссы, дабы

ушѣшиться , смятеніемъ плѣнни-
ковъ, пошли съ своими брапьями,
попросивъ Аминшу не уѣзжать
до возвращенія ихъ. Прозьба сія
не удержала бы Аминшу, копорой
нужно было извлечь себя изъ
споль тягостнаго положенія, въ
какомъ она находилась ; и конеч-
но бы не замедлила сѣсть въ ко-
ляску, естлибъ не оплучился из-
вощикъ , и еспьли бы она могла
его кликнутьъ. Тутъ услышала
она, что голосъ, великую власть
имѣющій надъ нею, вскрикиваетъ:
Аминша ! — и увидѣла подлѣ себя
Лорда Моршимера, копорый, сло-
живъ свои руки съ выраженіемъ
печали, повторялъ : Аминша ! въ
какомъ положеніи я вижу васъ !
какую вы вчера плачевную вы-
держали сцену ! Я даже теперь
отъ того въ опчаяніи ; ибо, не
взирая на все происшедшее, не
могу я никакого желать вамъ
зла. Ощущаю всѣ мученія ваши.

Отъ всего мнѣ о сердца прощаю
вами мнѣ причиненныя, и неща-
стїе, въ какое вы меня низрину-
ли. Проливаю объ васъ слезы
снисхожденїя и состраданїя.

Аминша, пронушая превы-
ше всякаго выраженїя, закрыва-
ла лице свое, дабы утаить слезы,
орошающїя оное.

Дайте мнѣ утѣшенїе слы-
шать, продолжалъ Лордъ Мор-
пимеръ, что вы мнѣ прощаете
прискорбіе, причиненное вамъ сце-
ною вчерашняго вечера.

Что я вамъ прощаю? повто-
рила Аминша; ахъ, Милордъ! . . .
и голосъ ея умиралъ на устахъ.

Ахъ! можете ли вы, приба-
вилъ Лордъ Морпимеръ, можете
ли вы быть щастливы?

Щастлива? перехватила
Аминша; о! никогда, никогда въ
семъ свѣтѣ! сказала она, под-
нявъ къ небу слезами омоченныя
глаза свои.

Въ сію минушу возвратились Маквезны съ освобожденными отъ нихъ плѣнниками. Аминша очень бы хотѣла уѣхать, дабы скрыться отъ взоровъ ихъ; но извощикъ оплучился, а голосъ ея надмѣру былъ слабъ, чтобъ могла его докликасться. Лордъ Моршимеръ, сжалившись надъ ея положеніемъ, отворилъ дверцы, и взявъ нешвердою своею препещущую руку Аминшы, проводилъ ее къ повозкѣ. Тутъ отворивъ дверцы, пожалъ онъ руку Аминшы своею, помогъ ей вѣйти въ коляску, и кликнулъ извощика, которой наконецъ пришелъ и успѣлъ сѣсть прежде прибытія всей толпы. Какая прошивность между сею веселою молодостію, блистающею здоровьемъ и радостію, и находящеюся въ наипрѣятнѣйшемъ положеніи, съ удаленіемъ отъ

Часть V. Ц

всѣхъ, одиночествомъ, уныніемъ Аминшы ! Когда онѣ подходили, по Моршимеръ, желая пощадить свою любезную и несчастную Аминшу отъ мученія бытъ еще замѣченною въ великомъ движеніи, въ каковомъ она находилась, сдѣлалъ знакъ извощику, чтобъ ѣхалъ, и онъ пустился въ путь.

Такъ - то Аминша оставляла жилище Маквезновъ, гдѣ прежде ее рѣдко печаль входила туда, не получивъ какого-либо облегченія; гдѣ странникъ, путешественникъ, бѣдный, были у вѣрны въ благосклонной и гостепріимной встрѣчѣ, и въ копоромъ живущіе представляли зрѣлище блаженства такого, какое только лзя сыскашь на земли. Аминша, отбѣзжая, видѣла богатые экипажи Лорда Моршимера и Леди Маршы, и

топчасъ отвратила отъ нихъ глаза, помышляя, что они будутъ споспѣшествовать къ великолѣпнѣю брака Лади Евфразіи. Въ продолженіе ея пути ничего замѣчательнаго съ нею не случилось; пріѣхала она въ Лондонъ въ вечеру, и отправилась къ Мисприссъ Коннель, въ Бонд-Спренсъ.

Г Л А В А 9.

Коляска остановилась у воротъ; она вышедъ изъ оной вошла въ лавку, гдѣ, къ неизвѣстному ея удовольствію, первый встрѣпившійся ей предметъ была Миссъ Рузброкъ, сидящая на прилавкѣ въ задумчивомъ положеніи. Сія топчасъ узнала Аминшу, и съ шоропливостію вскочивъ,

вскричала взявъ ее за руку: ахъ, моя любезная и почтенная! какая пріятная нечаянность! какъ я желала опшискать васъ, дабы изъяснить вамъ всю мою признательность! Сей ласковый пріемъ и неожиданная встрѣча Миссы Руброкъ предвозвѣщали Аминтѣ, что намѣренія ея въ разсужденіи Руброка не найдутъ препоны, и что онъ самъ послѣшивъ исполненіемъ дѣла, которое возложена на него располагалась. Соопшвѣтствовала она Миссѣ Руброкъ равномерными знаками привѣтствія, каковыя опъ нее получала, и спрашивала о здоровьѣ опца ея. Казалось, что вопросы сіи составляли нѣкое прискорбіе Эмили, которая въ опвѣстѣ своемъ означала такое смятеніе, что Аминша не осмѣливалась и повпорить оныхъ. Миссриссы Коннель шутъ не было,

и Аминта претовала сѣ нею свиданія, естли она была дома. Миссѣ Рузброкѣ топчасѣ пошла сыскать ее вѣ пріемной, находящейся позади лавки, и возвращалась сѣ нею. Это была Ирландка, женщина небольшого роспу, весьма дородная, которая хотя уже и не молода, но любила еще всѣ наслажденія жизни. Милости прошу, моя любезная Госпожа! сказала она Аминтѣ поклонясь. Я очень рада, что опять васѣ вижу, хотя и прежде только одинѣ разѣ имѣла сіе удовольствіе; но сѣ нѣхѣ порѣ безпрестанно слышала о васѣ похвалы изѣ устѣ сей молодой особы. Аминта опблаготарила ее; но надмѣру была она занята предметомѣ своего посѣщенія, чтобѣ могла говорить о чемѣ-либо другомѣ. Сказывала Мисприссѣ Коннель, что она пріѣхала изѣ опда-

леннаго Графства, гдѣ оставила друзей своихъ; и что не желая жить съ людьми, совершенно ей неизвѣстными, она остановилась у нее, въ надеждѣ найти шувъ кваршир/.

Любезная Госпожа моя! сказала ей Мисприсъ Коннель: весьма бы я находила для себя пріятнымъ принять васъ, но домъ мой весь занятъ.

Прискорбіе, причиненное Аминшѣ симъ опказомъ, сдѣлало ее на нѣсколько минушъ безмолвною, и потомъ просила она Мисприссу Коннель назначить ей какой нибудь домъ, гдѣ бы могла она остановиться по ея приговору, какъ вдругъ Миссѣ Руброкъ пошептала на ухо Мисприсѣ Коннель, и сія сдѣлавъ знакъ головою, что она охотно по-поняла, примолвила: такъ какъ вы столь сильно опасаетесь кваршировать

сѣ людьми вамъ незнакомыми , что означаетъ ваше благоразуміе всѣмъ пѣмъ , коимъ извѣстно , сколь велика злоба людей : Миссѣ Эмилія говоритъ , что ежели вы удостоите занять половину ея маленькой постели до пѣхъ поръ , какъ удастся вамъ найти жилище поспокойнѣе , то она васъ съ великимъ удовольствіемъ приметъ ; а я съ моей стороны сдѣлаю все , что отъ меня будетъ зависѣть , чтобъ домъ мой составилъ для васъ пріятнымъ .

О! будьте увѣрены, что съ великою радостію и благодарностію принимаю сіе предложеніе, вскричала Аминша. Маленькой уголокъ, въ столь почтенномъ домѣ, будетъ для меня убѣжищемъ гораздо пріятнѣйшимъ , нежели большія палаты, гдѣ бы я находила только неизвѣстныхъ мнѣ особъ.

Тотчасъ чемоданъ изъ ея повозки былъ вынутъ. Я вижу, сударыня, сказала Мисприссъ Коннель, прочитавъ надписанное подложное имя Миссы Дональдъ, что вы Шопландка, хотя и не имѣете того нарѣчія.

Ахъ! сказала Эмилиа, до сей минушы я не знала вашего имени.

Аминша весьма радовалась слышанному ею о томъ, рѣшась не объявлять своего истиннаго имени до тѣхъ поръ, какъ будетъ увѣрена, что Рузброкъ захочетъ обременить себя дѣлами ея. Проведена была въ приемную, довольно чисто прибранную, и чрезъ стеклянную дверь сообщалась она съ лавкою. Мисприссъ Коннель раздула огонь, и спрашивала у Аминшы, что угодно ей обѣдать? Если бы вы пріѣхали, говорила она ей,

часа два поранѣе, я бы вамъ предсказала превкусную чашку шеляпины. Аминша увѣряла ее, что она до чаю ничего бсть не спанетъ.

И такъ, прервала Коннель, вы сей же часъ получите добрую чашку горячаго чаю, хотя бѣднѣйшій Г. Коннель, упокой Богъ его душу! безпреспанно мнѣ швердилъ, что будучи столь попливою, какъ я, никогда бы его не надлежало пить; но смѣючись приговаривалъ мой сердечной: любезная моя Бригитта! ты и весь вашъ полъ походите на мать вашу Евву, и не можете пропивишься искушенію вкушать отъ плода вамъ запрещеннаго.

Эмилиа послѣ сего удалилась на минушу, и возвращаясь въ шляпѣ и капотѣ, говорила Аминшѣ, что ей нужно было отлучиться для свиданія съ опцомъ

и матерью своими, и что одна-
только-таковая причина могла
бы ее принудить лишиться себя
удовольствія остаться съ нею.

Аминта благодарила ее, и
сказала ей, что весьма бы для
нее прискорбно было доставить
ей какое-либо принужденіе.

Я увѣряю васъ, сказала Ми-
сриссѣ Коннель, по выходѣ Эми-
ліи, что дѣвица сія весьма нѣ-
жно васъ любитъ.

Мнѣ сіе чрезвычайно пріятно
но, перехватила Аминта, пошо-
му что я нахожу ее очень лю-
безною.

Она и дѣйствительно тако-
ва, сказала Мисриссѣ Коннель;
одинъ только въ ней недоста-
токъ тотъ, что уже слишкомъ
степенна по лѣтамъ своимъ.
Это правда, что нельзя тому и
удивляться, когда узнаешь поло-
женіе отца ея.

Я надѣюсь, прервала Аминша, что, оно не такъ худо, какъ было.

Не такъ худо! повторила Мисприссв Коннель; оно не можетъ быть хуже: бѣдный Капитанъ уже болѣе года въ шюрьмѣ.

Весьма для меня сіе огорчительно, сказала Аминша. По заключеніи его предпринимали ли въ пользу ему какое-либо стараніе у Лади Грейспокъ?

У Лади Грейспокъ? Боже мой! съ равною же надеждою о успѣхѣ можно бы опенестись къ какомунибудь изъ сихъ ужасныхъ звѣрей, ипорые хранятся въ башнѣ. Бѣдный дворянинъ! естли бы онъ никогда ни отъ кого, кромѣ ея одной, не получалъ помощи, то бы уже давно никому не былъ въ пягоспѣ. Около чешырнадапи дѣшъ тому

назадъ , какъ я его видѣла въ первый разъ. Бѣднякъ мой , покойный мужъ и я , имѣли лавку въ Дублинѣ , гдѣ полкъ его тогда квартировалъ. Онъ спялъ у насъ; шутъ Мисприссъ Рузброкъ и родила. Во время пребыванія въ нашемъ домѣ сдѣлалось между нами тѣсное знакомство. Оставили они насъ , отправляясь въ Америку. Спустя нѣскольکو времени , одинъ родственникъ моего мужа , хозяинъ сего дома и лавки , лишился жены , и оставшись одинъ и безъ дѣтей , предложилъ намъ пріѣхать жить съ нимъ , обѣщая намъ , ежели мы примемъ его предложеніе , присоединить насъ къ его торговлѣ , и послѣ себя оставить намъ свое имѣніе. Не всегда встрѣчающіяся такіе подарочки ! и такъ мы съ одного слова согласились. Не долго прожили мы вмѣстѣ : Бѣднякъ пошѣ

умеръ , и скоро былъ преслѣдуемъ моимъ мужемъ. Я сначала была очень печальна и уединенна ; но помышляя , что законъ запрещаетъ намъ допустить себя надмѣру убиваться печалію , я ободрилась и старалась жить. На послѣдокъ , вкратцѣ скажу вамъ , около шести лѣтъ назадъ , Мисприссъ Руброкъ и Миссъ Эмилиа пришли въ мою лавку , дабы нѣчто купить , ни мало не ожидая найти тушъ старинную свою пріятельницу. Встрѣча сія была смѣсь радости и прискорбія. Мы взаимно рассказали наши нещастія. Я находила дѣла бѣднаго Капитана въ весьма печальномъ положеніи ; оказывала я великое усердіе ему и всему семейству его. Когда его задержали , я взяла Эмилию къ себѣ , чшобъ помогала мнѣ въ моей торговлѣ. При-

обрѣтаемыя ею деньги употреб-
ляеиъ на пицу родителѣмъ сво-
имъ, а я условилась даромъ одѣ-
вать ее. Но помощь сія недо-
статочна для многочисленнаго
сѣмѣйства: я доспала работу
Мисприссѣ Рузброкъ и дочерѣмъ
ея. Эмилиѣ очень добрая дѣвуш-
ка; она теперь пошла повидать-
ся съ отцомъ своимъ. Но между
тѣмъ какъ я болтаю, и забыла,
что вода кипитъ. Оканчивая сію
рѣчь, она вспала, и позвонивъ,
чтобъ кликнуть служанку, до-
спала изъ шкафа чашки и всю
посуду, принадлежащую къ чаю.
Чай былъ изготовленъ, и все
слѣдующее къ оному подано; и
Мисприссѣ Коннель съ великимъ
удовольствіемъ принималась за
свой небольшой полдникъ.

Увѣряю васъ, сударыня, ска-
зала она Аминъ, что Миссѣ

Эмилія очень обрадовалась, нашедъ у меня пристанище.

Я въ томъ ни мало не сомнѣваюсь, прервала Аминта.

Теперь расскажу вамъ, сударыня, продолжала Мисприссъ Коннель, что съ мѣсяцъ тому, какъ нанялъ у меня одинъ дворянинъ, котораго скоро потомъ увидѣла я оказывающимъ свои услуги Эмиліи. Въ одинъ день я и очень его въ томъ подмѣшила. Г. Сипшорпъ! сказала я ему: очень вижу, что вы дѣлаете нѣжныя глазки одной изъ моихъ дѣвицъ; но я должна вамъ сказать, что она честная и благородная дѣвица, и такъ вы въ разсужденіи ея не можете имѣть, кромѣ какъ только на чести основанныя намѣренія. Вамъ надлежитъ избрать любое: или топчасъ отсюда сбѣжать, или болѣе не говорить ей о томъ. Тутъ со-

спавилъ онъ мнѣ прекрасную рѣчь, споль длинную, какъ бы опъ какого Члена въ Парламентѣ при какомъ - либо новомъ постановленіи. Боже мой! Г. Сипторпъ! сказала я ему, нѣтъ нужды въ толикихъ между нами разговорахъ; одно слово можешъ всѣ ихъ замѣнить: приступимъ къ дѣлу. Будучи понуждаемъ, сказалъ онъ мнѣ, что всегда разумѣлъ поступать честнымъ образомъ съ Миссъ Эмилиєю. Въ поже время говорилъ мнѣ о избыльномъ состояніи его имущества, которое я и очень подозрѣвала бышь такъ о вымъ по образу его жизни и содержанію. Увѣрялъ меня, что онъ предлагался не только женишься на Эмилии, но извлечь отца ея изъ пемницы, и составить благо всему ея семейству. Теперь приступаю я къ досадной части

моей исторіи. Однѣ молодой священникѣ, оказывавшій нѣкопорыя пособія Рузброку и его семейству при началѣ его злощасній, возчувствовалъ любовь къ Эмили, и она равномѣрную къ нему. Отецъ ея и мать согласились на ихъ союзъ, что было весьма глупо, въ разсужденіи невозможности молодаго человека помочь имѣ. Онѣ однако же многое общалъ для нихъ; но что сможетъ бѣдный священникѣ, а особливо когда еще опягощенъ будетъ женою и собственными своими дѣтьми? Послѣ сего помышляла я, что Рузброкѣ и жена его весьма ради будущъ избавишья отъ священника, и отдашь дочь свою Г. Сиппорпу. Ничего не бывало; когда предложила я имѣ сію паршію, одинѣ заговорилъ мнѣ о чести, другая о благодарности; а что касаетъ

ся до Эмилии, по она лишилась чувствъ. И такъ я заблагоразсудила услужить имъ противъ воли ихъ; и признавая молодого человека нѣсколько романическимъ, писала къ нему, дабы представить въ глазахъ его, сколь бы онъ былъ жестокъ противъ Эмилии, если бы избъ любви къ ней упорствовалъ въ исполненіи даннаго ему обѣщанія, и заставилъ бы ее поперять споль выгодное замужство, которое долженствовало бы спасти и учинить щасливимъ все ея семейство; наконецъ споль хорошо умѣла я пронуть его изящными чувствами, что онъ писалъ, какъ я того и надѣялась, письмо, въ которомъ обвѣялъ самой Эмилии, что онъ отъ нее опрелекается. Чувствительно пронуло Эмилию письмо сіе; но Капитанъ и жена его, думаю, что

ради тому во внутренности сердца своего; пошому что все разпоряжено къ браку съ Г. Сипшорпомъ, который нареченной невѣстѣ своей сдѣлалъ уже нѣсколько хорошихъ подарковъ. Чрезъ немногіе дни должно имъ сочешаться. Г. Сипшорпъ ожидаетъ только нѣкоторой суммы отъ своихъ опкупщиковъ, для освобожденя изъ пюрмы Капитана. Дурно шокмошо, что Миссѣ Эмилиа, вмѣсто того, чтобъ быть веселою и довольною, печальна и уныла, такъ какъ бы выходила она за старато и неблагообразнаго челоуѣка.

Ахъ! сказала Аминпа, припомните о сказанномъ вами, что сердце ея было занято.

Добро! вскричала Мистриссѣ Коннель: молодая дѣвушка должна сполько же имѣть надъ со-

бою власти: переѣнишь любовь , какъ бы головной уборъ.

Я надѣюсь , что Эмилиа не способна къ такой вѣтренности.

Сударыня ! сказала ей Мис-триссѣ Коннель , съ видомъ , который казалось ожидалъ ея въ Аминшѣ равномерной довѣренности , какую оказывала ей хозяйка ея ; могу ли спросить у васъ : откуда вы прѣехали ?

Изъ весьма опдаленной оп-сюда части Шотландіи , опвѣчала Аминша.

Ахъ, Боже мой ! какое даль-ное путешествованіе ! говорятъ , что это предурная сторона , гдѣ нѣтъ ни лѣсовъ , ни кустовъ.

Я васъ увѣряю , сказала Аминша , что тамъ не нуждающ-ся ни въ зелени , ни въ тѣни дре-весной.

Не уже ли! прервала Мис-приссѣ Коннель; вотъ подумайте, какія лжи сплешають!

А изъ какой вы земли, сударыня?

Изъ Княжества Валлискаго, ошвѣчала Аминша.

Вѣрно не одинъ разъ случилось вамъ карабкаться по горамъ, догоняя козъ, которыхъ, говорятъ, что великое множество въ той части свѣта?

Нѣтъ, право не случилось.

Долго ли вы, сударыня, пробудете въ Лондонѣ?

Я еще того не знаю.

Вы за какимъ нибудь дѣломъ пріѣхали?

Такъ.

Конечно дѣло сіе не великой важности; ибо въ прошивномъ случаѣ споль молодая особа не взялась бы ходить за онымъ.

Аминта, ничего не сказавъ, усмѣхнулась, и была наконецъ избавлена отъ тягоспныхъ вопросовъ Мисприссы Коннель, когда она кликнула къ чаю дѣвушекъ изъ лавки. Послѣ сего она перемыла чашки, поставила въ шкафъ, и пошла ваняться учрежденіемъ ужина.

Аминта, оставшись одна, разсуждала, что по соспоанію, въ какомъ находились дѣла Руброка, тогда, какъ занимался онъ замужствомъ дочери своей, весьма бы неразсудительно было съ ея стороны оплягачать его собственными своими дѣлами. И такъ рѣшилась ожидать, чтобъ нѣсколько успокоилось движеніе, какое произшедшіе сіе причиняшь могло, дабы тогда сообщить Руброку предпріятія свои; отъ всего сердца припомъ желая, чтобъ новое состояніе Эмилиі доставило благо-

получіе всему семейству. Миссриссѣ Коннель не долго была въ отлучкѣ, и Эмилиа почти въ одно съ нею время возвратилася. Миссѣ! сказала ей Миссриссѣ Коннель, не давъ ей минушы что нибудь выговорить Аминтѣ: я рассказала вашей пріятельницѣ все, что надлежало сказать ей о вашемъ дѣлѣ.

Вы ей все сказали? пере-
хвашила Эмилиа съ принужден-
ною улыбкою и задыхающимся
голосомъ. Аминта со вниманіемъ
на нее смотрѣла, и примѣчала во
взорахъ ея глубочайшую печаль.
По собственному своему сердцу
судила она о горестныхъ чув-
ствахъ, какія надлежало испы-
тывать Эмилии, принужденной
отказаться отъ предмета ея
приверженности, и ощущала къ
ней нѣжное состраданіе. Бол-
шанье Миссриссы Коннель очень

нягопило обѣихъ молодыхъ особѣ. По щастію, оно было окончено извѣщеніемъ обѣ ужинѣ. Аминта, подѣ предлогомъ своей усталости, пораиѣ желала идти спать; и такъ съ Эмилией удалилась. Комната была не велика, но числа и увеселяема добрымъ огнемъ, передъ которымъ онѣ съли раздѣвашься. Эмилія воспользовалась сею первою минушою, въ которую находилась одна съ своею благошворительницею, дабы извяснить ей всю свою признательность. Аминта старалась заспавишь ее перемѣнить рѣчь. Давно уже, сударыня, сказала ей Эмилія, желали мы доказать вамъ чувства нашей благодарности за добро, столь нѣжнымъ образомъ вами намъ учиненное. Родители мои въ сей вечеръ весьма были обрадованы, когда я увѣдомила ихъ, что имѣю возмож-

ность изъяснить вамъ общую нашу признательность.

Аминта дѣлала новыя усилія, дабы заспавить ее переменить рѣчь, и сказала ей: по сказанному вамъ Мисприссою Кондель легко можете помыслить, что я у нее спрашивала о всѣхъ подробностяхъ положенія вашего и о дѣлахъ вашихъ; но не думайте, чтобъ я была способна къ такой нескромности, не взирая на все внушаемое вами мнѣ участие.

О, сударыня! прервала Эмидія: я никакъ не имѣла мысли сей, а при томъ ваше любопытство въ семъ случаѣ не могло бы мнѣ быть прошивно; потому что оно довело бы васъ можетъ быть до познанія о моихъ бѣдствіяхъ, и привлекло бы мнѣ отъ васъ

сострадательныя утѣшенія , которыхъ давно уже я лишена , и увѣрена , что конечно вы бы мнѣ не отказали въ оныхъ.

Весьма бы я почитала себя щасливою , естли бы дѣйствительно возмогла облегчить ваши скорби , самымъ ласковымъ образомъ сказала ей Аминта.

О , сударыня ! прервала Эмилія : одно состраданіе ваше облегчитъ ихъ и изліетъ бальзамъ на раны сердца моего . Вы утвердите меня въ прилѣжномъ наблюденіи должностей моихъ ; вы научите меня покорности . Спрашусь только заслужить укоризны въ великомъ самолюбіи , когда такъ займу васъ собою .

Нѣтъ , нѣтъ , сказала ей Аминта , взявъ ее за руку : вы сдѣлаете то , что для меня безмѣрно лучше пріямно .

И такъ, сударыня, между
нѣмъ какъ вы станете раздѣ-
ваться, я сообщу вамъ мое пла-
чевное и крапкое повѣствованіе;
и начала такимъ образомъ:

Г Л А В А 10.

„Самое сладчайшее утѣшеніе,
какое только можетъ получить
огорченное сердце, есть то, что
открыть себя сердцу сострада-
тельному, такому, каковымъ за-
вѣрно полагаю ваше. Тогда, какъ
я имѣла щастіе васъ увидѣть
въ первый разъ, кредитъ отца
моего былъ истощенъ, и بسی-
ліе его къ плашежу долговъ сдѣ-
лалось извѣстно. Въ одинъ ве-
черъ онъ былъ захваченъ и увле-
ченъ отъ постели почти уми-
рающей машери моей. Не хочу

раздирать чувствительное ваше сердце, изображая вамъ ужасы сей минушы, опчаяніе отца и супруга, опторгнутаго опъ семейства, безъ помощи имъ оставаемого. Самъ боленъ и слабъ, покрытъ одеждою весьма недостаточною къ защищенію опъ суровости погоды, бросивъ прощающійся взоръ на мать мою, которую онъ не надѣялся болѣе опять увидѣть, былъ онъ столь сильно пронутъ, что принужденнымъ нашелся облокотиться на руку одного Приспава, его ведущаго. Матери моей въ то время сдѣлалось дурно, когда онъ вышелъ изъ комнаты. На нѣсколько минутъ измѣнили мнѣ силы, чтобъ подойти къ ней; но пришедъ въ себя, не имѣла никакой помощи подать ей. Старшій братъ мой пошелъ за опцомъ моимъ, а младшіе, ужснув-

шись видимой ими сцены, плакали, и желали бы скрыться, прижавшись въ уголъ комнаты. Наконецъ вспомнила я объ одной Госпожѣ, въ сосѣдствѣ у насъ живущей, отъ которой я надѣялась получить какое-либо вспомошествованіе; крайнѣйшая нужда одна могла бы меня принудить рѣшиться на сей поступокъ: ибо благосклонность, каковую сначала она оказывала намъ, приходя иногда посѣпить насъ, казалось совсѣмъ рушилась по смерти Г. Гашфильда, кошорому принадлежалъ домъ. Честолюбіе мое уступило нуждѣ, и я побѣжала къ ней. Слуга ввелъ меня въ нижнюю залу, гдѣ я нашла ее за чаемъ съ дочерьми своими, и однимъ молодымъ священникомъ, котораго я никогда не видывала. Не могла я рѣшиться объяснить наше положеніе въ присутствіи

незнакомца, и просила Госпожу, чтобъ удостоила выслушать меня на единѣ; но она мнѣ съ суровостію сказала, что я могла говорить предъ особами, шупъ находящимися. Тихимъ голосомъ, и часто прерывающимся въ повѣствованіи моемъ рыданіями и слезами, рассказала я ей несчастіе, поразившее насъ, и положеніе матери моей, и просила для нее чего нибудь силы подкрѣпляющаго. Удивленіе мое было чрезмѣрно, когда она обьясняла въ слухъ то, что я ей съ нѣкоторою сокровенностію говорила; и когда она сказала дочери своей дашь мнѣ полбушылки вина, прибавивъ: я всегда это предвѣщала, и говаривала Г. Гапфильду, что глупо было помѣщать васъ въ своемъ домѣ, и допускать васъ дѣлать такіе расходы. Я не стала болѣе убѣ-

ждать, и взявъ вино, удалилась съ сердцемъ крайне оскорбленнымъ.

„Едва успѣла я возвратиться, и бросилась на колѣни предъ постелею матери моей, которая начинала подавать нѣкоторые знаки возвращенія къ жизни, какъ услышала стукъ у дверей. Я думала, что это братъ мой пришелъ домой, и сказала одному изъ дѣтей, чтобъ отворить. Какое было мое удивленіе, когда увидѣла входящаго священника, того самаго, котораго видѣла жъ у Госпожи! Съ скоростію встала я, и взоры мои извѣсняли ему недоумѣніе мое. Онъ подошелъ, и благосклоннымъ голосомъ извинялся въ томъ, что столь дерзко вошелъ, единственно тѣмъ, что влекли его надежда и желаніе быть намъ въ чемъ либо полезнымъ.

„О! какъ утѣшительны были слова сіи! какъ сладостенъ слуху нещаснаго гласъ чувствительности, раздѣляющей мученія его! Слезы мои, честолубивъ и негодованіемъ оспановленныя, полились опяшь.

„Но не хочу я съ лишкомъ долго оспанавливать васъ на описаніи спраданія моего; довольно мнѣ будетъ сказать вамъ, что сей благопворительный молодой человекъ оказывалъ намъ всѣ попеченія, какія только возмогъ онъ оказать къ вспомошествованію въ нашемъ бѣдствіи, и что его и мои усердныя спаранія скоро машь мою возвратили къ жизни. Взоры его, слова, поступки, санъ его, все споспѣшествовало успокоить и оживить ее. Она благословляла Провидѣніе, споль добраго друга намъ пославшее. Братъ мой возвратился изъ пюрмы

только для того, чтобъ узнать, въ какомъ состояніи мы были, и отправился опять къ отцу моему. Незнакомецъ желалъ проводить его туда ; требованіе сіе составило намъ великое удовольствіе : ибо надѣялись мы, что посѣщеніе такое принесло бы сердцу бѣднаго отца моего такое же утѣшеніе, какое мы сами отъ онаго получили. Лишь только онъ ушелъ, какъ увидѣли мы принесенную корзину, виномъ и разными пошребностями къ кушанью наполненную. Оплягопила бы я наконецъ перпѣніе ваше, естлибъ съ н а л а рассказывать вамъ всѣ знаки благошворительности сего превосходнаго молодого человека. На послѣдокъ попеченіями его мать моя скоро была въ состояніи явиться въ шюрмѣ отца моего. Мисприссъ Коннель, при первомъ извѣстіи

• несчастіи нашемъ , пришла насъ посѣнить ; взяла меня къ себѣ , назначила мнѣ жалованье , которое отдано родителямъ моимъ , и служить на содержаніе ихъ и остальныхъ дѣшей. Въ одинъ день послѣ обѣда мать моя послала меня съ дѣтьми прогуляться въ Кензингтонъ. Другъ нашъ сотовариществовалъ намъ , и дорогою увѣдомилъ меня , что онъ принужденъ былъ оставить городъ ; что онъ былъ только викарій въ одномъ селеніи , и что истекло время отъпуска , которой онъ имѣлъ отъ Ректора. Около мѣсяца прошло , какъ я его узнала , и во все сіе время попеченія его не прерывались , и были для насъ источникомъ утѣшенія. При извѣстіи семъ охладѣло сердце мое , и съ сей минуты всѣ мученія мои гораздо жесточе мнѣ казались.

Вошедъ въ садъ, сѣла я на буторкѣ, для того чпо ноги мои дрожали; и онъ сѣлъ подлѣ меня. Никогда не чувствовала я такого стясненія души, и слезы мои текли, не взирая на всѣ мои усилія удержатъ ихъ. Спаралась я дашь ему почувствовать, что онъ причиняемы были воспоминаніемъ того времени, въ которое я съ родителями моими наслаждалась зрѣлищемъ сего прекраснаго мѣста. Дай Небо, вскричалъ онъ, чпобъ я возмогъ возвратитъ имъ возможность опяшь онымъ наслаждаться!

„Ахъ! сказала я ему: они уже сколько вамъ обязаны, что никогда не возмогутъ довольно возблагодарить васъ; и лишаясь присущствія вашего, невольно примолвила я, они единственную оппору теряютъ.

„Естьли по правда, какъ вы шѣмъ льсните мнѣ, что я могу быть для нихъ нѣкопорымъ вспоможеніемъ, сказалъ онъ мнѣ скромнымъ и покорнымъ видомъ, такъ позвольте, чшобъ они на помощь сію пріобрѣли ненарушимое право. О Эмилія! чшобъ ваши отецъ и мать были и мои, равно какъ они теперь ваши: тогда не будутъ болѣе оспанавливаемы сомнительною нѣжностью, и станутъ принимашь отъ меня какъ заплашу долга; то, что теперь почитаюшъ они благодареніемъ моимъ. — Я чувствовала румянецъ, выступившій на лицѣ моемъ. Состояніе мое, продолжалъ онъ, весьма умѣренное; ешьлибъ оно было гораздо лучше, то давно бы уже я предложилъ вамъ раздѣляшъ его со мною. Ешьли же вы на сей удѣлъ согласитесь, то соста-

вите благополучіе дней моихъ... Онъ ошпановился, ожидая моего отвѣта; но я не въ силахъ была дать никакова.

„Ахъ, сударыня! оной ему и не нуженъ былъ: взоры мои, и смущеніе, измѣнили чувствамъ моимъ. Онъ снова убѣждалъ меня; и наконецъ сдѣлала я ему признаніе, что не колебалась бы я соединить съ нимъ мою судьбу, еслибъ не была я нужна родителямъ моимъ въ печальномъ положеніи, въ какомъ они находятся. — Ахъ! сказалъ онъ мнѣ, не мыслите, чтобъ я хотѣлъ заставить васъ пренебречь столь священную должность; хотя я на сей разъ и не въ состояніи возвратитъ родителямъ вашу свободу, но могу увѣрить васъ, что ежели вы согласитесь на союзъ нашъ, то бережливость наша болѣе доставитъ намъ

средствъ къ достиженію сей цѣли, нежели теперъ я оныхъ имѣю.

„Предложенія сіи и требованіе его были сообщены родителямъ моимъ, копорыя ихъ приняли и одобрили съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ, менѣе по выгоды, какую они находили для себя самихъ, нежели по нѣжности ко мнѣ. Радовались, что ошнынѣ будутъ покойны о участи моей, такимъ образомъ меня пристроивъ. Намѣревались мы послѣ нашего брака взять съ собою нѣкопорыхъ изъ дѣтей. Время мое могло бытъ употребляемо на дѣланіе уборовъ, копорыя бы продавались Миссриссою Коннель для того, чтобъ получаемую прибыль отдавать родителямъ моимъ, и я могла бы иногда прѣзжать для посѣщенія ихъ, до тѣхъ поръ, какъ

была бы въ сѣспояніи принять ихъ въ кроткое наше убѣжище. Таковы были намѣренія и расположенія молодаго священника. Ему необходимо надлежало убѣхать; но положено было ему скоро возвратиться, и чтобъ тогда безъ малѣйшаго замедленія окончить распоряженіе сіе.

„Съ недѣлю спустя послѣ его отбѣзда, въ одно утро, когда шла я къ нѣкоторой госпожѣ исполнить препорученіе отъ Мистриссы Коннель, подошелъ ко мнѣ на улицѣ человекъ очень хорошо одѣтый, съ нѣскольکو грубою свободностію, и хотѣлъ вступитъ со мною въ разговоръ. Всячески старалась я отъ него избавиться, но не могла успѣть въ томъ. Удвоила шаги, чтобъ придти скорѣе домой, и видѣла, что онъ меня преслѣдовалъ. Не помышляла я болѣе о сей встрѣчѣ,

какъ чрезъ два дни послѣ увидѣла я его вошедшаго въ лавку, и пребующаго отъ Мисприссы Коннель дашь ему въ наемъ нѣкоторыя изъ комнатъ ея, кои, къ великому неудовольствію моему, пошчасъ отвели для него, куда онъ немедленно и переселился. Не могла я воспретить себѣ сомнѣваться въ томъ, что онъ имѣлъ какое нибудь въ разсужденіи меня намѣреніе. Рѣшилась я, естли дѣйствительно такова была побудительная къ тому мысль его, разрушить вымыселъ его, тщательнo убѣгая встрѣчи съ нимъ. Но тщетны были старанія мои: бодрость его пребывала столь неусыпаема, что не возможно мнѣ было взойти и сойти съ лестницы, не повстрѣчаясь съ нимъ. На послѣдокъ уведомила я Мисприссу Коннель о поступкѣ ея жильца,

я просила ее, въ соотвѣтствіе довѣренности родителей моихъ, которыя оказали ей оную, препоручивъ меня попеченію ея, прекратить ругательства Г. Сипшорпа. Увы! еслибъ я могла предвидѣть послѣдствія сего поступка, сто крапъ охотнѣе бы обиды его сносила въ молчаніи; о послѣдствіяхъ сихъ Мисприссъ Коннель васъ уже извѣстила. О сударыня! при полученіи письма сего, разрушающаго обязательство съ такимъ рвеніемъ и съ такою нѣжностію утвержденного, исчезли всѣ надежды мои къ благополучію. Долго пропивилась я убѣжденіямъ выдти за Сипшорпа; но когда сказала мнѣ мать моя, что она сокрушалась, видя, что чувства мои менѣе благородны и нѣжны, нежели тѣ, какіе имѣетъ человекъ, котораго я оплакиваю, и который столь

великодушно отпрекся отъ меня, дабы спасти отца моего отъ ужаснаго и стонъ души извлекающаго соспоянiя. Укоризна сiя раздирала сердце мое; я удивлялась себѣ, и досадовала на себя, для чего столь долго колебалась рѣшиться на то, что опверзало двери темницы отца моего; ибо, о Миссѣ Дональдѣ! жертва сiя для меня наипягостнѣйшая и наиужаснѣйшая. Синторпъ такою человѣкъ, котораго бы я никогда не могла любить, хотя бы сердце мое и не имѣло прежде никакой привязанности.,,

Аминпа истинною жалостiю была пронута въ разсужденiи горестей молодой своей прiятельницы, слезами заключившей повѣствованiе свое; но не поступила такъ, какъ большая часть молодыхъ дѣвицъ, коихъ сердце чувствительно, а рассудокъ слабъ,

я которыя дѣлаютъ еще живѣйшими печали имъ вѣряемыя, безъ мѣры сами предаваясь онымъ. Она оказала Эмилии гораздо основательнѣйшіе знаки дружества и величайшаго состраданія, пробуя примирить ее съ судьбою, которая казалась уже для нее опнынѣ опредѣленна. Говорила ей о правахъ отца надъ своимъ дитяшею, и о сладостномъ удовольствіи, каковое возчувствуетъ она, исполняя столь священныя должности. Описывала ей восхищеніе, слѣдующее за побѣдою разсудка и челоуѣколюбія надъ любовію къ себѣ самой и страстію, и утѣшительное одобреніе совѣсти, столь превосходнѣйшее предъ всѣми прочими удовольствіями и всѣми выгодами внѣшними.

Она говорила такъ по своему опыту и своимъ собесѣдующимъ

нымъ чувствамъ; припоминала себѣ минушу, когда, по гласу отца своего, отказывалась она отъ челоѣка, коимъ была любима, и котораго сама любила, и чувствовала, что ежели бы она находилась въ такомъ положеніи, какъ Эмилиа, то безъ размышленія бы учинила жертву, къ коюрой уговаривала молодую свою подругу. Она исполняла подаваемые ею уроки, въ семъ случаѣ весьма будучи различна отъ скучныхъ нравоучителей, кошорые щцапся вести насъ къ небу шрудными и колючими стезями, и усыпаютъ цѣшми пущь, ими для себя предоспаваемый. Приговоръ, испекающій изъ устъ ея, придавалъ важность словамъ ея и необычайное краснорѣчіе; но между шѣмъ какъ усиливалась она ободрить свою юную пріяшельницу, чувствительность ея

и тяжкое положение собственнаго ея сердца заставляли ее непосредственно раздѣлять мученія Эмили, которая видѣла надежды свои убѣгающими съ приближеніемъ минулы ужаснаго ей союза. Едва возмогла Аминта удержашь себя отъ слезъ о столь горестной судьбинѣ, и которую она покушалась счипать столь же жестокою, какъ и свою собственную; но размышленіе однако же довело ее до того, что она находила себя гораздо несчастнѣйшею, потому что не встрѣчала никакого изъ тѣхъ услажденій горестей своихъ, какія находила Эмили, и которыя могли вспомошествовать ей сносить оныя. Аминта не имѣла, какъ Эмили, утѣшенія мысли, что скорби ея способствовали къ доставленію нѣкотораго облегченія прискорбіямъ

шакой особы, которая была ей любезна.

Слова ваши, дражайшая моя, сказала ей Эмилиа, успокоили душу мою; я рѣшилась опны-нѣ изгнать безполезныя сѣтванія; прошу васъ простить меня въ неблагоразуміи столь долго занявъ васъ собою при окончаніи дня, въ которой конечно имѣли вы много безпокойства. Аминша дѣйствительно казалась упомленной, и спѣшила лечь въ постелю. Ч а с т о прерываемый сонъ мало приносилъ ей отдохновенія; горесть ея равно тяготила сердце, какъ и наканунѣ. Лордъ Морпимеръ помѣщался въ ея сновидѣніяхъ, и былъ первою мыслию при пробужденіи; подушку свою нашла она омоченную слезами. Эмилиа уже встала; и когда Аминша отдернула завѣсы, она оставила читаемую ею кни-

гу и побѣжала къ ней. Находя ее въ великой слабости, относила изнеможеніе сіе къ усталости отъ путешествія; уговаривала ее не вспавать и завтракать въ постелѣ; но Аминша, зная, что немощь ея была дѣйствіемъ различныхъ причинъ, которымъ покой отнюдь не могъ пособить, встала и сбѣла къ шуалешу. Когда была она въ семѣ упражненіи, Эмилиа вскричала: естли вы хошите видѣть Сипшорпа, то я вамъ покажу его; вошѣ онѣ идеяѣ со двора. Аминша подошла къ окну, которое Эмилиа тихонько отворила ей. Но пусть предсавятѣ себѣ ея удивленіе, когда въ семѣ Сипшорпѣ познала она хипраго, безчестнаго Бельграва! Засывала кровь въ жилахъ ея; и опспутивъ нѣскольکو шаговъ, почти безъ чувства упала она въ креслы.

Эмилиа ужаснувшись съ хотѣла позвонить, дабы призвать на помощь, какъ вдругъ Аминта остановила ее, сдѣлавъ знакъ головою: это ничего, сказала она ей; я хочу опять на минуточку вѣ мою постелю, и прошу васъ идти и завтракать безъ меня. Эмилиа отъ того отказывалась, и хотѣла велѣть принести вѣ шу комнату завтракъ для обѣихъ. Аминта сказала ей, что она вѣ шу минуточку не могла ничего бсть, и что имѣла нужду только вѣ одномъ покоѣ. Эмилиа наконецъ съ великимъ прискорбіемъ оставила ее.

Аминта, оставшись одна, усиливалась собрать свои мысли и успокоить движеніе свое, дабы имѣть возможность лучше придумать, какъ бы извлечь себя изъ опаснаго положенія, вѣ каковомъ она находилась. Раѣспущство Бель-

грава не позволяло Аминтѣ мыслишь, чтобъ новый предметъ, который онъ имѣлъ въ виду, опвратилъ его отъ прежняго преслѣдованія за нею, когда найдешъ ее столь неожиданно повергнушую на пути его и лишенную всякаго покровительсва. Не могла она сказать опкрыто, что знала Бельграва и все его бездѣльничество; много надлежало ей спрашиваться, чтобъ, спасая Эмилию, не погубить самую себя. Таковое обьясненіе измѣнилобы ей; и жопя она могла бы заставить изгнать его изъ дома Мисприссы Коннель, безъ друзей, безъ родныхъ, не могши найти никакой защиты въ Рузброкѣ, препетала она при мысли объ опасностяхъ, какимъ бы подвергнулась, опкрывъ себя Бельграву, котораго наглость и хитрость преда-

тельства покрыли бы ее сѣтями, изъ коихъ можешъ быть не возможно бы ей было извлечь себя. Въ разсужденіи сего считала она, что самое благоразумное средство, какое могла она предпринять, было то, чтобъ въ шопъ же день оставишь домъ, но не сказавъ, что не располагалась опять въ оный возвратиться. Припомнила она объ одномъ мѣстѣ, въ которомъ чаяла, что легко могла найти себѣ пріютъ, и припомъ вѣрное и скрытное убѣжище, рѣшилась безвѣстнымъ письмомъ увѣдомить Капишана Рузброка объ опасностяхъ, которымъ подвергалась дочь его; а для увѣренія въ истиннѣ, присовѣтовать Капишану просить свидѣтельства отъ Сира Карла Бингеля. Учредивъ планъ свой, была она покойна; и когда Эмидія возвра-

тилась, спрашивала она у нее съ такимъ видомъ, какъ бы вопросъ былъ весьма равнодушный: въ какомъ часу Г. Сипоривъ приходилъ обыкновенно?

О семъ за вѣрное никакъ не лзя сказать, отвѣчала Эмилія.

Мнѣ нужно выдти сего дня, продолжала Аминта, для весьма важнаго дѣла, и я потчасъ одѣнусь на весь день. Спросила потомъ чернилъ, перо и бумаги, что Эмилія и принесла ей. Когда сія вышла, написала она письмо, которое здѣсь увидятъ; открыла чемоданчикъ, достала изъ онаго нѣсколько бѣлья, завѣщаніе Лорда Дунраша, и писаніе Лади Дунрашъ. Вопъ ее письмо къ Капитану Руброку:

„Нѣкшо, почишающій Капитана Рузброка и милое чисто-сердечіе его дочери, предувѣдомляетъ отца защитить невинность Эмилиі при величайшей угрожающей ей опасности отъ одного злочестивца, которой подъ видомъ честности располагаетсяся пронзить огорченныя сердца стрѣлою гораздо острѣйшею, нежели та, какою бѣдствие поразило ихъ. Сердце Сиппорпа столь же ложно, какъ и имя его. Чаемый Сиппорпъ есть Полковникъ Бельгравъ; свойство онаго, уже многіе годы, отличаетъ дѣйствіями обмановъ и предательства, не меньше ужасныхъ, какъ то, какое приуготовляетъ на пагубу милой дѣвицы, преслѣдованіемъ которой занимается. Особа, доставляющая сіе извѣстіе Капитану Рузброку, для увѣренія въ истиннѣ сихъ словъ,

отсылаетъ его къ Сиру Карлу Бинглюю , Офицеру пятагонадесять полку ; надпись къ нему можетъ получить въ Военной Коллеріи ; оной конечно доставитъ ему всѣ объясненія , и приложитъ всѣ потребныя старанія для спасенія добродѣтели отъ опасности приближающагося разрушенія. „

Аминта , столько же огорчась положеніемъ Эмили , какъ и своимъ собственнымъ , рѣшилась сама отнести письмо въ шюрму къ Рузброку , опасаясь какой либо непріятности , если будетъ доставляемо чрезъ другія руки . Весьма хотѣлось ей потчасъ оставить домъ ; но размышляла она , что гораздо лучше подождать вечера : тогда меньше для нее будетъ опасенія встрѣтиться и быть узанною отъ Бель-

грава, коюрой вѣ сію минути конечно находился вѣ какомъ нибудь мѣстѣ, гдѣ проведетъ и остатокъ дня. Чрезъ часъ возвратилась Эмилія, и нашедъ Аминшу свободно, просила у нее позволенія оспаться съ нею. Аминшъ при настоящемъ положеніи души ея лучше бы желалось бытъ одной; но не могла она отказать собесѣдничеству сей много любившей ее дѣвицы, и копорая, разговаривая съ нею, старалась разсѣять печаль, доставляемую ей мыслию о приближающемся союзѣ ея съ Силторпомъ. Аминша съ прискорбнымъ вниманіемъ прислушивалась, не входитъ ли Бельгравъ, и не слыхала ничего, что бѣ могло заставить ее подумать, что онъ пришелъ; на послѣдокъ возвратили имъ обѣ обѣдѣ; но Аминша полагала, что не должно

ей присутствовать за онымъ, опасаясь, чшобъ онъ ее не увидѣлъ. Дабы избѣжать сей неприятности, и не заставить отказа свой почестъ спрранностию, рѣшилась выдти; и сообщивъ свое намѣреніе Эмилиі, онѣ сошли вмѣстѣ. Эмилиа очень убѣждала ее оспаться обѣдать; но она отказалась, и съ прискорбіемъ оставила домъ, не отвѣчая на вопросы Эмилиі, желающей знать, скоро ли она возвратится. И такъ, новыми угрожаемая опасностями, была она какъ дикая пшица, ищущая убѣжища отъ бури. Съ великою поспѣшностію шла она до Оксфорд-Спреэша, гдѣ взяла ямскую карету. Кучеръ принужденъ былъ почти донести ее до повозки: такъ была она слаба! Пріѣхала къ шюрмѣ, гдѣ спросила сторожа, кошорому вручила

письмо, назначенное Рузброку, и копорой взялся ему оное доставить. Опшуда велѣла везти себя въ Паль-Маль, гдѣ могущъ припомнить, что жила она съ Ладією Грейстокъ. Эшотъ только одинъ домъ такого рода находился ей извѣстнымъ въ Лондонѣ; оспановясь тутъ, не полагала она обрѣсти другую выгоду, какъ только быть въ безопасности; ибо хозяйка дома была женщина весьма непріятнаго свойства; иѣкогда бывала она богата, и сіе воспоминаніе удручало нравъ ея, и дѣлало неспособною не только наслаждаться небольшимъ избыткомъ, опять ея обрѣпненнымъ, ниже соотвѣтствовать оному. Она изливала досаду свою на все въ свѣтѣ, что только въ наималѣйшей было отъ нее зависимости. Главнѣйшая ея спрасъ была нена-

сынимое любопытство, и величайшее удовольствие рассказывать, что узнала, добро или худо, для нее все равно. Аминта, услышавъ у ворошѣ, что хозяйка находилась дома, отослала повозку и была введена служанкою въ заднюю комнату, гдѣ нашла Мисприссу Ганзардѣ, которая увидя ее, не вспала съ спуга и не сдѣлала ей поклона; съ надменною улыбкой спрашивала ее, давно ли она возвратилась въ Лондонѣ, и за чѣмъ сюда прѣѣхала ?

По дерзкой в с т р ѣ ч ѣ сей очень видѣла Аминта, что надлежало, чтобъ Мисприссѣ Ганзардѣ увѣдомлена была о положеніи, въ какомъ она находилась; ибо сія женщина прежде до подлости была низка предъ нею. Вздохнула она, увидѣвъ себя при-

нужденною имѣть нѣкоторыя переговоры съ такою пварью, которая могла столь худо съ нею поступить по причинѣ ея несчастія. Дрожала, она помышляя о своемъ горестномъ положеніи; больна, слаба, упомлена, болѣе упала, нежели сѣла она на стулъ, котораго никакъ не предлагали ей.

Нужка, Миссѣ! повторила Мисприссѣ Ганзардѣ пономѣ еще гораздо болѣе дерзкимъ, какое же дѣло привело васъ въ городъ?

Мои дѣла, сударыня, отвѣчала Аминта, не могутъ требовать участія отъ особъ, съ которыми тѣснаго дружества не имѣю. До васъ же дѣло мое единственно то, чтобы узнать; можете ли вы мнѣ дать квартиру у васъ?

Подлинно ли такъ? сказала ей Мистриссъ Ганзардъ; но вы би гораздо болѣе могли мнѣ сдѣлать привѣтствія, спросивъ у меня, здорова ли я. Вы можете вообразить, какъ бы лестно для меня было такое вниманіе отъ споль милой молодой Госпожи.

Слова сіи, произнесенныя на смѣшливымъ тономъ, возбудили честолюбіе Аминпы и оживотворили его. Я очень бы рада была, сударыня, сказала она ей гораздо болѣе покойнымъ и твердымъ голосомъ, узнать, можете ли вы и хопите ли дать мнѣ кварширу у васъ?

Боже мой! любезная моя! не безпокойте себя сполько; выпейте со мною чашку чаю, и попомъ мы сдѣлаемъ выше дѣло. Слова сіи, казалось, общали со-

гласіе на желаемое Аминшою ; и сколь ни непріятно ей было найденное ею убѣжище , но радовалась еще получая оное. Чай былъ изготовленъ , и Аминша, ничего не ѣвши опѣ самаго завтрака , съ удовольствіемъ бы пила его , естлибъ не была терзаема вопросами Мисприссы Ганзардѣ , которая ей тысячу различныхъ сѣшей подспавляла , чшобъ заставилъ ее сказать , какая была цѣль путешествія ея въ Лондонѣ. Аминша , хопя весьма удаленная опѣ всякаго лукавства , научена была печальнымъ опытомъ осшерегаться онаго въ другихъ , и не открыла тайны своей. Мисприссѣ Ганзардѣ очень любила , какъ называла она , чайную бесѣду , и безмѣрно длила продолженіе онаго. Аминша , наконецъ , измученная и напуганная ѣкошорыми выраженіями ,

вырвавшимся у сей женщины ,
требовала, чшобъ она опшела ей
покой.

Не шупточное ли ваше пре-
бованіе ? сказала ей Мисприссѣ
Ганзардѣ. Въ словахъ сихъ и
поступкахъ хозяйки находилась
такая выразительность презрѣ-
нія , что Аминша , до глубины
оскорбленная , была не въ со-
стояніи скоро на сіе отвѣстство-
вать ; а Мисприссѣ Ганзардѣ
продолжая прибавила : ежели вы
не шуптя намѣрены остановишь-
ся у меня , то должно , моя лю-
безная , чшобъ увѣренность ваша
дошла до такой степени , какой
я и не ожидала отъ васъ , хопя
вы и весьма довольно оной имѣете.
Не думаете ли вы , чшобъ я захо-
тѣла пошерять доброе имя мо-
его дома , принявъ васъ въ ономъ —

я, которая не пускаю, кромѣ честныхъ особъ, и такихъ людей, какъ надобно? Развѣ мы не знаемъ, что Лади Грейспокъ, изъ милости доставивъ вамъ свое покровительство, лишила васъ онаго за ваше дурное поведеніе? Бѣдная Госпожа! я знаю всю вашу исторію изъ собственныхъ успѣевъ ея; она очень вами шлягошилась, изрядно я догадывалась; и не взирая на лицемѣрную вашу оспорожность, прекрасно дозналась, что дѣла ваши идутъ худо. Будьте увѣрены, что ежели бы я приняла васъ въ свой домъ, по вамъ бы не очень хорошо было въ ономъ, для того что въ комнатахъ моихъ нѣтъ удобнаго кабинета, гдѣ бы молодая Госпожа такого разбора, какъ вы, могла скрыть молодого весельчака. Ежели вы поссорились съ кошо-

рымъ нибудь изъ вашихъ пріятелей, что и принуждаетъ васъ искашь новой квартиры, то совѣтую вамъ примириться съ нимъ; хопя, правду сказать, есль-либъ вы и не помирились съ пѣмъ, пакъ въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ, легко найдете другаго. Впрочемъ можетъ быть вы и на пуши къ раскаянію о прошедшемъ вашемъ поведеніи. Но и сего не довольно заспавить меня принять васъ въ домъ мой, будучи такъ увѣрена, какъ я, что снисхожденіе мое повредило бы столько же карману моему, какъ и доброму имени. —

Ужасъ и смутные взоры Аминпы, внимающей рѣчь сію, заградили бы уста всякой особѣ, имѣщей въ сердцѣ своемъ искру чловѣколюбія, даже и тогда,

естьлибъ предстоялъ предъ нею истинный виновникъ. Но сей женщи́нъ чуждо было всякое человеколюбивое и великодушное чувство; она торжествовала въ злости своей, и утѣшалась тѣмъ, что пронзала препещущее сердце невинноспи, жертву спрѣлъ поруганія и неправедной укоризны между испытаніями, каковымъ до сихъ поръ подвержена была Аминта въ жизни крапкой, но изобильной гореспныхъ произшествій; сіе было для нее најесточайшимъ ударомъ! Окамененная опъ разговора Мисприссы Ганзардъ, нѣсколько времени была она не въ силахъ произнести ни одного слова; наконецъ вскричала: праведное Небо, къ которому я отношусь! Ты единственный покровъ мнѣ; какимъ испытаніямъ подвергаюсь я То-

бою? долго ли мнѣ пребывать гонимой, обруганной, и оскорбленной? Ахъ! сколь бы пріятно было для меня сіе послѣднее убѣжище, гдѣ злоба и предательство людей не могло бы болѣе поспичь меня! Я радуюсь, продолжала она, вставая и бросивъ на Миссриссу Ганзардъ благородный и гордый взглядъ, что вы не приняли меня въ вашемъ домѣ: ибо я увѣрена по видимому мною расположенію вашему, что въ домѣ вашемъ не нашла бы я желаемой мною благонадежности. Въ то же самое время вышла она изъ комнаты; не когда была она уже въ сѣняхъ, шупъ оставила ее вся отважность, при ужасной мысли, что выходя изъ сего дома, она не имѣла болѣе гдѣ бы найти себѣ пристанище. Помышляя о семъ,

Часть V.

Ы

была объята ужасомъ, бросилась она на стулъ, какъ вдругъ одна служанка, копорая чайшельно слышала разговоръ между ими происходившій, не опасаясь, чтобъ тутъ замѣтила ее хозяйка Мисприссъ Ганзардъ, затворивъ дверь въ комнатѣ, гдѣ она осталась, сказала ей: Миссѣ! о чемъ вы столько огорчаешесь? Э, Боже мой! какая вамъ нужда, что сія злая старуха наговорила вамъ въ своей комнатѣ? Увѣряю васъ, что ежели бы мы хоть мало оное въ дѣло считали, то бы у насъ всегда глаза были красны. Но скажите мнѣ, Миссѣ! не могу ли я оказать вамъ какую нибудь услугу?

Аминта слабымъ голосомъ отблагодарила ее, и начала прилѣжно рассуждать, что въ тогдашній часъ искашь квартиру, было бы подвергать себя опа-

сностямъ, каковыхъ она избѣгнула. Домъ Миссриссы Коннель пришелъ ей въ умъ; по причинѣ невозможности найти другой въ сію минушу, представляла себѣ въ мысли, что не встрѣшитъ такой опасности, какую сначала воображала. Бельгравъ конечно уже будетъ сосланъ, когда возвратится она туда; письмо ея будетъ имѣть въ время произвеси дѣйствіе свое. Ежели же онъ и былъ еще тамъ, по какой либо случай авосьлибо защититъ ее отъ встрѣчи съ нимъ; а когда бы онъ и увидѣлъ ее, Миссриссъ Коннель сохранила бы ее отъ явныхъ обидъ; между тѣмъ же льстила она, что своими предосторожностями, съ помощію Неба, спасется отъ скрытыхъ сѣтей. И такъ она рѣшилась, или, лучше сказать, принуждена была необходимо-

ещю, возвратишься къ Мисприссѣ Коннель. Въ слѣдствіе сего рѣшенія, просила она добрую служанку идти сыскашь ей карету, и заплашила ей за труды. Возвращаясь къ Мисприссѣ Коннель, всячески старалась она успокоить свое движеніе и удалить страхъ свой, какъ вдругъ остановилась карета у воротъ; и когда она вышла, сильно покушалась спросить у дѣвки, которая отворяла ей ворота, не было ли кого посторонняго въ домѣ? Однако же помышляя, что вопросъ сей могъ бы произвести подозрѣнія, и что подозрѣнія сіи могли бы довести до разыскиванія, удержала свое любопытство, и вошла еще препенуща въ тотъ домъ, изъ котораго за нѣскольکو часовъ предъ симъ бѣжала она съ столь великимъ ужасомъ.

Конецъ пятой Части.

У Содержателей Университетской Типографіи, *Любія, Гарія и Поповъ*, въ ихъ лавкахъ, въ продажу вспутили слѣдующія новыя книги :

Азбука Лашинская (новая), или легчайшій методъ учиться читать по Лашынѣ и началамъ Лашинскаго языка, снабженный избранными мѣстами изъ Лашинскихъ Писателей, для упражненія дѣшей въ чтеніи, краткимъ изъясненіемъ частей слова, нѣкопорыми Грамматическими нужными правилами, таблицами склоненій и спряженій и проч. М. въ 8. въ бум. 45 коп.

Анекдоты и характеристическія черты изъ жизни Бонапарте, открывающіе духъ и свойства его, выбранные изъ всѣхъ тѣхъ Писателей, которые когда-либо писали о семъ Герое ;

съ Нѣмецкаго. М. въ 12. 1803 г. —
Сія книжка содержитъ въ себѣ
59 анекдотовъ о первомъ Консу-
лѣ Франціи, взятыхъ изъ воен-
наго его поприща и приносящихъ
честь геройству, рѣшимости и
военнымъ добродѣтелямъ, его
украшающимъ. Чтеніе ихъ пріятно
и занимательно. — въ пп. 65 к.

Ариспоменъ и Горгъ, или мще-
ніе и человѣколюбіе. Основаніе сей
повѣсти взято изъ исторіи. Ав-
торъ ея Лафонтенъ, Нѣмецкой
Писатель, во всей Германіи про-
славляемый и уважаемый въ са-
мой Франціи. Издатели смѣло
могутъ увѣрять Любителей прі-
ятной Литературы, что каж-
дой изъ нихъ сею книгою будетъ
доволенъ, съ Нѣмецкаго. — Пере-
водъ достоинству подлинника со-
вершенно отвѣчаетъ. — 2 Тома,
М. въ 12. 1803 г. въ пер. 4 руб.

Британскій Выходецъ, или рѣд-
кой примѣръ Героической вѣр-
ности, истинная повѣсть; съ

Французскаго. Сія книжка имѣетъ всѣ достоинства, Французскимъ Романическимъ сочиненіямъ свойственныя, и рекомендуется Любителямъ книгъ сего рода. М. въ 12 1802 г. въ пер. 1 руб. 10 к.

Гервей, или хижина престарѣлаго корабельщика. Сія книжка представляя каршину простоты и невинности нравовъ, нѣжности чувствованій, добросердевія и простодушія, занятъ можетъ всякаго чувствительнаго Читателя пріятнѣйшимъ образомъ и возбудитъ шогательное соучастіе въ судьбѣ двухъ нѣжныхъ сердецъ, достойныхъ одно другаго. М. въ 12. 1802 г. въ пер. 1 р. 20 коп.

Грамматика Нѣмецкая для классовъ Императорскаго Московскаго Университета Гимназій и Вольнаго Благороднаго Пансіона, при помянутомъ Университетѣ состоящаго, издачная Коллежскимъ Совѣшникомъ, Профессо-

ромъ П. О. Иваномъ Геймомъ, изъ
всѣхъ до нынѣ изданныхъ самая
удобная и легчайшая. М. въ 12.
1802 г. въ пп. 75 коп. въ бум.
60 коп.

Грамматики Россійской краш-
нiя правила, собранныя изъ раз-
ныхъ Россійскихъ Грамматикъ,
въ пользу обучающагося юноше-
ства въ Гимназіяхъ Император-
скаго Московскаго Университета.
Изданіе осьмое. М. въ 12. 1802 г.
въ бум. 35 к. въ пп. 50 коп.

Доказательство противъ вра-
говъ вѣры, въ утверженіе вѣр-
ныхъ, въ посрамленіе буйныхъ и
въ сугубую пользу всѣхъ любя-
щихъ свящую истинну и благо-
честіе, изъ сочиненій славнаго
Массилёна; перевод. съ Француз-
скаго Гна Вышеславцева. М. въ
12. 1802 г. въ бум. 40 коп.

Драматическая повѣсть Друзья,
въ слухахъ, сочин. Н. Р. . . ва.
М. въ 12. 1802 г. въ бум.
40 коп.